

ҚАРАҒАНДЫ
УНИВЕРСИТЕТІНІҢ
ХАБАРШЫСЫ
ВЕСТНИК
КАРАГАНДИНСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 0142-0843

ТАРИХ. ФИЛОСОФИЯ
сериясы
№ 1(61)/2011
Серия ИСТОРИЯ.
ФИЛОСОФИЯ

Қаңтар–ақпан–наурыз
1996 жылдан бастап шығады
Жылына 4 рет шығады

Январь–февраль–март
Издается с 1996 года
Выходит 4 раза в год

Собственник РГКП **Карагандинский государственный университет
имени Е.А.Букетова**

Бас редакторы — Главный редактор

Е.К.КУБЕЕВ,

академик МАН ВШ, д-р юрид. наук, профессор

Зам. главного редактора

М.Ж.Буркеев, д-р хим. наук

Ответственный секретарь

Г.Ю.Аманбаева, д-р филол. наук

Серияның редакция алқасы — Редакционная коллегия серии

Б.Е.Колумбаев,	редактор д-р. филос. наук;
Ж.С.Сыздыкова,	д-р ист. наук;
К.С.Алдажуманов,	д-р ист. наук;
В.В.Евдокимов,	д-р ист. наук;
Р.М.Жумашев,	д-р ист. наук;
З.Г.Сактаганова,	д-р ист. наук;
В.В.Козина,	д-р ист. наук;
Б.Г.Нуржанов,	д-р филос. наук;
С.Б.Булекбаев,	д-р филос. наук;
В.С.Батулин,	д-р филос. наук;
Л.К.Шотбакова,	канд. ист. наук;
Р.Ш.Сабирова,	канд. психол. наук;
З.Х.Валитова,	канд. ист. наук;
Г.М.Смагулова,	канд. ист. наук;
А.Н.Муканова,	ответственный секретарь канд. ист. наук

Редакторы *Ж.Т.Нұрмұханова*
Редактор *И.Д.Рожнова*
Техн. редактор *А.М.Будник*

Издательство Карагандинского
государственного университета
им. Е.А.Букетова
100012, г. Караганда,
ул. Гоголя, 38,
тел.: (7212) 51-38-20
e-mail: izd_kargu@mail.ru

Басуға 15.03.2011 ж. қол қойылды.
Пішімі 60×84 1/8.
Офсеттік қағазы.
Көлемі 8,75 б.т.
Таралымы 300 дана.
Бағасы келісім бойынша.
Тапсырыс № 570.

Подписано в печать 15.03.2011 г.
Формат 60×84 1/8.
Бумага офсетная.
Объем 8,75 п.л. Тираж 300 экз.
Цена договорная. Заказ № 570.

Отпечатано в типографии
издательства КарГУ
им. Е.А.Букетова

Адрес редакции: 100028, г. Караганда, ул. Университетская, 28

Тел.: 77-03-69 (внутр. 1026); факс: (7212) 77-03-84.

E-mail: vestnick_kargu@ksu.kz Сайт: <http://www.ksu.kz>

© Карагандинский государственный университет, 2011

Зарегистрирован Министерством культуры, информации и общественного согласия Республики Казахстан.
Регистрационное свидетельство № 1131–Ж от 10.03.2000 г.

МАЗМҰНЫ

ТАРИХ

<i>Зуева Л.И.</i> Мамандарды дайындауда сапа дәрежесін арттыру: Мемлекеттік білім стандарттарының мазмұнына сәйкестендіру анықтамасы, жұмыс жоспарлары мен «Тарихты оқытудың әдістемесі» курсы бойынша типтік бағдарлама	3
<i>Лошакова Т.Н., Усачук А.Н.</i> Солтүстік-Шығыс Каспий маңында табылған арба әбзелдерінің бөлшектері	9
<i>Валиева Б.Х.</i> Қазақстандағы еврей диаспорасының қазіргі кездегі демографиялық дамуының кейбір аспектілері	14

ФИЛОСОФИЯ

<i>Әлімбаева Р.Т., Апполонова Е.С.</i> Спортқа деген эмоциялық қатынасты зерттеудің кейбір аспектілері (Қарағанды қ. «Шахтер-Юность» футбол командасының мысалында).....	21
<i>Айтбаев О.</i> Діни және діни емес дүниетанымның формалды-логикалық негіздері	26
<i>Зиатдинова Ф.Н.</i> Білім беру жалпыадамзаттық және ұлттық сипаттағы рухани-мәдени құндылықтарды өзгерту саласы ретінде.....	30
<i>Солощенко П.П.</i> Әрекеттегі уақытты игеру: элеуметтік-философиялық аспектілер	36

ЖАС ҒАЛЫМДАР МІНБЕСІ

<i>Максименко Н.В., Евдокимов В.В.</i> Сый беру және айырбас жасау алғашқы қауымдық айырбастың формаларының бірі ретінде	44
<i>Өтебаева А.Д., Сақтаганова З.Г.</i> 1930–1950 жж. Қарағанды қаласының қала құрылысы.....	50
<i>Сейсенов Б.Б., Варфоломеев В.В.</i> Сарыарқадағы археологиялық шағын аудандарды ерекшелеп бөлу мәселесі	55
<i>Шайжанова Г.К., Мұқанова А.Н.</i> «Қалмақ» этнонимінің шығу тегі мәселесі	62

МЕРЕЙТОЙЛЫҚ ДАТАЛАР

Б.Е. Колумбаевтың 65 жасқа толуына орай	68
АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР	70

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

<i>Зуева Л.И.</i> Повышение качества подготовки специалистов: сравнительный анализ содержания Государственных образовательных стандартов обучения, учебных планов и типовых программ по курсу «Методика преподавания истории»	3
<i>Лошакова Т.Н., Усачук А.Н.</i> Детали колесничной упряжи с территории Северо-Восточного Прикаспия	9
<i>Валиева Б.Х.</i> Некоторые аспекты демографического развития еврейской диаспоры Казахстана в современный период	14

ФИЛОСОФИЯ

<i>Алімбаева Р.Т., Апполонова Е.С.</i> Некоторые аспекты изучения эмоционального отношения к спорту (На примере футбольной команды «Шахтер-Юность» г. Караганды).....	21
<i>Айтбаев О.</i> Формально-логические основы религиозного и нерелигиозного мировоззрения.....	26
<i>Зиатдинова Ф.Н.</i> Образование как сфера трансформации духовно-культурных ценностей общечеловеческого и национального характера	30
<i>Солощенко П.П.</i> Освоение времени в деятельности: социально-философские аспекты.....	36

Трибуна молодых ученых

<i>Максименко Н.В., Евдокимов В.В.</i> Дародаче-обмен как одна из форм первобытного обмена	44
<i>Утебаева А.Д., Сақтаганова З.Г.</i> Градостроительство города Караганды в 1930–1950 гг.	50
<i>Сейсенов Б.Б., Варфоломеев В.В.</i> Проблема выделения археологических микрорайонов в Сарыарке	55
<i>Шайжанова Г.К., Муканова А.Н.</i> О происхождении этнонима «калмык»	62

ЮБИЛЕЙНЫЕ ДАТЫ

К 65-летию Б.Е. Колумбаева	68
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	70

ТАРИХ ИСТОРИЯ

УДК 371.14:372.893

Л.И.Зуева

Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова

Повышение качества подготовки специалистов: сравнительный анализ содержания Государственных образовательных стандартов обучения, учебных планов и типовых программ по курсу «Методика преподавания истории»

В статье рассматриваются актуальные вопросы подготовки учителей истории «новой формации», на основе нормативных документов, учебно-методического обеспечения повышения качества педагогических кадров для общеобразовательных учреждений Республики Казахстан, дается анализ Государственных образовательных стандартов обучения, учебных планов и типовых программ по курсу «Методика преподавания истории» для специальностей исторического факультета. Показаны несоответствия в требованиях к учителю истории и его реальной подготовке. Предложен авторский вариант изучения методики преподавания истории.

Ключевые слова: общественных отношений, функции школ, мировоззрения, молодежь, система образования, социальный опыт, духовно-нравственный опыт, исторические знания, учитель, школьник.

Динамика общественных отношений, интенсификация производства усложняют социальные функции школы. Все больше возрастает ее ответственность за формирование духовного мира, мировоззрения и гражданской позиции молодежи. История, являясь основной из базовых дисциплин в системе образования, воплощает накопленный веками социальный, духовно-нравственный опыт народа. Она выступает важным фактором социализации личности. Исторические знания формируются посредством организации исторического образования, в которой решающая роль принадлежит учителю. Учитель — ключевая фигура в достижении познавательных и мировоззренческих задач школьного курса истории.

Современный учитель истории выступает как педагог и гражданин, свидетель и участник многих изучаемых событий. Дополняя материал школьных учебников личным знанием истории страны и опытом ее осмысления, учитель осуществляет связь времен и поколений.

Учитель истории XXI в. постоянно совершенствует педагогическое мастерство, осваивая новые информационные технологии. Эти технологии предоставляют учителю и учащимся громадные возможности выбора источников получения разнообразной информации

Во все времена школа была своего рода моделью общества. Сегодня она должна вернуть себе роль ускорителя общественного развития, так как общество предъявляет к образовательной сфере новые требования, связанные с изменением государственного и социального заказа на образовательные услуги. «В общеобразовательных школах республики работают более 270 тысяч педагогов. Из них 195,8 тысячи имеют высшее образование, более 60 тысяч — среднее профессиональное. Имеют высшую категорию 36,5 тысячи педагогов, 67 тысяч — первую. В малокомплектных школах работают более 64 тысяч учителей» [1; 9]. Нехватка учительских кадров при избытке их подготовки является, на наш взгляд, показателем кризисного состояния школьного образования. В обществе неуклонно растет кризис доверия к учителю и школе, который получил свое отражение в малопривлекательности педагогических специальностей для выпускников школ и снижении набора на педагогические специальности, в частности, исторические.

Тенденция увеличения педагогов со стажем свыше 20 лет наблюдается в большинстве регионов Казахстана, что свидетельствует о недостаточном притоке молодых специалистов в систему образования. Несмотря на повышение заработной платы, до сих пор не удалось преодолеть уход учителей из школы и нежелание части выпускников вузов работать по специальности. По возрастным группам в организациях среднего профессионального образования в 2007 г. наблюдались следующие изменения: доля преподавателей в возрастной группе до 30 лет и от 30 до 45 лет уменьшилась; несколько увеличился показатель в возрастной группе от 45 до 60 лет и старше 60 лет. В Карагандинской области доля преподавателей возрастной группы от 45 до 60 лет увеличилась на 15,6 %, составив 45 %. Кроме того, следует отметить снижение качества образования. Даже в тех дисциплинах, где знания вполне устойчивы (естественноматематические науки), не удалось добиться прочного усвоения их всеми учащимися. Все это свидетельствует о нарастающих кризисных явлениях в системе образования, несмотря на его реформирование и модернизацию.

В Концепции становления исторического сознания в Республике Казахстан 1995 г. было отмечено, что «требуется реформирования вузовская система преподавания истории для студентов всех специальностей и подготовки профессиональных историков» [2; 27].

«Изменение структуры и содержания среднего образования потребует значительного обновления системы подготовки и повышения квалификации педагогических кадров. На смену педагогу-предметнику, «транслятору знаний», должен прийти профессионально компетентный педагог, владеющий новыми педагогическими технологиями, средствами информатизации обучения, современными формами воспитания» [3; 3]. Повышение качества подготовки педагогических кадров осуществляется в современных условиях на основе нормативных документов, являющихся обязательными для бакалавров (учителей) истории. Вот почему в настоящей статье предпринята попытка провести сравнительный анализ учебно-методических материалов, обеспечивающих подготовку педагогических кадров для средних общеобразовательных учреждений.

Дело в том, что школьные и вузовские программы по истории и методике ее преподавания часто меняются. И от того, в какую сторону будут идти эти перемены, зависит судьба школьного исторического образования, в значительной степени образования в целом. Новые школьные программы по истории требуют обеспечения глубоких знаний, всестороннего воспитания, привития учащимся навыков, имеющих практическое значение. Успешное осуществление этих требований высококвалифицированными специалистами способствовало бы получению школьниками прочных и глубоких знаний.

Учитель истории — активный носитель теоретико-педагогического сознания. В силу этого он должен обладать методологической культурой мышления, которая определяет его готовность к анализу, обобщению и преобразованию педагогических ситуаций, к принятию решений о выборе, применении и создании средств педагогического воздействия в соответствующих ситуациях. Перестройка педагогического образования, преодоление его массово-репродуктивного характера выводят образование на личностный уровень, обеспечивают выявление и формирование творческой индивидуальности будущего учителя, развитие у него неповторимой «технологии» деятельности. Обучаясь в коллективном учебном потоке, студент занимается по индивидуальной программе, составленной с учетом его личностных качеств. В результате мы сможем получить избирательное и адекватное влияние личности на учебный процесс в целом.

В основу построения модели педагога положена идея фундаментализации педагогического образования. Фундаментальные знания долго не стареют, медленно изменяются и характеризуются высоким уровнем теоретических обобщений, большой широтой переноса. Но при этом задачи профессиональной актуализации знаний, прикладная направленность общенаучной подготовки не вытесняются на задний план. С нашей точки зрения, такое образование должно быть достаточно универсальным, близким к университетскому в теоретической части и одновременно гибким, изменяющимся, мобильным, быстро реагирующим на прогресс исторической науки.

Содержание педагогического образования — это тот уровень социально-политической, специальной и психолого-педагогической подготовки будущего учителя, который продиктован объективными потребностями социально-экономического и инновационного прогресса общества.

Оно весьма подвижно и всегда отражает фундаментальные понятия современной исторической науки и запросы школьной практики. Современная наука привносит много нового, однако приток научных знаний не должен вести к «разбуханию» учебных планов, программ и учебников. Необходимо тщательно, научно обоснованно отбирать теоретический материал, дидактически препарировать сложные научные данные, чтобы органически вводить их в содержание школьного историческо-

го обучения. Это поможет вычлениить все устаревшее или случайное, рецептурное и бесперспективное в научном и практическом отношениях.

Учебный план обязан ориентировать будущего учителя на школу завтрашнего дня, давать ему «запас опережения». Сегодня мы вплотную подошли к пониманию того, что обобщенную прогностическую модель профессиональной подготовки и формирования личности учителя можно построить, только опираясь на системно-функциональный анализ структуры задач педагогической деятельности. С этой целью необходимо выделить минимум типовых и нестандартных педагогических задач, которые составляют специфику профессиональной деятельности учителя и выполняют системообразующие функции в процессе его подготовки. Для обучения студентов необходимо преобразовать профессионально-педагогические задачи в учебные.

Учебная задача выступает в этом случае как некоторая знаковая модель педагогической ситуации, изменяющейся в соответствии с потребностями усвоения общественного опыта и профессионального обучения. Задачи такого типа не имеют законченного ответа, поскольку студент может неограниченно углубляться в изучение поставленного вопроса.

В этой связи представляется принципиально важным, чтобы процесс профессионального становления студентов-историков по возможности моделировал их будущую педагогическую деятельность, оснащая молодых специалистов первоначальным опытом. Мы считаем, что именно поэтому повышение качества подготовки специалистов во многом зависит от качества государственных стандартов, учебных планов и программ, от того, насколько в них учитываются последние достижения науки и техники.

Однако типовые учебные планы, составленные по ГОСО для разных исторических специальностей, разработаны с явным нарушением психолого-педагогических принципов, логики и последовательности прохождения учебных курсов, что существенно влияет на качество подготовки специалистов для общеобразовательных и высших учебных заведений. Только за последние 10 лет трижды менялись ГОСО для исторических специальностей в 2004, 2006, 2010 гг., причем с каждым разом эти изменения были более решительными.

Как иначе объяснить, что цикл специальных дисциплин, обеспечивающих предметную подготовку учителя истории, был изменен таким образом, что в процессе обучения студенты оказывались не подготовленными к прохождению профессиональной практики, так как многие дисциплины еще только предполагалось изучать после ее окончания.

Как объяснить, что ряд учебных практик и вовсе был исключен из учебных планов, так как они не предполагались для «простого школьного учителя» — 5В011400 — «История (образовательная)», хотя эти практики — археолого-этнографическая, музейная, архивная — основная составляющая, часть его профессиональной подготовки.

Вероятно, следовало бы учесть при составлении учебных планов по историческим специальностям преемственность уровней образования и то, что большая часть тем по истории Казахстана опирается на материалы археологических и письменных источников, а материалы по новейшей истории Казахстана включают в себя целые разделы по этнологии, этнографии и диаспорологии. Как учителю, не знающему методики археологических исследований, не знакомому с работой архивов, не умеющему использовать предметные наглядные материалы, объяснять это учащимся, тем более, что резко сократилось время на практику профессиональную — вместо 15 недель по планам ГОСО 2006 г. педагогическая практика по ГОСО 2010 г. проводится всего 6 недель, из которых одна неделя выделяется на ознакомление с учебно-воспитательным процессом и не предполагает самостоятельного проведения уроков. Как за это время научить педагога проводить не только традиционные занятия, но и инновационные, определенные в нормативных для учителя документах — программах по истории, т.е. обязательные к исполнению.

Реформы 1980 – начала 1990-х гг. были нацелены на изменение характера обучения и воспитания. При этом предполагалось, что процессы демократизации и гуманизации существенным образом повлияют на все стороны жизни общества. В начале 1990-х гг. образование в Республике Казахстан должно было стать едва ли не первой социальной сферой, которая была подвергнута реформированию. Однако в это время общий кризис в стране распространился и на сферу образования, не позволив ей стать стратегическим ресурсом улучшения благосостояния общества. Последствием кризиса стали серьезное отставание школы от мирового уровня и утрата многих достижений казахстанского образования, разрыв между государством, образованием и обществом.

Изменения, произошедшие в определении целей и задач обучения истории, в том числе отечественной, потребовали от авторов государственных стандартов и типовых программ по методике преподавания истории обновления принципов отбора учебного содержания курса, которые должны были обеспечить подготовку квалифицированных специалистов. Кроме общеизвестных принципов *гуманизации и демократизации обучения*, по всей вероятности, авторы ГОСО и программ руководствовались такими принципами, как *функциональная полнота знаний, непрерывность образования, приоритетность цивилизационного, культурологического и национального подходов*, а также *дидактических принципов историчности, научности, систематичности и доступности знаний*.

При тщательном изучении ГОСО, типовых учебных планов и программ оказывается, что они лишь приблизительно соответствуют друг другу, так как определяют некоторый минимальный уровень знаний по методике преподавания. Например, все ГОСО 2004 г. по методике преподавания истории составлены таким образом, чтобы каждая историческая специальность 050114 — «История (образовательная)», 050203 — «История (гуманитарная)», 050208 — «Археология и этнология», 050419 — «Музейное дело и охрана памятников» существенно отличались друг от друга, и не только количеством кредитов, но и порядком прохождения тем и самим содержанием учебного курса.

Так, по ГОСО 2004 г. специальности 050114 — «История» курс «Методика преподавания истории» составлял 4 кредита (180 часов) [4] и начинался с изучения студентами исторических специальностей темы «Особенности преподавания исторических дисциплин. Роль исторических дисциплин в процессе обучения и воспитания школьников». В Типовой программе, разработанной кафедрой специальных исторических дисциплин и технологии обучения Казахского национального педагогического университета им. Абая, первый раздел назывался «Предмет и задачи методики преподавания истории», что, на наш взгляд, более правильно и логично. Тем более, что в этом разделе, кроме научного определения МПИ и ее роли в системе педагогических дисциплин, рассматривается возникновение методической системы обучения истории, а также связь методики с историческими и социально-политическими дисциплинами, роль исторических дисциплин в процессе обучения и воспитания школьников и современная структура исторического образования в РК.

Название темы «Применение активных инновационных методов в преподавании истории (деловые игры, исторические бои, конкурсы, соревнования)» совпадало с названием второго раздела типовой программы «Применение активных и инновационных методов в преподавании истории». Интересно только, что «Содержание, структура, организация и осмысление новых форм проведения уроков» требуют, как минимум, знания теории урока, его эволюции, содержания, структуры, организации традиционных форм учебных занятий в школе. Нельзя говорить о новых нетрадиционных формах учебной деятельности без знания методических основ «старых», чтобы потом не пришлось переучивать будущих педагогов. Поэтому считаем более удачной типовую программу «Методика преподавания истории» для специальности 050208 — «Археология и этнология», разработанную Г.Т.Жакуповой и К.К.Кунапиной, предусматривающую такой раздел, как «Основные этапы становления и развития методики обучения истории» [5]. Хотя для археологов и бакалавров музейного дела и охраны памятников курс «Методика преподавания истории» был меньше по объему — 135 часов, а в ГОСО было сказано, что бакалавры указанных специальностей могут работать учителями истории в общеобразовательных школах, т.е. требования к функциональной грамотности учителя должны были быть одинаковыми. Соответственно, количество недель, выделяемых на педагогическую практику, было меньше — 4 недели вместо 8 для «историков». По нашему мнению, все темы курса для педагогических специальностей исторических факультетов следовало расположить в такой последовательности:

Раздел 1. Предмет и задачи МПИ.

Раздел 2. История становления и развития школы и МПИ как науки. Современное состояние МПИ в Казахстане.

Раздел 3. Формирование исторических знаний и классификация методов обучения истории.

Раздел 4. Учебники и программы по истории.

Раздел 5. Современный урок истории: теория, структура и организация.

Раздел 6. Календарно-тематическое и поурочное планирование уроков истории.

Раздел 7. Применение активных и инновационных методов в преподавании истории.

Раздел 8. Особенности преподавания всемирной и отечественной истории.

Раздел 9. Внеклассная работа по истории. Содержание, формы и методы. Организация встреч со свидетелями исторических событий в Казахстане. Кроме того, следовало бы дополнить типовую программу тематикой семинаров.

В анализируемой нами типовой программе 2006 г. [6] нарушены логика изложения учебного курса и хронологическая последовательность в отборе материалов о состоянии методики обучения истории. Вопросы становления методики как науки и ее развитие даются после рассмотрения вопросов об использовании различных видов наглядности, т.е. методической проблемы, которая получила свое развитие в конце 60-х годов XX в., затем изучаются вопросы организации урока, берущего начало с эпохи средневековья, и, наконец, особенностей преподавания истории древнего мира и античности, как предметного преподавания, возвращенного в 1930-е гг. Отдельно следует характеристика состояния обучения истории в школах Казахстана, которая рассматривается с 20–30 годов XX в., когда школьная система Казахстана была составной частью советской школьной системы. Не затрагиваются вопросы казахского просветительства и вклада Ч.Валиханова, И.Алтынсарина, А.Кунанбаева (вторая половина XIX – начало XX вв.) в научные основы методики обучения истории, что, по меньшей мере, странно.

Раздел 7 «Формирование исторических знаний в обучении истории Казахстана» — один из важнейших теоретико-методологических разделов, который должен начинать курс МПИ, так как он составляет основу методики преподавания, изучается на заключительном этапе. В этом разделе дается весь понятийный аппарат, которым должны уметь пользоваться студенты и учителя: «структура исторических знаний», «представления», «понятия», «исторический факт», «событие», «явление», «историческая закономерность», «средства обучения», «исторический источник», «форма», «метод», «прием» и т.д. Кроме того, здесь изучаются основные методологические проблемы познания исторической действительности

Отдельно изучается раздел «Особенности преподавания древней и средневековой истории Казахстана», среди тем которого выделяются: «Использование наглядного источникового материала учебников», «Привлечение первоисточников», «Привлечение фольклорного материала», «Использование возможностей музеев и выставок», «Применение сравнительно-исторических методов». Можно подумать, что при изучении новой и новейшей истории не используется наглядный материал, не привлекаются первоисточники или нельзя использовать возможности музеев и выставок. Это свидетельствует об отсутствии системности в изложении учебного материала по курсу МПИ. На наш взгляд, следовало бы объединить все «особенности преподавания» всемирной и отечественной истории, чтобы избежать дублирования, так как в ГОСО сначала даются учебные материалы по всемирной, а затем по отечественной истории. В типовой программе только по тексту можно определить, что изучение этого раздела имеет в виду и всемирную, и отечественную историю, а особенности преподавания новой и новейшей истории Казахстана связаны с использованием материалов периодической печати, кино-, фотодокументов, а также с организацией встреч со свидетелями исторических событий в Казахстане.

В типовой программе завершает курс МПИ раздел 9 «Современный урок истории в Казахстане». Такое название предполагает изучение уроков по всемирной и отечественной истории в Республике Казахстан. Однако в этом разделе изучаются типы современных уроков истории Казахстана, методика составления поурочных планов, нетрадиционные формы обучения истории Казахстана как будто они иные, чем для других исторических дисциплин. Чтобы понять это, достаточно сравнить учебные материалы 9 раздела с материалами 2 и 4 разделов, подумать над тем, почему на примере современного урока вновь анализируются методы работы с печатными текстами, метод наглядного обучения, внеклассная работа по истории Казахстана, организация встреч со свидетелями исторических событий в Казахстане. В любом случае у студента-историка складывается весьма приблизительное представление о методике преподавания истории, а сам курс кажется чрезвычайно усложненным, неинтересным. Прослеживается и тенденция подавления историческим содержанием методики преподавания. Авторы акцентируют внимание на содержании предмета, но не учитывают педагогическую, в частности, методическую составляющую.

Таким образом, вместо систематического курса МПИ в распоряжении преподавателей вузов находятся нормативные документы, которые не согласуются с целями и задачами образовательной политики государства, мало согласуются между собой и нарушают логику изучения курса, от которого зависит подготовка конкурентоспособных учителей и модернизация национальной системы многоуровневого образования.

Если учесть при этом, что в перечне обязательной литературы учебников и учебно-методических пособий по курсу МПИ для студентов вузов на русском языке очень мало, причем в качестве основных даются, например, российский учебник по курсу «Методика преподавания истории» 1986 г. выпуска и пособие Б.З.Акназарова «Некоторые вопросы обучения истории Казахстана» 1997 г., то становится ясно, что проблема подготовки кадров учителей истории нуждается в кардинальном реформировании и потребует еще много времени. Тематика семинаров в типовой программе не разработана вообще, хотя дается тематика 20 рефератов по МПИ.

Таким образом, очевидно, что качество профессионально-педагогической подготовки учителей существенно отстает от требований жизни. Потенциал учителя вырос, но разность потенциалов между учителем и учеником уменьшилась. Изменилось отношение учащихся к авторитету учителя. Их мера оценки приближается к критериям взрослых и в основном совпадает с теми требованиями, которые предъявляет учителю общество.

Профессиональная подготовка молодых, начинающих учителей не формирует системного видения педагогической действительности. В результате педагогическая деятельность, к которой готовится студент, распадается у него на ряд слабо связанных между собой функциональных видов деятельности, а в вузовской подготовке учителя почти отсутствует такой важнейший аспект, как развитие творческого начала.

Список литературы

- 1 Государственная программа развития образования в Республике Казахстан на 2005–2010 гг. — Алматы, 2004. — 39 с.
- 2 Концепция становления исторического сознания в Республике Казахстан. — Алматы, 1995. — 43 с.
- 3 Концепция развития образования в Республике Казахстан до 2015 года. — Алматы, 2004. — 30 с.
- 4 ГОСО специальности 050114 — «История». — Алматы, 2006. — 30 с.
- 5 Жакупова Г.Т., Кунапина К.К. Методика преподавания истории. Типовая программа для специальности 050208 — «Археология и этнология». — Алматы, 2006. — С. 1–6.
- 6 Типовая программа, разработанная кафедрой специальных исторических дисциплин и технологии обучения Казахского национального педагогического университета им. Абая, введенная в действие приказом МОН РК № 289 от 11.05.2005 г. — Алматы, 2005. — 63 с.

Л.И.Зуева

Мамандарды дайындауда сапа дәрежесін арттыру: Мемлекеттік білім стандарттарының мазмұнына сәйкестендіру анықтамасы, жұмыс жоспарлары мен «Тарихты оқытудың әдістемесі» курсы бойынша типтік бағдарлама

Мақалада Қазақстан Республикасының жалпы білім беретін мекемелері үшін педагогикалық мамандардың сапасын жоғарылатудың оқу-әдістемелік қамтамасыз етілуі, құқықтық құжаттар негізінде «жаңа формацияның» тарих мұғалімдерін дайындаудың өзекті мәселелері қарастырылады және тарих факультетінің мамандықтары үшін «Тарихты оқытудың әдістемесі» курсы бойынша оқу жоспарлары мен типтік бағдарламаларына, оқудың мемлекеттік стандарттарына талдау жасалған. Оқу жоспарлары мен типтік бағдарламалар мазмұнына салыстырмалы талдау жасаудың негізінде тарих мұғалімдерінің және олардың нақты дайындығына талаптардың сәйкес келмеуі көрсетілген. Тарихты оқытудың әдістемесі бойынша автор өзіндік нұсқасын ұсынған.

L.I.Zueva

Li quality training: a comparative analysis of state educational standards of training, curriculum and types of the course «methods of teaching history»

The article deals with current issues of teacher training stories «new formation» on the basis of regulatory documents, training and methodological support to improve the quality of teachers for educational institutions of the Republic of Kazakhstan, an analysis of state educational standards of teaching, curricula and model programs at the rate of «Methods of teaching history» for the specialties of the historical faculty. Shows inconsistencies in the requirements for a teacher of history and it's actual training. The author's version of the study methods of teaching history.

Т.Н.Лошакова¹, А.Н.Усачук²¹РГКП «Институт археологии им. А.Х.Маргулана» КН МОН РК, Алматы;²Донецкий областной краеведческий музей, Украина

Детали колесничной упряжи с территории Северо-Восточного Прикаспия

В 2006 г. на поселении Токсанбай, расположенном в урочище Токсанбай Бейнеуского р-на Мангыстауской области, в помещении кульгово-ритуального назначения, была обнаружена пара псалиев. Сырьем для изготовления псалиев послужили тазовые кости лошади. одинаковые размеры и приемы изготовления показывают, что токсанбайские экземпляры — работа одного мастера. Сочетание монолитных и вставных шипов, использование штифтов-шипов, особенности следов сработанности, все это выделяет эту пару псалий, за некоторым своеобразием которых, стоят трудноуловимые варианты управления колесничным транспортом на бескрайних просторах Устюрта в эпоху палеометалла.

Ключевые слова: археология, поселение Токсанбай, урочище Токсанбай, памятники, культурные слои, поселение, радиоуглеродный анализ, ландшафтно-климатические условия, жилище, жертвоприношение.

Поселение Токсанбай расположено на плато Устюрт в урочище Токсанбай, в 120 км к северо-востоку от с. Туруш Бейнеуского района Мангыстауской области. Памятник исследуется с различной интенсивностью с 1997 г. Западно-Казахстанской археологической экспедицией Института археологии им. А.Х.Маргулана РК под руководством З.Самашева.

Стратиграфия памятника, традиции возведения жилых помещений, насыщенные культурные слои, даты, полученные методом С14, — все это говорит о том, что поселение, возникшее почти четыре тысячи лет назад, существовало довольно длительный период. Радиоуглеродный анализ материалов из самого нижнего слоя дал калиброванную дату 2133–2075 гг. до н.э.

Поселение расположено на выступе-останце, образовавшемся в результате разрушения перемычки, некогда соединявшей его с плато. В особенностях возведения жилых построек жителей поселения отразились ландшафтно-климатические условия и наличие в достаточном количестве природного строительного материала. Известняк-ракушечник, использовавшийся при строительстве, выполнял функцию основы конструкции. Котлованы помещений имели округлую форму и вырубались в слое материковой глины. В основании стен помещались массивные вертикальные блоки, поверх которых горизонтально укладывали плиты меньших размеров. Помещение обогревалось очагом, устроенным в полу.

В 2006 г. на поселении в помещении на юго-восточном склоне (фото 1) была обнаружена пара щитковых псалиев [1; 87–102]. Под горелыми остатками упавшей крыши в северной половине жилища *in situ* обнаружены предметы из металла, кости, рога, керамики, а также кости животных. Жилище, несомненно, было предназначено для совершения культовых действий и являлось священным местом для жителей поселения. Весь комплекс материалов, полученных при исследовании помещения, свидетельствует о преднамеренном его поджоге, перед вынужденным оставлением поселения, после чего помещение навсегда прекратило свое функционирование. Однако судя по следам жертвоприношений, совершенных уже после пожара, люди возвращались сюда позже, и возможно неоднократно. Под горелыми веточками, на подстилке из войлока и шкур животных, рядом с фрагментами керамики были обнаружены псалии (фото 2). Как известно, псалии являются деталью конской узда, предназначенной для жесткого управления лошастью, запряженной в двухколесную колесницу, использовавшуюся для ведения боевых действий, на охоте, во время различных церемоний и в ритуально-обрядовой практике. Свое непростое значение псалии сохраняли на протяжении многих столетий, менялся их облик и материал, из которого они изготавливались, о чем свидетельствуют находки в комплексах эпохи ранних кочевников.

При изучении коллекции костяных изделий Токсанбая был проведен трасологический анализ псалиев. Обработка псалиев происходила по методике, разработанной под руководством Г.Ф.Коробковой [2; 70–72]. Использовался микроскоп МБС–10.

Фото 1. Поселение Токсанбай. Жилище на юго-восточном склоне, в горелом слое которого были зафиксированы щитковые псалии

Фото 2. Расположение псалий после расчистки горелого слоя

Сырьем для изготовления псалиев (рис., 1, 2) послужили тазовые кости лошади или дикого верблюда [1; 91]. По поводу сырья заметим, что подавляющее большинство древнейших псалиев изготовлено из рога лося (*Alces alces*) или из рога оленевых (*Cervidae*) [3; 496; ср. 4; 186]. Иногда псалии изготавливались из довольно экзотического сырья: айдабульские, например, из бивня мамонта [5; 16], а казангуловские, возможно, из бивня мамонта [6; 255]. Говоря о бивне мамонта, вспомним, что некоторые псалии (Каковатос, Микены) изготовлены из слоновой кости [7; 48–49]. Изредка практиковали и иное сырье. Мастера баланбашского и каменского (возможно) псалиев выбрали в качестве сырья верхний эпифиз плюсны быка [8; 202, 9; 91–92, 10; 179]. Из эпифизов кости крупных копытных изготовлены и софьинские псалии [11; 115]. По предварительному определению псалий из Отрожки был вырезан из тазовой кости крупного копытного [12; 151]. По сырью именно псалий из Отрожки наиболее близок токсанбайской паре.

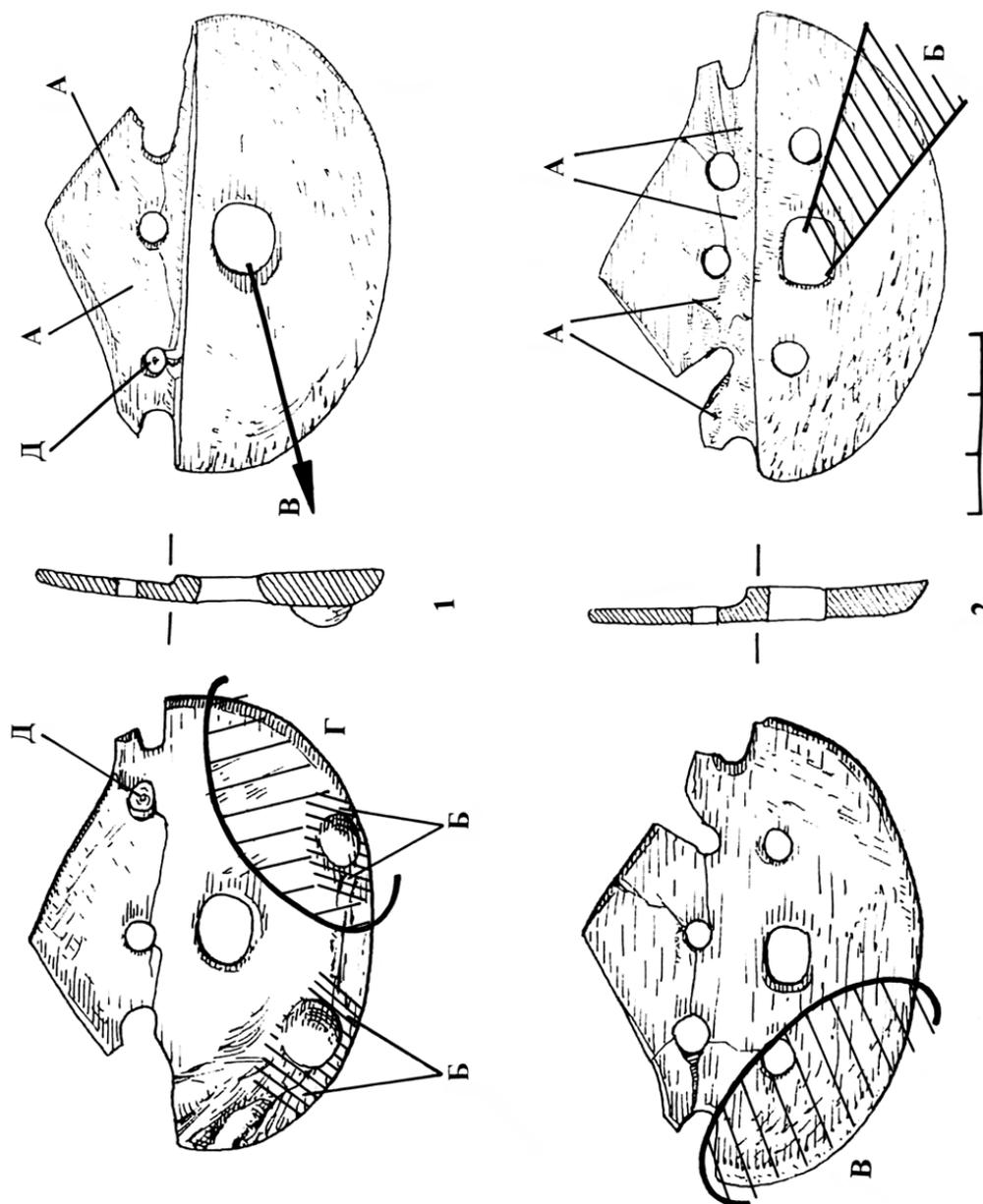

Рисунок. Псалии с поселения Токсанбай. Следы изготовления и использования на псаляях

Одинаковые размеры псалиев, вплоть до мелких деталей, одни приемы изготовления показывают, что токсанбайские экземпляры — работа одного мастера. Он изначально предполагал немного разное изготовление псалиев в паре: один вырезан с двумя монолитными шипами, другой — без шипов, но с двумя дополнительными отверстиями в щитке для небольших вставных шипов. На псалии с монолитными шипами частично сохранились следы разметки сегментовидного щитка. В одной манере на обоих изделиях подрезкой и скоблением утончены по отношению к щитку планки, оформлены осторожной и аккуратной резкой боковые выступы планок. Обратим внимание на интересную деталь: поверхность планки после утончения на псалии с монолитными шипами мастер сделал немного неровной (рис., 1А). На псалии со вставными шипами утончение планки привело к тому, что на ней частично обнажилось губчатое вещество (рис., 2А). При этом неровный участок губчатого вещества был оставлен без обработки. Видимо, некоторая шероховатость внешней стороны планок на обоих псалиях нужна была для лучшего сцепления с ремнем. Таким образом, один из ремней оголовья крепился поверх планки [ср. 13; рис., 1, 2]. Мы намеренно говорим «один из ремней», потому что на сегодняшний день существуют два основных варианта реконструкции положения древнейших псалиев в системе ремней оголовья: 1) к планке крепится суголовный (нащечный) ремень; 2) к планке крепится на-

носный (нахрапный) ремень — так называемая «проблема девяноста градусов» [14; 65, 15; 82, 16; 245]. Видимо, псалии, при необходимости, могли крепиться по-разному.

Пластины токсанбайских псалиев до изготовления отверстий обработаны очень мелким абразивом. Отверстия в планках, очевидно, не просверливались, а аккуратно вырезались: на стенках сохранились мелкие поперечные уступы от подрезки. Центральные отверстия в щитках обоих псалиев тоже вырезаны. Впрочем, подрезка больших отверстий в щитках происходила после предварительного сверления. Дополнительные отверстия в щитке бесшипного псалия вырезаны слегка на конус с внутренней стороны концом тонкого металлического лезвия. Монолитные шипы вырезаны по периметру, когда острое металлическое лезвие двигалось почти перпендикулярно к плоскости щитка. Перед резкой мастер выровнял участки внутренней поверхности щитка вокруг основания будущих шипов (рис., 1Б).

Следы сработанности позволяют считать, что крепление к планкам ремня было довольно жестким [1; 91, 17; 118, 14, 18]. Сработанность центрального отверстия на псалии с шипами укладывается в систему и относится к группе следов I [19; 77–78, 14, 18]. Направление этой группы следов сработанности (рис., 1В) свидетельствует, что псалий с монолитными шипами являлся в токсанбайской паре правым. На бесшипном псалии группа следов I выражена очень слабо и расположена зеркально по отношению к таким следам на псалии с шипами (рис., 2Б), что соответствует левым псалиям в упряжи [19; 77, 14, 18].

Интересно, что на обратной стороне щитки обоих псалиев имеют своеобразные сильно сработанные участки, которые тоже расположены зеркально по отношению друг другу (рис., 1Г, 2В). В целом, правый токсанбайский псалий (рис., 1) более изношен. Особенно сработаны оба шипа [17; 118]. Псалии из Токсанбая — яркое подтверждение идеи более сильной механической нагрузки на правые псалии [20; 238, 21, 22; 27, 19; 77]. Заметим, что это подтверждение тем более убедительно, что мастер именно правый псалий в упряжи усилил двумя монолитными шипами, оставив левый псалий (рис., 2) с небольшими вставными шипами. Правда, говоря об использовании древнейших псалиев, нужно учитывать, что эксперименты с репликами щитковых псалиев показали большое количество факторов и вариантов сочетаний сработанности, влияющих на ее характер и интенсивность [23; 427].

Отдельный вопрос: сколько шипов было на токсанбайской паре псалиев? Как правило, на щитковых псалиях должно быть не менее трех, если не четыре шипа [15, 18, 24]. Очевидно, дополнительные небольшие шипы крепились в отверстиях планки [1; 91, 17; 118]. В одном из боковых отверстий планки правого псалия сохранился довольно крупный штифт (рис., 1Д). Мы полагаем, что подобные штифты были и в иных боковых отверстиях обоих псалиев. Заметим, что мастер токсанбайских псалиев поступил оригинально: выбрал для штифта (штифтов?) очень твердое сырье — зубы животных. Мало того, что эти сверхпрочные штифты крепили ремень, идущий поверх планки, они выполняли и роль верхней пары шипов. Подобное решение предлагается, например, и для псалия из погребения 30 большого грунтового могильника Синташты [24; 519]. Таким образом, и синташтинский, и токсанбайские псалии имели по четыре шипа.

В заключение отметим, что типы щитковых псалиев, к которым относятся наши образцы, были в употреблении в XVIII–XVII вв. до н.э. Известные на сегодняшний день щитковые (и другие) типы псалиев происходят в основном из погребальных комплексов, и в контексте разработки проблем социокультурных явлений в обществах 2 тыс. до н.э. соотносятся подавляющим большинством исследователей с колесничным комплексом. Последние исследования на поселении Токсанбай ярко продемонстрировали, что древнее население этого региона еще в начале 2 тысячелетия до н.э. было вовлечено в орбиту историко-культурных и военно-политических процессов и имело непосредственное отношение к созданию новых культурных комплексов и хозяйственных типов.

Псалии являются информативным и надежным культурно-хронологическим маркером. Поэтому нахождение пары этих замечательных псалиев в пространстве арало-каспийских степей, на значительном удалении на юг от основных очагов их распространения — донско-волжских степей, южного Приуралья, бассейна р. Илек, да еще на полу жилища со сложной конструкцией, в совокупности с фаунистическим комплексом и множеством археологических артефактов с особым семантическим контекстом, придает этим изделиям особое значение.

Сочетание монолитных и вставных шипов, использование штифтов-шипов, разное сырье, своеобразные участки сработанности — все это заставляет более внимательно посмотреть на токсанбай-

скую пару. На уровне технологии изготовления этих псалиев можно говорить о высоком профессионализме токсанбайского мастера (мастеров?). Очевидно, за своеобразием псалиев из Токсанбая стоят трудноуловимые варианты управления колесничным транспортом на бескрайних просторах Устюрта и Манкыстау.

Список литературы

- 1 Самашев З.С., Ермолаева А.С., Лошакова Т.Н. Костяные псалии с поселения Токсанбай. К вопросу о комплексе колесничных населения Устюрта в эпоху бронзы // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. — Уральск, 2007. — № 1. — С. 87–102.
- 2 Усачук А.Н. Результаты трасологического изучения щитковых и желобчатых псалиев // Современные экспериментально-трасологические и технико-технологические разработки в археологии. Первые Семеновские чтения. — СПб., 1999. — С. 70–72.
- 3 Усачук А.Н. Древнейшие псалии Среднего Поволжья и региональные особенности технологии изготовления подобных изделий // Stratum plus. 2005–2009. — СПб., Кишинев, Одесса, Бухарест, 2009. — № 2. — С. 483–506.
- 4 Чечушков И.В., Епимахов А.В. Колесничный комплекс Урало-Казахстанских степей // Кони, колесницы и колесничие степей Евразии. — Екатеринбург, Самара, Донецк, 2010. — С. 182–229.
- 5 Акишев К. Памятники старины Северного Казахстана // Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии. — Т. 7. Археология. — Алма-Ата. — 1959. — С. 3–31.
- 6 Горбунов В.С., Обьеденнов М.Ф. Находки костяных псалиев эпохи бронзы в Башкирии // Советская археология. — 1975. — № 2. — С. 254–257.
- 7 Penner S. Schliemanns Schachtgrübertung und der europäische Nordosten: Studien zur Herkunft der frühmykenischen Streitwagenausstattung. Saabrücker Beiträge zur Altertumskunde. — Bonn, 1998. — В. 60. — 240 s.
- 8 Латынин Б.А. Архаические круглые псалии с шипами // Новое в советской археологии. — МИА. — 1965. — № 130. — С. 201–204.
- 9 Усачук А.Н. Псалии с поселения Баланбаш // Археологические памятники Восточной Европы. — Воронеж, 2002. — С. 90–96.
- 10 Рыбалова В.Д. Костяной псалии с поселения Каменка близ Керчи // Советская археология. — 1966. — № 4. — С. 178–181.
- 11 Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П. Курганы эпохи бронзы Побитюжья. — Воронеж, 1988. — 208 с.
- 12 Усачук А.Н. Щитковый псалий из фондов ГИМ // II Городцовские чтения. Материалы науч. конф., посвящ. 100-летию деятельности В.А.Городцова в ГИМ // Тр. ГИМ. — Вып. 145. — М., 2005. — С. 151–154.
- 13 Горбов В.Н., Усачук А.Н. О системе крепления псалиев с выделенной планкой колесничной запряжки бронзового века // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (к 100-летию Б.Н.Гракова). — Запорожье, 1999. — С. 78–85.
- 14 Усачук А.Н., Чаплыгин М.С. Псалии из кургана у хутора Веселый возле Стерлитамака // Уфимский археологический вестник. — Уфа, 2008. — Вып. 8. — С. 59–68.
- 15 Усачук А.Н., Чаплыгин М.С. Псалии из кургана возле Стерлитамака // Археология восточноевропейской лесостепи. — Воронеж, 2009. — С. 73–89.
- 16 Усачук А.Н. Реконструкции крепления древнейших псалиев в системе ремней оголовья лошади: противоречия и перспективы // Кони, колесницы и колесничие степей Евразии. — Екатеринбург, Самара, Донецк, 2010. — С. 238–291.
- 17 Самашев З., Кушербаев К., Аманшаев Е., Астафьев А. Сокровища Устюрта и Манкыстау. — Алматы: Издат. группа ТОО «Археология», 2007. — 400 с.
- 18 Усачук А.М. Найдавніші псалії доби бронзи лісостепу і степу Євразії (технологічний і функціональний аспекти). Автореф. дис.... канд. іст. наук. — Київ, 2007. — 24 с.
- 19 Усачук А.Н. Трасологический анализ щитковых псалиев из погребений лесостепного Подонья // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып.11: Доно-Донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы. — Воронеж, 1998. — С. 72–81.
- 20 Пряхин А.Д. Курганы поздней бронзы у с.Староюрьево // Советская археология. — 1972. — № 3. — С. 235–237.
- 21 Пряхин А.Д., Мусеев Н.Б., Беседин В.И. Селезни-2. Курган доно-волжской абашевской культуры. — Воронеж, 1998. — 44 с.
- 22 Усачук А.Н. О щитковых псалиях из коллекции Тамбовского областного краеведческого музея // Абашевская культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы степи и лесостепи Евразии. — Тамбов, 1996. — С. 26–29.
- 23 Чечушков И.В. Оголовье колесничной лошади эпохи бронзы: экспериментальное исследование // Проблемы истории, филологии, культуры. — М., Магнитогорск, Новосибирск, 2008. — Вып. XVII. — С. 421–428.
- 24 Усачук А.Н. О шипах на щитковых псалиях // Stratum plus. СПб, Кишинев, Одесса, Бухарест, 2001–2002. — № 2. — С. 515–525.

Т.Н.Лошакова, А.Н.Усачук

Солтүстік-Шығыс Каспий маңында табылған арба әбзелдерінің бөлшектері

Маңғыстау облысы Бейнеу ауданындағы Токсанбай шатқалындағы Токсанбай қонысында 2006 жылы культті-ғұрыптық орнында екі сулық табылды. Сулықтарды жасау үшін негізгі қолданылған материал жылқының жамбас сүйектері болып табылады. Көлем және жасалу жолдары бір болуы негізінде бір шебердің туындысы деп пайымдауға болады. Бітік және салынбалы бедердің, штифтік бедердің қолданылуы, жұмыстың істелгендігі қос сулықтың ерекшелігін айқындатады. Сонымен бірге көзге сағымдана көрінген, өзінің ерекшелігімен сипатталатын көшпелілер палеометалл дәуіріндегі Үстірттің шексіз дархан даласында атты арба көлігін басқару нұсқасын елестететіндей.

T.N.Loshakova, A.N.Usachuk

Details chariot harness from the territory of Northeast Caspian

In 2006 year, in the settlement Toksanbay, which is located in Beyneuskiy district Mangystau area, in the place of cult ritual purposes, a pair of cheek-piece was discovered. The raw material of the cheek-piece were the pelvic bones of a horse. The same size and techniques show that Toksanbay examples — are the work of the same master. The combination of monolithic and push-pins, the use of pins, studs, especially traces of harmony, all that distinguishes this pair of cheek-piece, for some originality which are subtle variations charioteer transport control in the vast expanses of Ustyurt at the epoch of paleometall.

УДК 314.8 (574)

Б.Х.Валиева

Павлодарский государственный педагогический институт

Некоторые аспекты демографического развития еврейской диаспоры Казахстана в современный период

В данной статье рассматривается демографическое развитие еврейской этнической группы на территории Северо-Восточного Казахстана в современный период на материалах Переписи населения РК за 1999 год, который включает в себя данные за 1970, 1979, 1989 и 1999 годы. Так же даются сведения о численности евреев по полу и возрасту, по родному языку в разрезе областей и региона в целом, в результате отмечено, что среди численности евреев Северо-Восточного Казахстана крупной группой является представители данной диаспоры в возрасте 50 лет и старше. Даны данные миграционных процессов еврейской диаспоры северо-восточного региона Республики Казахстан.

Ключевые слова: Северо-Восточного Казахстан, евреи, этническое группа, переписи населения, численность, диаспоры, миграционные процессы, евреи горские, евреи грузинские, евреи среднеазиатские, евреи крымские, крымчаки.

Определять численность этнических групп, анализировать параметры их естественного движения и миграций начали в основном с середины XIX в. Сегодня без этих демографических данных не может обойтись ни одно цивилизованное государство. На численность евреев, как и любой другой диаспоры, влияют многие факторы, в том числе миграция, естественный прирост, межэтнические браки и этническое самосознание.

Исходя из информации четырехтомного издания материалов Первой Всеказахстанской переписи населения 1999 г., в суверенном Казахстане в конце XX в. поименный учет прошли 130 национальностей. В нумерации евреи в общем списке этносов, связанных с Республикой Казахстан, названы четыре раза: 1) Евреи, 2) Евреи горские, 3) Евреи грузинские, 4) Евреи среднеазиатские. Отсутствует в этом списке словосочетание «Евреи крымские», но названы «Крымчаки». В списке конкретных национальностей, перечисленных в первом томе «Итогов переписи населения 1999 г.», евреи представ-

лены одним названием. Следовательно, Восточно-казахстанский список этносов в сравнении с общереспубликанским до графы «Евреи» сократился на четыре этноса, тогда как в Павлодарском списке — на 2. То есть данная перепись не обнаружила в укрупненной Восточно-Казахстанской области прежних различий евреев. Все 475 человек в области названы «евреями» [1].

Что касается общего числа всех евреев суверенного Казахстана, прошедших регистрацию по переписи населения 1999 г., подчеркнем: в итоговых таблицах четырехтомника нет такого подсчета, из-за чего, например, во втором томе «Итогов» забывается, что речь в нем идет только о первой группе евреев, тогда как в четвертом томе детально расписываются отдельно все четыре группы евреев, с указанием их собственной численности. По второму тому цифра 6743 воспринимается как общая численность всех евреев Казахстана. Однако это общий показатель только первой группы евреев. К ней требуется прибавить число евреев горских (14 человек), евреев грузинских (18 человек), евреев среднеазиатских (28 человек), лишь в этом случае получим общую численность всех евреев, учтенных в Республике Казахстан по переписи населения 1999 г. — 6 803 человека. Крымчаков (20 человек) авторы данной работы не включают в число евреев республики (табл. 1).

В первом томе «Итогов переписи населения 1999 г. в Республике Казахстан» евреи Северо-Восточного Казахстана представлены в доле в отношении в разрезе четырех переписей [2] (табл. 2, 3).

Т а б л и ц а 1

Численный состав еврейского населения Казахстана (в том числе в процентах ко всему населению)

Годы	1970	1979	1989	1999
Все население				
Евреи	27 013	22 762	17 526	6 743
Евреи горские	50	118	384	14
Евреи грузинские	103	183	179	18
Евреи среднеазиатские	481	316	772	28
Городское население				
Евреи	25 744	21 906	16 881	6 384
Евреи горские	38	68	324	12
Евреи грузинские	66	135	175	18
Евреи среднеазиатские	481	292	731	26
Сельское население				
Евреи	1 269	856	645	359
Евреи горские	17	50	60	2
Евреи грузинские	7	48	4	-
Евреи среднеазиатские	-	24	41	2
Прирост, уменьшение (-) к 1999г., все население				
Евреи	-1 546 (-8,4 %)	-1 437 (-7,8 %)	-2 635 (-3,5 %)	
Городское население				
Евреи	-19 360 (-5,2 %)	-15 522 (-0,9 %)	-10 497 (-2,2 %)	
Сельское население				
Евреи	-910 (-1,7 %)	-407 (-8,1 %)	-286 (-4,3 %)	
Численность лиц данной национальности в % ко всему населению				
Евреи	0,21	0,16	0,11	0,05
Городское				
Евреи	0,39	0,28	0,18	0,08
Сельское				
Евреи	0,02	0,01	0,01	0,01

Примечание. Таблица составлена на основе данных: Национальный состав населения Республики Казахстан. Т. 1 / Итоги переписи населения 1999 года в Республике Казахстан: Стат. сб. / Под ред. А.Смаилова. — Алматы, 2000.

Численный состав евреев Восточно-Казахстанской области (в том числе в процентах ко всему населению)

Годы	1970	1979	1989	1999
Все население				
Евреи	1 817	1 196	924	457
Городское население				
Евреи	1 761	1 150	895	444
Сельское население				
Евреи	56	46	29	13
Прирост, уменьшение (-) к 1999 г., все население				
Евреи	- 1 360 (-4,8 %)	-739 (-1,8 %)	-467 (-0,5 %)	
Городское население				
Евреи	-1 317 (-4,8 %)	-706 (-1,4 %)	-451 (-0,4 %)	
Сельское население				
Евреи	-43 (-6,8 %)	-33 (-1,7 %)	-16 (-5,2 %)	
Численность лиц данной национальности в % ко всему населению				
Евреи	0,12	0,07	0,05	0,03

Примечание. Таблица составлена на основе данных: Национальный состав населения Республики Казахстан. Т. 1 / Итоги переписи населения 1999 года в Республике Казахстан: Стат. сб. / Под ред. А.Смаилова. — Алматы, 2000.

Численный состав евреев Павлодарской области (в том числе в процентах ко всему населению)

Годы	1970	1979	1989	1999
Все население				
Евреи	703	679	585	276
Евреи среднеазиатские	-	3	6	1
Городское население				
Евреи	656	637	563	256
Евреи среднеазиатские	-	3	5	-
Сельское население				
Евреи	47	42	22	20
Евреи среднеазиатские	-	-	1	1
Прирост, уменьшение (-) к 1999 г., все население				
Евреи	-427 (-0,7 %)	-403 (-9,4 %)	-309 (-2,8 %)	
Городское население				
Евреи	-400 (-1,0 %)	381 (-9,8 %)	-307 (-4,5 %)	
Сельское население				
Евреи	-27 (-7,4 %)	-22 (-2,4 %)	-2 (-9,1 %)	
Численность лиц данной национальности в % ко всему населению				
Евреи	0,10	0,08	0,06	0,03
Городское				
Евреи	0,19	0,14	0,09	0,05
Сельское				
Евреи	0,01	0,01	0,01	0,01

Примечание. Таблица составлена на основе данных: Национальный состав населения Республики Казахстан. Т. 1 / Итоги переписи населения 1999 года в Республике Казахстан: Стат. сб. / Под ред. А.Смаилова. — Алматы, 2000.

Таким образом, на территории Северо-Восточного Казахстана ситуация сложилась определенным образом (табл. 4).

**Численный состав еврейского населения Северо-Восточного региона Казахстана
(в том числе в процентах ко всему населению)**

Годы	1970	1979	1989	1999
Все население				
Евреи	2 520	1 878	1 515	734
Городское население				
Евреи	2 417	1 790	1 463	700
Сельское население				
Евреи	103	88	52	34
Прирост, уменьшение (-) к 1999 г., все население				
Евреи	-1 786 (-29 %)	-1 142 (-9,1 %)	-776 (-8,4 %)	
Городское население				
Евреи	-1 717 (-8,9 %)	-1 087 (-9,1 %)	-758 (-7,8 %)	
Сельское население				
Евреи	-70 (-3,1 %)	-55 (-8,6 %)	-18 (-5,3 %)	
Численность лиц данной национальности в % ко всему населению				
Евреи	0,02	0,01	0,01	0,01
Городское				
Евреи	0,04	0,02	0,02	0,01
Сельское				
Евреи	0,01	0,01	0,01	0,01

Из второго тома «Итогов» следует, что в 1999 г. из первой группы евреев Казахстана (6 743 человека) в зависимости от владения определенным числом языков большая часть (4 591 человек, или 68,1 %) относилась к тем, кто знал лишь один язык. Двумя и более языками владели 2 152 человека, 31,9 %. Евреи из Восточного Казахстана (457 человек — все из первой группы), будучи количественно третьими в республике (после города Алматы и Карагандинской области), таковыми являлись и по числу «владеющих одним языком» (349 человек). Евреи Павлодарской области, «владеющие одним языком», составляли 205 человек из 276. По знанию «языка своей национальности» у евреев Восточно-Казахстанской области в 1999 г. показатель 24 человека, а в Павлодарской области — 12. Число «владеющих двумя и более языками» в Восточно-Казахстанской области — 108 человек, в Павлодарской — 71. Число «владеющих русским языком» среди евреев Восточно-Казахстанской области в 1999 г. 455 человек, не знали язык только два человека, в Павлодарской области — 275 [3].

Более подробно во втором томе «Итогов» рассмотрена проблема владения государственным языком. По числу «владеющих казахским языком» евреи Восточного Казахстана в 1999 г. делили шестое место с евреями Кызылординской области (59 человек). Евреи Восточно-Казахстанской области по степени владения государственным языком имели следующие показатели: из 59 «владеющих», «слабо владеющих» было 48 человек, в Павлодарской области — 29 «владеющих», «слабо владеющих» — 25. Не владели государственным языком в Восточно-Казахстанской области 398 человек, изучали его 68 человек, в Павлодарской — 247, изучал 31 человек. В процентном выражении та же ситуация выглядела так: Восточно-Казахстанская область — из 12,9 % «владеющих» «слабо владеющих» было 81,4 %; Павлодарская область — из 10,5 % — 86,2 %. Евреи Восточно-Казахстанской области, учтенные переписью населения 1999 г. в черте городских поселений, по государственному языку делились следующим образом: из 444 человек 56 относились к «владеющим», из которых «слабо владеющих» было 40 человек. Не владели государственным языком 388 человек, изучали его 68 человек. Из 12,6 % «владеющих» «слабо владеющие» составляли 80,4 %. Евреи из сельского населения Восточного Казахстана (13 человек) в 1999 г. «по степени владения государственным языком» имели такие показатели: «свободно владеющих» не было, «слабо владеющих» 3 человека, группы изучающих не было. Из 23,1 % все 100 % пришлось на «слабо владеющих». Евреи Павлодарской области, учтенные переписью населения 1999 г. в черте городских поселений, по государственному языку делились следующим образом: из 256 человек 27 относились к «владеющим», из которых «слабо владеющими» были 25 человек. Не владели государственным языком 229 человек, изучали его 31 человек. Из 10,5 % «владеющих» «слабо владеющие» составляли 92,5 %. Евреи из сельского населения Восточного Казахстана (20 человек) в 1999 г. «по степени владения государственным языком»

ком» имели такие показатели: «свободно владеющих» 2 человека, «слабо владеющих» не было, группа изучающих отсутствовала. Из 10,0 % все 100 % пришлось на «невладеющих».

Данные второго тома «Итогов» по стране в целом наглядно свидетельствуют о том, что абсолютное большинство казахстанских евреев «русскоязычные», «язык своей национальности» знают лишь немногие. Чуть лучше обстояло дело с освоением государственного языка республики — казахского. О своем знании немецкого языка заявили только 117 человек, английского — 456. В Восточном Казахстане в 1999 г. «владеющих немецким языком» было 8 человек, английским — 11, в Павлодарской области немецким языком владели 7, английским — 11 человек.

В таблицах второго тома «Итогов» хорошо отражена методика подсчета числа жителей республики в абсолютном и в процентах, в их отношениях (вместе, по «национальностям») с государственным языком. Жаль, что этот прием не был применен к «родным языкам своей национальности». С его помощью могли быть представлены результаты усилий в языковой программе национально-культурных центров суверенного Казахстана.

В первом выпуске четвертого тома «Итогов переписи населения 1999 года...» евреи Казахстана по возрасту и количеству расписаны следующим образом:

- 1) среди 6 743 человек самой многочисленной была группа людей в возрасте от 70 лет и старше — 1 186;
- 2) от 60 до 69 лет — 1 127;
- 3) от 50 до 59 лет — 975;
- 4) от 40 до 49 лет — 943;
- 5) от 10 до 19 лет — 739;
- 6) от 30 до 39 лет — 670;
- 7) от 20 до 29 лет — 659;
- 8) до 9 лет — 444 человек.

Объединив всех в три группы, получим следующие возрастные показатели: 3 288 человек — в возрасте от 50 и старше; 2 272 человека — те, кому 20–49; 1 183 — младшая группа, до 19 лет. В рамках Северо-Восточного Казахстана ситуация была та же: больше старших, меньше младших. В Восточно-Казахстанской области первое место по количеству заняла группа тех, кто достиг 60–69 лет (108 человек), второе — от 70 лет и старше (98 человек), третье — 50–59 лет (72 человека), четвертое — 40–49 лет (56 человек), пятое — 10–19 лет (44 человека), шестое — 30–39 лет (32 человека), на седьмом месте молодые — 20–29 лет (31 человек), детей до 9 лет всего 16. В объединенных группах и в Восточно-Казахстанской области наиболее многочисленной была та, в которую были включены люди от 50 лет и старше (278 человек), вторую строчку занимали люди 20–49 лет (119 человек), третью — до 19 лет (60 человек). В Павлодарской области первое место по количеству заняла объединенная группа тех, кто достиг 60–69 лет, — 50 человек и от 70 лет и старше — 50 человек, второе — 50–59 лет (49 человек), третье — 40–49 лет (41 человек), четвертое — 30–39 лет (26 человек), пятое — молодые — 20–29 лет (24 человека), на шестом месте — 10–19 лет (19 человек), детей до 9 лет всего 17. В объединенных группах и в Восточно-Казахстанской области наиболее многочисленной была та, в которую были включены люди от 50 лет и старше, — 278 человек, вторую строчку занимала группа людей 20–49 лет — 119 человек, третью — до 19 лет (60 человек); в Павлодарской — 149, 91, 36 соответственно [4].

Расселение населения включает в себя размещение, функциональные территориальные взаимосвязи населенных мест и миграцию населения.

Расселение людей началось еще в глубокой древности. И с каждым этапом развития человеческого общества характер расселения менялся. На него влияли многие факторы. К ним можно отнести природные, природно-ресурсные, этноконфессиональные, исторические и социально-экономические. В Казахстане присутствуют все эти факторы. И все же в современных условиях, на наш взгляд, решающую роль при расселении народов играют социально-экономические факторы.

В 70–80-е годы прошлого столетия существовала административно-командная система управления экономикой СССР. Для этого периода было характерно укрупнение городских поселений, рост больших городов, формирование и быстрый рост новых городов в различных районах страны, урбанизация ранее отставших в промышленном отношении областей страны. Наиболее ярко выраженной чертой современного этапа урбанизации в Казахстане является концентрация населения в крупных городах, преимуществом которых является развитие в них прогрессивных отраслей хозяйства и науки. В крупных городах благодаря концентрации средних специальных и высших учебных заведений,

библиотек, театров и музеев были созданы условия для развития личности. Все эти факторы привели к увеличению доли городского населения по отношению к сельскому. За 19 лет (с 1970 по 1989 гг.) численность городских жителей в Казахстане неуклонно росла.

Городское население республики с 1970 по 1989 гг. увеличилось с 6582294 до 9182636 чел. Рост численности горожан составил 39 %. В составе городского населения заметен рост численности представителей национальностей. Число казахов, проживающих в городах с 1970 по 1989 гг., выросло на 119 %, русских — на 15,9 %. Число евреев, проживающих в городах, с 1970 по 1989 гг. сократилось. Например в 1970 г. городское население еврейской национальности составляло 25744 человека, а в 1989 г. — 6384. Причина снижения численности — репатриация евреев в Израиль.

За период с 1989 по 2005 гг. из Казахстана в Израиль выехали на постоянное место жительства 19 500 евреев. В основном это молодежь и люди среднего возраста. Репатрианты до 24 лет составляют самый большой процент от всей казахстанской алии — 42–46 % в разные годы, начиная с 1989 г. На возрастную группу 25–34 года приходится от 18 до 21 %, 35–49-летние репатрианты составляют 16–19 %. Такое процентное соотношение, безусловно, логично. Ведь для молодежи, уезжающей в Израиль, открывается перспектива субсидированного обучения в одной из самых передовых систем образования в мире.

Пожилые евреи буквально до последнего времени покидали Казахстан неохотно. Очевидно, сказывалась боязнь лишиться привычного уклада жизни. И только в 2006 г. резко увеличилось число репатриантов предпенсионного и пенсионного возраста: с 4–5 % в 2000–2005 гг. оно выросло в первом полугодии 2006 г. до 13 %. Не патриотические, а в первую очередь экономические мотивы заставляют репатриировать и людей из других возрастных групп. В конце 1980-х годов, когда экономическая ситуация в Казахстане была критической, люди стремились уехать чуть ли не все. С 2000 г. в республике начался период стабилизации, и число репатриантов уменьшилось в два раза. Такая же тенденция наблюдается и в России.

Не все выезжающие из Казахстана евреи стремились в Израиль. Евреи выезжали также в Германию и Америку. В Израиле каждый, кто получил гражданство, автоматически должен работать, платить налоги, чтобы получать средства к существованию, если он призывного возраста — идти в армию. В то же время в Германии пособие для неработающих превышает среднюю заработную плату. Естественно, люди ехали туда. До начала 1980-х годов евреи из СССР в Германию не выезжали вообще, что связано с исторической памятью об истреблении еврейского народа нацистским режимом, но уже в 1990–2000 гг. число еврейских эмигрантов достигло 150 тысяч человек. Позже Германия изменила законодательство в отношении эмигрантов, и число желающих осесть в этой стране стало уменьшаться.

Список литературы

- 1 Крутова Н.В. Евреи на земле Восточного Казахстана. — Усть-Каменогорск: Изд. Областной Дом дружбы малой ассамблеи народа Восточного Казахстана, 2006. — 235 с.
- 2 Национальный состав населения Республики Казахстан. — Т. 1 // Итоги переписи населения 1999 года в Республике Казахстан: Стат. сб. / Под ред. А.Смаилова. — Алматы, 2000.
- 3 Национальный состав населения Республики Казахстан. — Т. 2 // Итоги переписи населения 1999 года в Республике Казахстан: Стат. сб. / Под ред. А.Смаилова. — Алматы, 2000.
- 4 Национальный состав населения Республики Казахстан. — Т. 4 // Итоги переписи населения 1999 года в Республике Казахстан: Стат. сб. / Под ред. А.Смаилова. — Алматы, 2000.
- 5 История Казахстана: народы и культуры: Учеб. пособие / Р.Э.Масанов и др. — Алматы: Дайк-Пресс, 2001. — 569 с.

Б.Х.Валиева

Қазақстандағы еврей диаспорасының қазіргі кездегі демографиялық дамуының кейбір аспектілері

Мақалада 1970, 1979, 1989 және 1999 жж. мәліметтерін қамтыған Қазақстан Республиканың санағы материалдары негізінде Солтүстік-Шығыс Қазақстан аумағындағы еврей қауымдастығының қазіргі кездегі демографиялық даму жағдайы қарастырылды. Сонымен қатар жынысы мен жасы, тілі бойынша облыстар мен аймақтардағы еврейлердің саны туралы мәлімет берілді. Нәтижесінде Солтүстік-Шығыс Қазақстан еврейлерінің арасында 50 және одан жоғары жас арасындағылардың саны көп екені анықталды. Қазақстан Республикасының солтүстік-шығыс аймағындағы еврейлердің көші-қон үдерістері жайлы мәлімет келтірілген.

B.H.Valieva

Some aspects of the population of Jewish Diaspora in Kazakhstan in the modern period

In given article demographic development of the Jewish ethnic group in territory of Northeast Kazakhstan during the modern period on materials of Population census Kazakhstan for 1999 which includes the data for 1970, 1979, 1989 and 1999 is considered. As the information on number of Jews on a floor and age, on a native language in a cut of areas and region in whole are supplied, is as a result noticed that among Jews of Northeast Kazakhstan large group is representatives of the given diaspora at the age of 50 years and is more senior. The data of migratory processes of the Jewish diaspora of northeast region of Republic Kazakhstan is given.

ФИЛОСОФИЯ

УДК 796+159.9

Р.Т.Алимбаева¹, Е.С.Апполонова²¹ Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова;² Психологическая студия «Шаг вперед», Караганда

Некоторые аспекты изучения эмоционального отношения к спорту На примере футбольной команды «Шахтер–Юность» г. Караганды

В данной статье рассматривается одна из актуальных тем в психологии спорта. Это одна из отраслей психологической науки, имеющая ярко выраженную практическую направленность. Интерес представляет то, что в исследовании принимали участие спортсмены футбольной команды «Шахтёр – Юность» города Караганды. Важным моментом является их эмоциональное отношение к спортивной деятельности. Результаты контент — анализа говорят о позитивном отношении к спорту, как к профессиональной деятельности. По результатам данного исследования было выявлено, что спортсмены команды «Шахтер – Юность» обладают такими необходимыми в спорте качествами, как: активность, стремление к успеху, желание всех благ и воля к победе.

Ключевые слова: спорт, морально-волевые качества, характер, материально-технического обеспечения спорт, системы организации учебно-тренировочного процессы, мораль, материальное стимулирования, медицинского обеспечения, научного обеспечения, психологическая подготовка.

Спорт — именно та сфера деятельности, где человек не только обретает физическую закалку, но и вырабатывает характер, где проверяются его морально-волевые качества.

На современном уровне развития спорт выделился в специфический вид человеческой деятельности, требующий максимальной отдачи физических и психических сил [1; 14].

Эффективность подготовки спортсменов высокой квалификации зависит от многих условий: материально-технического обеспечения, системы организации учебно-тренировочного процесса и соревнований, морального и материального стимулирования, планирования, отбора, восстановления, медицинского и научного обеспечения, а также от психологической подготовки.

Задача спортивной психологии — проследить формирование спортсменов, помочь им, чтобы не было стрессовых ситуаций, влияющих в дальнейшем на спортивную деятельность, которую будут оценивать не только тренер, сам спортсмен, но и зрители, болельщики — им необходимо видеть хорошую физическую и психологическую подготовку спортсмена [2; 23].

Спорт есть целенаправленная, сознательная деятельность человека, исторической задачей которой является проверка в условиях противоборства качества воспроизводства человеческого фактора как продукта определенной социально-экономической общественной формации. Данное определение дает нам возможность правильно понять роль спорта в современном обществе, его связь со многими общественными явлениями, такими как политика, идеология, экономика и др. Благодаря такому пониманию спорт предстает перед нами не просто как соревнование индивидуумов или команд, но и как большое интернациональное явление, как социальный институт управления международными отношениями. Лишь определив место спорта в современном обществе, можно решить проблему формирования мотивации достижения высшего результата [3; 24].

Психология спорта — это одна из отраслей психологической науки, имеющая ярко выраженную практическую направленность. Она исследует психологические вопросы спортивной деятельности (особенно спорта высших достижений) и массовой физической культуры.

В настоящее время, когда объективные показатели спортивных рекордов и достижений уже достигли пределов естественных возможностей человеческого тела, психологическое обеспечение стало неотъемлемой частью всех этапов спортивной деятельности. Иначе говоря, именно в психологии тренеры и спортсмены ищут (и находят!) все новые и новые резервы, позволяющие им побеждать соперников.

Соответственно, спортсмены и тренеры испытывают потребность в таких практических рекомендациях, которые бы не туманили им головы сложными рассуждениями, но в то же время были бы научно обоснованы и проверены спортивной практикой [4; 38].

Мы провели пилотажное исследование со спортсменами футбольной команды «Шахтёр-Юность» в возрасте от 18 до 23 лет в форме опроса. Спортсменам было предложено описать свои ассоциации на такие понятия, как «команда», «спорт», «футбол». Результаты опроса были подвержены контент-анализу.

Метод контент-анализа позволил распределить смысловую наполненность определений по данным категориям, выделить в них подкатегории и получить процентные соотношения упоминания каждой подкатегории в общей выборке. Были получены следующие результаты контент-анализа:

На определение «команда» были выявлены подкатегории: дружба (друзья) — 39 %; коллектив и семья — 23 %, единое целое (единство) — 17 %; тренер, взаимоотношения, дух — 12 %; пиво, бригада, стратегия, сплоченность, празднование победы, организованность, слаженность, один за всех и все за одного, игра, футбол, общение, знакомство, победа, деньги, чемпионство, взаимопонимание, тренировки, игроки — 6 %.

На определение «спорт» были установлены подкатегории: здоровье — 84 %; жизнь (смысл жизни) — 34 %; слава — 28 %; деньги и футбол — 23 %; друзья, общение, травмы, стремление, достижение, поездки (путешествия), удовольствие, соревнования, карьера — 12 %; сила, успех, фанаты, режим, поднятие тонуса, знакомства, бокс, теннис, радость, уважение, развлечение, любимое дело, тренировки, стадион, рекорды, призы — 6 %.

На определение «футбол» — следующие подкатегории: игра, радость, тренировки и слава — 28 %; деньги, удовольствие, эмоции — 23 %; искусство, спорт (любимый вид спорта), победа — 17 %; наслаждение, азарт, здоровье, жизнь, спортивный образ жизни — 12 %; травмы, успех, достижения, карьера, общение, страсть, борьба, конкурентность, поле, мяч, профессия, трудолюбие, соревнование, девушки, авторитет, забивать голы, любимое дело, адреналин, умение, навык, опыт, настрой, жесткость — 6 %.

Таким образом, спортсмены футбольной команды «Шахтёр-Юность» относятся к спорту как к источнику здоровья, смысла жизни. При помощи спорта можно приобрести много друзей. Спорт — это игра, слава, деньги.

Результаты контент-анализа, а именно полученные подкатегории, послужили стимульным материалом для следующего этапа нашего психологического исследования, при использовании модификации теста М.Люшера — цветовой тест отношений А.М.Эткинда [5; 127].

Спортсменам футбольной команды было предложено найти цветовую ассоциацию по отношению:

- к категории «команда»: «дружба», «коллектив», «семья»;
- к категории «спорт»: «здоровье», «жизнь», «слава», «деньги», «футбол»;
- к категории «футбол»: «игра», «радость», «тренировки». Это позволило нам оценить скрытое отношение спортсменов футбольной команды «Шахтёр-Юность» к различным аспектам своей спортивной деятельности, а также к футболу как к профессиональному спорту.

По стандартной процедуре испытуемым предлагалось выбрать цветные карточки по близости цветовых ассоциаций к каждому понятию.

Спортсмены футбольной команды «Шахтёр-Юность» могли выбирать цвета в свободном порядке по отношению к подкатегориям. Выбранный ими цвет мог повторяться, так как цвета не убирались.

Результаты психологического исследования по первой категории — «команда» показаны в таблице.

Т а б л и ц а 1

Результаты исследования по категории «команда»

Подкатегории	%	Предпочитаемые цвета
Дружба	39	Зеленый
Коллектив	23	Коричневый
Семья	23	Желтый

Наибольшее предпочтение в подкатегории «дружба» (39 %) было отдано зеленому цвету, что определяется как упорство, целеустремленность, постоянство воззрений и настойчивость, возможно, отношений. В наименьшем предпочтении остались синий, коричневый и красный цвета. Скорее всего, это свидетельство того, что спокойствие, умиротворенность чувств, чувствительность и ранимость в наименьшей мере отмечаются в отношении дружбы. Также менее востребованы в дружбе выражение жизненной силы, гормональной активности и чувственной основы ощущений.

Наибольшее предпочтение в подкатегории «коллектив» (23 %) было отдано коричневому цвету, что символизирует чувственную основу ощущений. Наименьшую симпатию отдали синему и фиолетовому цветам, что означает наименьшее отношение спокойствия и умиротворенности чувств; чувства доверия, самопожертвования и преданности также минимально присутствуют в отношениях коллектива. Возможно отсутствие высокой чувствительной близости.

По отношению к подкатегории «семья» (т.е. «семья» по отношению к «команде») наибольшее предпочтение (23 %) было отдано желтому цвету, что выражает раскованность, релаксацию, полную радостных надежд изменчивость, при отсутствии последовательности и плановости, надежду или ожидание большого счастья, которые направлены в будущее. Наименьшее предпочтение получили серый и зеленый цвета, т.е. чувства, разделяющие и освобождающие от обязательств, наименее выражены по отношению к понятию «семья». Также налицо наименьшее проявление чувств настойчивости и упорства, сохранения своей позиции.

Как показывают результаты таблицы 2, в категории «спорт» наибольшее предпочтение в подкатегории «здоровье» (84 %) было отдано красному и желтому цветам, что символизирует физиологическое состояние, связанное с расходом энергии, выражение жизненной силы, нервной и гормональной активности, жадного желания всех жизненных благ, стремление к успеху. Это воля к победе, влечение к спорту, борьбе, эротике, «сила воли», а также несдерживаемая экспансивность и раскованность, стремление к новым, ещё неясным перспективам.

Т а б л и ц а 2

Результаты исследования по категории «спорт»

Подкатегории	%	Предпочитаемые цвета
Здоровье	84	Красный и желтый
Жизнь (смысл жизни)	34	Красный
Слава	28	Красный и желтый
Деньги	23	Зеленый
Футбол	23	Зеленый

Самый минимальный выбор — серый цвет, который свидетельствует о наименьшем чувстве отгороженности по отношению к здоровью.

По отношению к подкатегории «жизнь» («смысл жизни») предпочтительным (34 %) оказался красный цвет, что более всего выражает жизненные силы, активную деятельность и расход энергии. Менее выбираемые — зеленый и черный цвета, т.е. упорство, целеустремленность и настойчивость по отношению к жизни менее предпочтительны. Но, тем не менее, отказ, полное отречение или неприятие по отношению к смыслу жизни также неприемлемы.

В подкатегории «слава» спортсмены футбольной команды «Шахтер–Юность» (28 %) предпочтение отдавали красному и желтому цветам, что означает стремление к успеху, волю к победе, экспансивность, надежду, стремление к новым перспективам. Наименьший выбор падал на серый цвет — чувства отгороженности, утомления по отношению к славе выражены в самой наименьшей мере.

По отношению к подкатегории «деньги» предпочтительным оказался зелёный цвет (23 %), который выявляет чувства упорства и настойчивости, целеустремленности и постоянства. В наименьшей

степени выбирались черный, серый и фиолетовый цвета — проявление чувства отказа, полного отречения или неприятия по отношению к деньгам.

Наибольшее предпочтение в подкатегории «футбол» (23 %) было отдано зеленому цвету, что выявляет по отношению к футболу у спортсменов целеустремленность, упорство, сопротивляемость изменениям, постоянство воззрений, скрупулезную точность, критический анализ, логическую последовательность, а также потребность производить впечатление, сохранять свою позицию. Наименьшую позицию получили коричневый и желтый цвета, т.е. по отношению к футболу спортсмены в наименьшей степени испытывают раскованность, надежду, ожидание или стремление к перспективам, а также чувственную основу.

Результаты исследования по категории «футбол» отображены в таблице 3.

Т а б л и ц а 3

Результаты исследования по категории «футбол»

Подкатегории	%	Предпочитаемые цвета
Игра	28	Зеленый
Радость	28	Желтый
Тренировки	28	Желтый

По отношению к подкатегории «Игра» предпочтительным был зеленый цвет (28 %), т.е. по отношению к игре футболисты испытывают: упорство, целеустремленность, сопротивляемость изменениям, настойчивость. Можно рассмотреть как вариант самоутверждение, применение скрупулезной точности, критического анализа и логической последовательности по отношению к игре, а также потребность производить впечатление и сохранять свою позицию. Наименьший выбор — синий цвет, т.е. по отношению к игре спокойствие и умиротворенность чувств, а также ранимость не применимы. Также зафиксировано, что по отношению к игре доверие, самопожертвование и преданность сводятся к минимуму.

Подкатегории «радость» и «тренировки» (соответственно по 28 %) в большей степени были соотнесены с желтым цветом, что выражает раскованность, релаксацию и надежду на большое счастье, стремление к новым, еще неясным перспективам. Коричневый и фиолетовый цвета в подкатегории «радость» были отмечены в меньшей степени — стремление восхищать других, способность к интуитивному и сензитивному постижению, нереальность желаний, а также чувственная основа ощущений менее предпочтительны по отношению к радости. В подкатегории «тренировки» менее предпочтительным оказался черный цвет, что, по сути дела, указывает на отсутствие отказа, полного отречения или неприятия, в данном случае тренировочного процесса.

На основе анализа данного исследования можно сделать следующий вывод: к спорту, а именно футболу, спортсмены команды «Шахтер–Юность» имеют особое отношение, где чаще всего они проявляют упорство и целеустремленность, постоянство воззрений и настойчивость, точность, умение выстроить логическую последовательность и делать критический анализ. Также в спорте значительны и важны проявления жизненной силы, активности, стремления к успеху, жадного желания всех благ бытия. Основное — это воля к победе и влечение к спорту и борьбе, стремление к активной деятельности. Есть также у спортсменов желание выражать несдерживаемую экспансивность, раскованность и планомерность. Спортивная надежда и ожидания у них направлены в будущее, есть стремление к новым, возможно ещё не вполне ясным перспективам.

У футболистов данной команды можно увидеть противостояние в спорте спокойствию и умиротворенности чувств, чувствительности и ранимости.

Также спортсмены футбольной команды «Шахтер–Юность» не находятся в условиях утомления и стресса, не стараются освободиться от обязательств или отгородиться от них. Отказаться или же полностью отречься, не принять спортивную деятельность футболисты не намерены, тем более, что довольно сильными стимуляторами для них являются возможность получения славы, материальная сторона и надежда на перспективное будущее, пусть даже еще не вполне ясное. Тем не менее можно отследить отсутствие понимания спортсмена отношений в спорте, точнее, команды в целом (коллектива), осознанности дружбы, т.е. налицо отсутствие доверительных отношений, самопожертвования и чувства преданности.

Список литературы

- 1 Гиссен Л.Д. Время стрессов. Обоснование и практические результаты психопрофилактической работы в спортивных командах. — М.: ФиС, 1990. — 192 с., ил.
- 2 Государев Н.А. Так становятся чемпионами (комментарии психолога). — М.: ФиС, 1989. — 190 с.
- 3 Пилоян Р.А. Мотивации спортивной деятельности — М.: ФиС, 1984. — 186 с.
- 4 Блудов Ю.М., Плахтиенко В.А. Личность в спорте: Очерки исслед. психологии спортсмена. — М.: Сов. Россия, 1987. — 160 с.
- 5 Практикум по психодиагностике Л.Н.Собчик. Метод цветowych выборов. Модификация восьмицветового теста Люшера. — СПб.: Речь, 2007. — 127 с.

Р.Т.Алимбаева, Е.С.Апполонова

**Спортқа деген эмоциялық қатынасты зерттеудің кейбір аспектілері
(Қарағанды қ. «Шахтер–Юность» футбол командасының мысалында)**

Зерттеу — психология ғылымының бөлек саласы, оның ерекше тәжірибелік пайдасы бар. Осы тұрғыдан Қарағанды қаласының «Шахтер–Юность» футбол командасы зерттеу тақырыбының мысалына енді. Мұндағы негізгі мәселе — олардың спорттық іс-әрекетке деген эмоционалдық қатынасы. Контент-талдаудың нәтижесі олардың спортқа қатынасының жағымдылығын, яғни кәсіби іс-әрекетке қатынасын, көрсетті. Зерттеулік жұмысының нәтижесі бойынша келесі тұжырым жасадық: спортшыларда спортта маңызды қасиеті бар белсенділік, жетістікке талпыныс, ұтысқа жету пейіл бар.

R. T. Alimbaeva, E. S. Appolonova

**Some aspects of emotional attitude to the sport
(illustrated football team «Shakhtar-Youth» Karaganda)**

Sport, one of the topical themes in psychology, is considered in the article. This is one of the branches of psychological science, which has a pronounced action-oriented. It is interesting that sportsmen of Karaganda football team «Shakhtar–Yunost» took part in the research. The important moment is their emotional attitude to sport activity. The results of content-analysis talk about positive attitude to sport as professional activity. According to the results of this study revealed that athletes «Shakhtar–Youth» exhibit such qualities necessary in a sport such as: activity, ambition, desire of wealth and will to win.

О.Айтбаев

*Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова***Формально-логические основы религиозного и нерелигиозного мировоззрения**

В статье рассматриваются мировоззренческие основы религиозного и нерелигиозного мировоззрения. Отмечается, что основу религиозного мировоззрения составляют догма, вера и откровения, а основу нерелигиозного мировоззрения составляют разум и логика. Религиозный рационализм целиком строится на софизме – тавтологии, порочного круга, подмена тезиса, внелогических приемах и т.д. Религиозная догма не доказывает, а предписывает. Их логика очень проста: «это верно потому, что так учит церковь». Закон логики гласит, что от истинных посылок, получаем истинное умозаключение. Этим объясняется истинность логического закона.

Ключевые слова: мировоззрение, человек, истина, логика, мышление, мировоззрения, логика, наука, рассуждения, мысль.

Любое мировоззрение, как система воззрения на мир, на место человека в этом мире, нуждается в своем обосновании по истинности. Логика есть наука о правильном мышлении. Логическое суждение по истинности является фундаментом научного мировоззрения. Ибо суждение в форме предложения, высказывания, истинного суждения определяется, что нельзя допустить ничего противоречащего этому суждению и одновременно обладающего значимостью.

Задачей традиционной (формальной) логики является отделение правильных способов рассуждения (выводов, умозаключений) от неправильных. Правильные выводы называются также обоснованными, последовательными или логичными.

Рассуждение представляет собой определенную, внутренне обусловленную связь утверждений. От нашей воли зависит, на чем остановить свою мысль. Если мы хотим свои рассуждения провести до конца, то сразу попадаем в сети необходимости, стоящей выше нашей воли и желаний. Согласившись с одними утверждениями, мы вынуждены принять и то, что из них следует, независимо от того, нравится это нам или нет, способствует ли достижению наших целей или, напротив, препятствует им. Схематично данное рассуждение выглядит так: если есть первое, то есть второе; имеет место первое, значит, есть и второе. Это своего рода закон, что от истинных посылок следствие всегда ведет к истинному заключению. Этим объясняется объективность логического закона.

Формальная логика подчиняется правильным выводам, что позволяет из уже имеющегося получить новое знание, и притом с помощью «чистого» рассуждения, без всякого обращения к опыту, интуиции и т.п. Поэтому формальная логика связана прежде всего с ее основным принципом, в соответствии с которым правильность рассуждения зависит только от его логической формы. В этом ее сила и слабость. Опора только на логические формы породила схоластическую логику (ее слабость).

В отношении схоластической логики проблема истинности решается вполне в духе аристотелизма: прежде чем вещь станет предметом рассуждения, она должна существовать. Коль скоро вещь существует, дальнейшее является делом ее сущности. Например, то, что уже человеческая нога наступила на грабли. Согласно сущности грабли поранили ногу человека. Но естественная необходимость вступает в силу тогда, когда бог дает сущности также и существование: без божьей воли грабли на дороге не появятся.

Что вещь есть, **существует** — об этом говорит наличие у имени (непустого) объекта, именуемого нами; что есть существующая вещь — об этом говорит ее сущность. Поскольку же в воле Бога в возможности есть универсалии, сущности вещей, и лишь он дает им существование, и воля Бога проявляется как раз в этом **творении**. В самом же Боге сущность и существование находятся в единстве, так что нелепо спрашивать, может ли Бог создавать невозможные вещи (например, о камнях...). Поэтому схоластическая логика легла в основу религиозного мировоззрения. Основателем схоластической философии были теолог Ансельм Кентерберийский (1033–1093), Фома Аквинский (1225–1274).

Ансельму принадлежит **онтологическое доказательство** бытия Бога. Он утверждал, что познание истинного есть проявление истины, подлинная истина тождественна Богу. Его мольба: «Итак, господи, ты, даруешь вере разумение! Даруй мне, насколько признаешь полезным для меня, уразуметь, что ты еси, как мы веруем; и что ты еси именно то, во что мы веруем» [1; 73–74]. Это мольба стала началом попыток примирения разума с верой.

Фома Аквинский первый проводил четкую и резкую границу между верой и знанием. Он является основателем схоластической философии и логики, а также создателем католической религиозной философии. Суть его философии: все мироздание есть универсальный иерархический порядок внутри бытия, порядок, который установлен Богом и указывает всему существующему его прирожденное место. Интеллект, по его мнению, подчинен воле.

Противоречие является одним из центральных понятий логики. Поскольку слово **«противоречие»** многозначно, то порой отрицающие друг друга высказывания называют иногда **«логическим противоречием»**, или **абсурдом**.

Противоречие недопустимо в строгом рассуждении, но у противоречия в обычном языке много разных задач. Оно может выступать в качестве основы сюжета, быть средством достижения особой художественной выразительности, комического эффекта и в религиозных догмах. Логический закон непротиворечия говорит о недопустимости одновременного утверждения и отрицания того же самого. Абсурдное высказывание представляет собой прямое нарушение этого закона. Абсурдным считается также выражение, которое не является противоречивым, но из которого все-таки может быть выведено противоречие.

Изречение христианского богослова К. Тертуллиана (160–222) «Верую, потому что абсурдно» становится для христианской доктрины официальным и до сих пор лежит в основе богословия. Он утверждал: «Сын божий распят — не стыдно, потому что постыдно. И умер сын божий — это вполне достоверно, потому что нелепо. И погребенный воскрес — это верно, потому что невозможно» [2; 680]. Это принцип сознательного игнорирования логических противоречий и признания абсурда во имя слепой веры.

Конечно, нормальный человеческий рассудок стремится все-таки к устранению логических противоречий, если даже они и канонизированы. К числу таких попыток следует отнести, в частности, **теодицею**. Теодицея (гр. справедливость, т.е. богооправдание) — религиозно-философская концепция, отстаивающая правомерность и целесообразность существования зла в мире, созданном Богом, — источнике абсолютного добра. Понятие «теодицея» было введено в употребление философом Г.В. Лейбницем, посвятившим «оправданию бога» книгу «Теодицея» (1710). В той или иной форме теодицея входит, по существу, во все богословские системы различных религий и в некоторые религиозно-философские учения. Всюду в них зло под разными предлогами отрицается, выдается за добро.

По своему замыслу идея **теодицеи**, мистифицирующая онтологизацию логического противоречия, есть утверждение о тождестве заведомо различных объектов. Существующие в мире реальные диалектические противоречия — это далеко не то же самое, что логические противоречия. Выражая противоречия реальной действительности, наше мышление не становится от этого логически противоречивым. Богословы же делают из нужды добродетель. Гегель ставил своей задачей обоснование религии, но полагал, что познание бога дается не путем откровения, а через логическое мышление. Он не подчинил разум вере, а ставил разум выше слепой веры. Гипостазирование логического противоречия, совершаемое упомянутыми религиозными мыслителями, таким образом, совершенно не соответствует духу гегелевской диалектики. Логически противоречивый бог выводится теологами из того, что он непостижим для пользующегося формальной логикой абстрагирующего рассудка, выше которого они ставят откровенную веру. Но для Гегеля высшее по отношению к рассудку — это диалектический разум, а вовсе не религиозная вера. Противоречивость идеи бога метафизична, а не диалектична.

Класс предложений, составляющих вероучение, является неупорядоченным классом, и вера отнюдь не обязывает верующего к его упорядочению. Тем не менее даже фанатически верующий человек не ограничивается в своей жизни только верой, он ежедневно и ежечасно выходит за ее пределы. А это значит, что во внерелигиозной области он пользуется рациональным мышлением с его логикой. Это накладывает отпечаток и на религиозное мышление верующего, тем более проповедника или теолога, обязанного и вынужденного в чем-то убеждать или разубеждать, что немислимо без соблюдения правил общечеловеческой логики. Иначе проповедь будет попросту

непонятной, и паства не поймет, чего от нее хочет церковь. Это означает, что в религиозном мышлении, каким бы несуразным оно ни было, возможна более или менее отчетливая какая-то упорядоченность класса догматических предложений.

Реализацией этой тенденции и является теология. И поскольку упорядочение собственно догматических предложений невозможно, к ним добавляются новые, собственно теологические предложения, которые призваны несколько сгладить внутреннюю противоречивость догматики с целью ее «уяснения» и проповеди.

Так, предложение «Христос есть сын бога» относится к классу предложений веры (догматических), а предложение «откровение содержится не только в писании, но и в предании» — к классу собственно теологических. И тем не менее, даже при введении большого числа чисто теологических предложений догматов, остается невыполненным, в силу того, что теологические предложения отнюдь не посягают на предложения догматические, а это препятствует упорядочению. Теологические выводы дедуктивным путем получить невозможно. Апологический характер теологии неустраним никакими религиозно-философскими соображениями, и редуцированность теологических рассуждений, т.е. их постоянное возвращение к предложениям веры, лишний раз иллюстрирует порочный круг религиозного мышления.

Логика теологии примерно такова: теология начинает (теоретически) с предложений веры, затем объясняет их теологическими заключениями, которые таковы, что из них могут быть выведены предложения веры, после чего выводят из теологических заключений новые предложения, которые могут быть проверены на то, относятся ли они к предложениям веры, и, наконец, проверяют ли такие предложения исследованием их согласованности с другими предложениями в образовавшейся теологической системе. Исходя из данного положения, богословы пытаются убедить, что подобный способ построения религиозно-теологической речи «удивительно аналогичен» структуре речи большинства естественных наук. Но уже сам исходный пункт и объект теологической логики — догматы веры — таков, что не имеет ничего общего с объектами естествознания. Предложения веры вовсе не аналогичны научным аксиомам и постулатам, ибо не обладают ни очевидностью, ни возможностью практической проверки, ни эмпирической ценностью. Это обстоятельство отчетливо осознается современными теологами, не устающими твердить о «неподсудности» божественного откровения человеческой логике.

Логика религиозной речи в ее реальном виде строится примерно следующим образом. Прежде всего, в любой религиозной речи есть класс высказываний об объекте религии. Этот класс и есть вера (вероучение, догматика), а его элементы — предложения веры. Примеры подобных предложений: «Христос есть сын бога», «Мир сотворен богом из ничего», «Существует загробное воздаяние». Предложения веры верующие обязаны принимать без всякого объяснения. Как поучает один из видных православных богословов, «всякий ищущий доказательства церковной истины тем самым показывает свое сомнение, исключает себя из церкви» [3; 36]. Догмы не доказываются, а предписываются. Логика их принятия очень проста: «Это верно потому, что так учит церковь» [4; 214–215]. Содержание догмы недоступно разуму, сверхразумно и как таковое неподконтрольно критическому рациональному мышлению. Характерно, что согласие с догмой теология оценивает не только интеллектуально, но и морально: кто отвергает догму, тот отверженный, грешник, еретик, он не просто заблуждается, он кощунствует. Теологические рефлексии, призванные довести сверхразумные догматы до сведения верующих, сводятся к метафорам, образным сравнениям, эмоциональным оценкам, т.е. к внелогической сфере.

В «Кредо» скрыто, а в теологии явно содержится правило, устанавливающее, какие предложения следует отнести к классу «благочестивых», «правовверных». Задается это правило описанием контекста и гласит, что все содержащееся в писании или кредо данной религии относится к «истинной» вере. Многочисленные споры первых веков христианства насчет символа веры, а также относительно подлинности или апокрифичности отдельных библейских книг имеют в виду именно это теологическое правило. Как известно, в истории христианства различное применение этого правила служило поводом к разделению церквей, отделению протестанства и тому подобным явлениям. Между правилом и его использованием лежит герменевтика, истолкование в данном случае религиозных положений, на которое решающее влияние оказали социально-исторические условия. Но и это правило религиозной «логики» несомненно связано с религиозной нетерпимостью и рознью.

И, наконец, существует еще одно, так сказать, «эпистемическое» правило, в соответствии с которым каждый элемент «истинной» веры, т.е. любое предложение, удовлетворяющее предыдущему правилу, должно рассматриваться и приниматься как истинное. Так, любой христианский катехизис гласит: все, что Бог открыл в своем откровении, а церковь предлагает в это верить, есть безусловная и святая истина. Все предложения веры должны рассматриваться как абсолютно достоверные, т.е. имеющие вероятность, равную единице. Более того, находятся даже такие рьяные теологи, которые настойчиво утверждают, что в силу своего сверхъестественного происхождения истины веры имеют вероятность выше единицы, хотя само понятие вероятности исключает данное положение как нелепость. Отсюда следует, что любые формы светского знания или иных вероисповеданий, не совпадающие с «истинами веры» данной религии, должны быть с порога отвергнуты, осуждены, преданы анафеме.

Таким образом, на теологической логике лежит вполне отчетливая печать догматизма, авторитаризма и фанатизма.

Мнимое знание, проповедуемое религией, влечет за собой столь же мнимую «логику». Разум, употребленный на обоснование неразумия, порождает извращение элементарных логических законов, попрание их. Почву для нарушения, например, закона тождества составляет религиозное удвоение мира, благодаря которому появляется возможность софистически оперировать разными понятиями, выдавая их за одно или, наоборот, единое понятие за два разных. Нарушение закона противоречия проистекает из принципиальной превратности религиозного мышления, не могущего быть логически последовательным. Туманность и таинственность догматов ведут к нарушению закона исключенного третьего. И наконец, догматизм и авторитарность, слепая вера вместо рациональной аргументации, составляющие суть теологии, неизбежно предполагают несоблюдение закона достаточного основания.

Логика по своей природе чужда априоризму и догматизму, поэтому теологическая «логика» не может не сопровождаться софизмами, т.е. намеренным нарушением правил элементарной общечеловеческой логики. Та куца, обессиленная, урезанная логика, которая властвует в теологии, заслуживает изучения лишь как пример функционирования превратного мышления. Если вера ставится выше разума, то логика превращается в свою противоположность — алогизм.

Вопрос о религиозном мышлении содержит в себе, следовательно, известную двойственность. С одной стороны, религиозное мышление, будучи по своей природе превратным, иллюзорным, базирующимся на слепой вере, тем самым должно быть и действительно является алогичным. С другой стороны, религиозное сознание существует и на рациональной ступени, а это значит, что оно пользуется какими-то логическими формами, подчиняя это пользование законам и правилам общечеловеческой формальной логики, и выходит, что религиозное мышление по-своему логично. Однако, как было изложено ранее, при попытках свести религиозную догматику в логичную схему, богословие неизменно терпит крах.

Отсюда, с одной стороны, использование формальной логики в апологетических рассуждениях — традиция, идущая от средневековой схоластики с ее так называемым «богословским силлогизмом», а с другой — ограничение человеческой логики в области постижения божественного. Логика в руках богословов становится урезанной, ограниченной, подчиненной алогичной вере и, испытав «ряд волшебных изменений», превращается сначала в схоластику, а затем и мистическую софистику. Поэтому, хотя превратное мышление, очевидно, не может быть логичным в полном смысле этого слова, можно все же вести речь о логике религиозного мышления как логике ущербной и скованной. Очевидно, сознавая все это, нынешние теологи вынуждены признать, что «богословие не придает своим положениям логической принудительности» [5; 7–8].

Из всего сказанного, сделаем вывод. Анализ богословских отдельных суждений показывает, что «логика» религиозного мышления целиком строится на софизмах — тавтологии, порочном круге, подмене тезиса, предвосхищении основания, внелогических приемах и т.д. Фидеизм, т.е. подчинение знания вере, делает эту софистику неизбежной.

Список литературы

- 1 Памятники средневековой латинской литературы X–XII вв. (Сборник). — М.: Наука, 1974. — 250 с.
- 2 *Преображенский П.* Тертуллиан и Рим. Краткий научно-атеистический словарь. — М.: Наука, 1969. — 798 с.

- 3 Мен А. Теология знаний // Журнал Московской патриархии. — М., 1955. — № 7. — С. 50–55.
- 4 Габинский Г.А. Теология и чудо. — М.: Мысль, 1978. — 279 с.
- 5 Основное богословие: Курс лекций для духовных семинарий. — Ч. 1. — Киев, 1956. — 73 с.

О.Айтбаев

Діни және діни емес дүниетанымның формалды-логикалық негіздері

Мақалада діни және діни емес дүниетанымдықтың негіздері қарастырылады. Діни дүниетанымдықтың негіздерін құрастыратын ұғымдар: догма, сенім және аян, ал діни емес дүниетанымдықтың негізін құрастыратын ұғымдар: ақыл және логика. Діни рационализмдік көзқарастың негізі софьлық тавтология, қырсық шеңбер, тезисті ауыстыру, логикадан тыс әдістер және т.с.с. Діни догма ештеңені дәлелдеп жатпайды, ол тек қабылдауды (сенуді) талап етеді. Діннің логикасы өте қарапайым: «...бұл дұрыс (ақиқат), себебі шіркеу осылай оқытады». Логиканың заңы бойынша: «...ақиқаты алғы шарттардан, ақиқат ойқорытынды шығады». Бұл логиканың объективті заңы.

О.Айтбай

Formal-logical basis of religious and non-religious worldviews

World outlook bases of the religious and nonreligious outlooks are considered in the article. Further it is noticed that the basis of religious outlook consists of the dogma, belief and revelations, and nonreligious outlook consists of the reason and logic. Religious rationalism is whole built on the sophism — tautology, vicious circle, substitution of the thesis, extra logical receptions etc. The religious dogma doesn't prove, but it orders. Their logic is very simple: «it is true because church learns it». The law of logic says that it always conducts from true messages to the true conclusion. It explains objectivity of the logical law's validity.

УДК 378.1 (045)

Ф.Н.Зиатдинова

Башкирский государственный аграрный университет, Уфа, Россия

Образование как сфера трансформации духовно-культурных ценностей общечеловеческого и национального характера

В статье рассматриваются современные тенденции развития системы образования в условиях глобализации. При этом решающее значение придается духовным ценностям. Главным фактором сохранения духовной основы образования является осознание того, что каждый ребенок пришел в мир со своей уникальной миссией. Дается сравнительный анализ состояния образования в России и в других странах, который показывает значение поликультурного образования в современном мире. Обосновывается необходимость формирования духовного здоровья личности, развитие нравственных ценностей. Признается актуальным педагогическое стимулирование и культивирование в личности воспитанника чувства справедливости, независимости, внутренней свободы.

Ключевые слова: современный мир, системы образования, глобализации, духовные ценности, поликультурное образования, духовное здоровья, личность, педагогическое стимулирование, культивирование, внутреннее свобода.

В современных условиях развития нашего общества под воздействием глобальных тенденций актуальной задачей все же остается переход системы образования к его многообразию. Преобразования в сфере образования сегодня трудно представить без восприятия необходимости целостного подхода к происходящим изменениям. В основе лежит трансформация системы образования в культурно-

образовательную сферу, что актуализирует проблемы расширения применения инновационных подходов, путей, форм обучения и воспитания.

Положение современности усугубляется тем, что ценности, передаваемые из поколения в поколение: доброта, нравственность, духовность, аккуратность, честность, благоговение, благодарность, вера в силу молитвы, верность, дружелюбие, единство с миром, любовь, милосердие и т.д. — добродетельные ценностные качества личности претерпевают деградацию. Нравственное воспитание, где каждый может выбрать свою рамку поведения, работать над своим характером, развивая в себе тем самым чувство собственного достоинства в разных типах и уровнях школ, в том числе и высшей, не рассматриваются как глобальные проблемы, которые должны стоять во главе угла. «Образование», конечно, не дает такой ласки, любви, бесконечных теплых слов и улыбок, как родители, но предназначено использовать общечеловеческие ценности как инструмент, вручаемый родителям, педагогам, старшим поколениям, которые должны привить своим детям, потомкам духовные ценности, чтобы они смогли пользоваться ими в процессе воспитания и обучения на нелегком пути их духовного, нравственного, интеллектуального, физического, психического и т.д. совершенствования.

Важно осознание того, что в современном мире в воспитании ребенка как духовного существа, который пришел как новый человек в этот мир, чтобы достичь зрелости — физической, духовной, умственной, главное — образование и родители — опекуны этого нового человека. Справедливо отмечает А.Печчеи, что в новом, XXI в. определяющий фактор разрешения глобальных проблем — воспитание целостной человеческой личности и ее возможностей, где основной механизм «нового человека», «новый гуманизм» — налаживание взаимодействия культур (мировой диалог культур), интенсивное развитие межкультурных коммуникаций, осуществляемое во всех сферах жизнедеятельности людей [1; 57].

Анализ тенденции развития мировой и российской культуры, состояния образования в России и в других странах показывает, насколько поликультурное образование стало актуальным сегодня. Структурно модели поликультурного образования рассматриваются с единой культурологической направленностью, с разными названиями, нацеленными на воспитание человека культуры: «поликультурализм», «поликультурный уровень воспитания», «поликультурное пространство», «этнопедагогическое пространство», «социокультурное пространство», «мультикультуризм», поликультуризм», «культурологический подход», «кросс-культурное образование». В нашем исследовании «поликультурное образование» — освоение и усвоение этнокультуры, общероссийской культуры и культуры мира в школах любого типа (однако наиболее полезно для учеников национальной школы), учитывая сензитивные периоды их развития. Будущее школы — это становление ее как культуросообразной, культуроформирующей и культуросозидающей образовательной системы, выдвижение в качестве ведущей идеи поликультурного образования — приобщения к общечеловеческим ценностям, обращая внимание на те международные исследования, в которых выдвигается поиск способов усвоения детьми и взрослыми диалекта общечеловеческого, международного и национального отношения к себе, языку, культуре народов, к историческому прошлому и настоящему, национальному достоинству личности как ключевому способу трансформации общественных ценностных ориентаций у подрастающего поколения, укрепления института семьи — семейного воспитания.

Однако ориентация школьников в мире ценностей до сих пор еще носит стихийный, фрагментарный характер и требует более серьезных решений.

Результаты нашего многолетнего экспериментального опыта (более 15 лет [2]), где образовательный процесс строился через поликультурное образование, создание поликультурной образовательной среды и использование поликультурного образовательного пространства как одного из методов воспитания и обучения, показывают, что методы и приемы, используемые педагогами с учетом личности школьника, позволили 56,8 % младших школьников достичь первого уровня развития (из трех уровней) потребностей и мотиваций в поликультурных и общечеловеческих ценностных качествах, облегчили самосовершенствование в творчестве, освоение родного и иностранных языков (5–6 языков и культур изучаемых языков), культурных и человеческих ценностей, сделав их потребностными, мотивированными, значимыми, привлекательными. Следствие этого — культурные и ценностные знания становятся образом жизни школьника, завтрашнего студента, будущего родителя, т.е. происходит реальное поликультурное образование (идентификация, интериоризация и экстериоризация).

У большинства младших школьников экспериментальной школы перестали проявляться потребности и мотивы неосознанного выбора ситуаций, тем для общения, в постановке целей, при анализе, оценке фактов, ситуации исчезают и отрицательные взаимоотношения между школьниками.

Например, в экспериментальном классе интегральный показатель уровня сформированности ценностно-смысловых сторон личности на начальном этапе составил всего лишь 41,03 балла. К концу эксперимента прирост этого балла достиг 86,67 (21,1 %) против 65,22 (11,49 %) и 65,27 (10,8 %) в контрольных классах 1 и 2, где исходные баллы существенно выше.

Поликультурная образовательная среда и пространство характеризуются культурными многообразиями, соединяющими ряд образовательных компонентов для гармонизации межэтнических, общероссийских, общечеловеческих самоидентификаций личности...

Мы рассматриваем «пространственный» подход [3; 46] как взгляд на образовательный процесс, как движение внутри организованного «образовательного пространства», как построение множества вариантов проявления возможностей взаимо- и самообразования внутри определенных границ образовательной ситуации, как, по мнению М.Фельденкрайза, в «поле, в котором человек должен продвигаться, чтобы быть принятым в качестве ценного члена общества, а ценность в собственных глазах зависит от его положения в обществе». Создание возможностей для развертывания человеческой сущности во всей ее полноте вызывает потребность в специальной организации образовательного пространства: позволяющего, по мнению Н.Б.Крыловой, находить объяснения индивидуальной организации разнообразных образовательных процессов и конструировать педагогическую деятельность исходя из инициативы, интересов и мотивации обучающихся: представляющего, по Д.Гибсону, место для существования и простор для развития, по С.К.Нартовой-Бочавер, «психологическое пространство личности» [4; 35] и т.д.

Каждая республика имеет богатое поликультурное пространство: государственные и народные театры, филармонии и народные фольклорные коллективы, культурные центры, библиотеки, клубы, студии, архивы, выставки, национальные памятники, краеведческие, этнографические музеи, организации, занимающиеся художественными народными промыслами и ремеслами, произведения исторической, художественной, музыкальной, фольклорной, этнографической литературы на национальных языках и т.д. — все это позволяет плодотворно решать важные психологические и педагогические задачи.

Именно этот аспект практики далеко не всегда позиционируется как сугубо психологический и педагогический, как перспектива взаиморазвития, сотрудничества, требующего серьезного отношения. Мировое образовательное пространство — это многомерный диалог культур. На поликультурном уровне [5; 37] выдвигается задача по глобализации культуры. Отсюда приоритетным становится полилингвизм, особенно в изучении восточных и западноевропейских языков, обеспечивающий доступ к ценностям мировой культуры.

Поликультурная образовательная среда также рассматривается нами как целенаправленный процесс особым образом организованных педагогических воздействий на школьника, в котором педагог не дает готовую информацию, а сопровождает школьников в их личном постижении мира через переживания и активное взаимодействие с поликультурным окружающим миром, что является проблемой в высших школах. Взаимодействие школьника с поликультурными и общечеловеческими ценностями в поликультурной образовательной среде осуществляется как в процессе стихийных воздействий со стороны среды, часть которых в процессе его развития в этот период может быть относительно трансформирована, так и в процессе создания специальных условий. При этом постепенно уменьшается степень и изменяется качество трансформации.

В нашем исследовании моделирование поликультурной образовательной среды опирается на схему, реализующуюся в большинстве работ по педагогике: цели определяют содержание, методы, приемы и организационные формы образования (обучения и воспитания) (см. рис. 1).

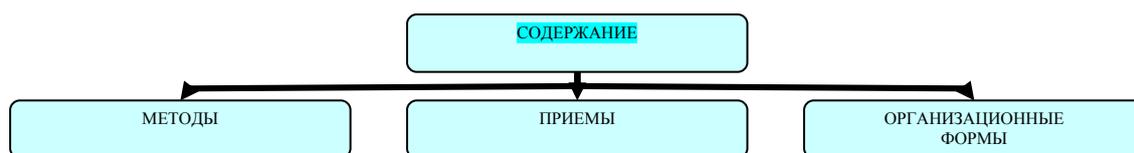

Рисунок 1. Схема внутрисистемных элементов образовательной среды

Анализ подходов разных авторов позволяет определить основное *СОДЕРЖАНИЕ* поликультурной образовательной среды. Это такие культурологические элементы, как: идеалы; духовно-нравственные традиции, в том числе религиозные; язык.

Приведем несколько примеров. Остановимся на компоненте *«Идеал»* как содержание образования (см. рис. 2).

Рисунок 2. Идеал как системообразующий элемент поликультурного образовательного процесса

В культуре любого народа идеалы добра, истины, красоты воспитываются через народный эпос, традиции, обычаи, нормы поведения, менталитет. Через взрослого удовлетворяются буквально все потребности ребенка — во внешних впечатлениях, общении, эмоциональных контактах. Взрослый, таким образом, становится тем главным «предметом», в котором кристаллизуются потребности ребенка. Поэтому для ребенка идеалом выступает родитель, для ученика школы — учитель, для студента — педагог, где на первом месте духовно-нравственные качества, педагогический такт, деликатность, осторожный личный пример, сообразно той среде, к которой относишься, а отнюдь не насилие, не принуждение и не искусственные мероприятия (И.Я.Яковлев).

Духовно-нравственные традиции, в том числе религиозные, как содержание образования (см. рис. 3).

Рисунок 3. Духовно-нравственные традиции как системообразующий элемент поликультурного образовательного процесса

Воспитание духовно-здоровой личности должно начинаться с формирования у растущего человека нравственных ценностей, но, с другой стороны, также с педагогического стимулирования и

культивирования в личности воспитанника чувства справедливости, независимости, внутренней свободы. В понимании духовности развиваются две стратегии: религиозная и светская. В одном случае это Добро и Любовь к Богу, в другом, светском понимании, такие понятия, в которых духовность вбирает в себя все лучшее, что интегрирует духовно-нравственная деятельность и духовно-нравственная личность: совестливая, честная, правдивая, ответственная, милосердная, отзывчивая, тактичная, добропорядочная, сострадающая, сочувствующая личность [6; 24, 7; 68].

Вследствие кризиса и упадка нравственности во всех слоях российского общества, в том числе и учащейся молодежи, педагогам необходимо обратиться в прошлое, к трудам философов «серебряного века» Н.А.Бердяева, В.Розанова, В.Соловьева, Н.Рериха, где раскрыты философско-этические основы российской духовности и культуры. Идеи приоритета духовности, нравственности в развитии человека легли в основу «Учения живой этики», содержащего много конкретных рекомендаций и наставлений. Мы считаем, что надо предоставить религиозному чувству в ребенке развиваться свободно и естественно, сообразно его духовному росту и накоплению им соответствующего жизненного опыта, разобраться с вопросом о религиозном воспитании не только на почве своих запросов, но главным образом на почве детской психики, ее интересов и потребностей.

Языки как содержание образования (см. рис. 4)

Многие ученые рассматривают язык как главное достижение народа и основной показатель уровня развития мышления нации, ее культуры в целом.

Уроки родного языка и литературы (культуры народа) рассматриваются нами не только как цель, но и как средство гармоничного, всестороннего развития личности, способность понимать другого человека, другой народ, его культуру, считаться с его потребностями. Язык является средством коммуникативных информационных возможностей, как форма передачи прошлого, настоящего, будущего народа, его быта, традиций, обычаев, нравов, особенностей трудовой деятельности, природной среды.

Рисунок 4. Языковая образовательная среда как системообразующий элемент поликультурного образовательного процесса

Дисциплина «Родной язык и литература» предусматривает формирование национального самосознания при неперенном интересе к другим национальным культурам как уникальному способу отражения жизни другого народа и стремлении познать культуру народов других национальностей, населяющих Башкортостан, Россию, другие страны. С этой целью учебные программы по родному языку и литературе интегрированы с программами по изучению русского языка и литературы, истории и культуры Башкортостана, английского языка (любого иностранного языка), арабской графики. В нашем понимании интеграция означает состояние связанности отдельных дифференцированных частей и функций системы, организма в целом; процесс сближения и связи наук, происходящих наряду с процессами их дифференциации с другими источниками по математике и русскому языку. Интегрированная образовательная область — это та же учебная дисциплина, но составленная из содержательных фрагментов разных предметов, а также дополнительного содержания из других источников, которые входили ранее в учебный процесс. Интегрированные образовательные области довольно

легко вписываются в предметную систему обучения и не нарушают традиционного характера деятельности педагога со школьниками, который продолжает вести свой предмет и дополнительно включает, в зависимости от необходимого материала, небольшие интегрированные курсы (в соответствии с темой). Эта первая тема не только расширяет его предметную область, но и обогащается содержанием, сближает с другими дисциплинами, педагогами, дает школьнику действовать соответственно...

Таким образом, язык тесно взаимосвязан с этнопсихологией, этнодидактикой, с самобытностью народа, его самосознанием, поэтому необходимо обеспечить в школах создание культуролингвистических условий качественного изучения каждым человеком русского языка, языка своей национальности и двух и более иностранных языков как средств общения в диалоге культур.

Исходя из этого правы будут те исследователи, которые считают, что роль главного, стержневого принципа построения системы образования, в том числе высшего (именно высшего!) образования, должен играть принцип сообразности образования культуре, т.е. образование должно соответствовать не одному какому-то сектору культуры (например, науке или религии), а культуре как целостности, как системе духовных и материальных ценностей [8; 26].

Несомненно, поликультурное образование является стратегическим потенциалом для современного педагога, ориентированного на воспитание «всеобщего» человека в его индивидуальном определении. Оно расширяет горизонты образовательной деятельности; способствует формированию полифонического видения мира; ставит своей целью воспитание «неоднородного» человека; культивирует веротерпимость и социальную солидарность как нравственный идеал и норму поведения. Поликультурное образование зиждется на принципах эпистемологического плюрализма, недопустимости авторитарности в научных суждениях, в его рамках осуществляется демократизация образовательного процесса. Однако следует помнить, что стратегии поликультурного образования также не свободны от определенной доли односторонности — абсолютизируя идею многообразия мира культуры, они нивелируют идею его единства. В результате образование становится фрагментарным. Чтобы избежать этой опасности, необходимо соблюдать принцип дуальности монокультурного и поликультурного начала, их взаимной коррекции, равновесия. Этой стратегией является диалог. Диалог — это не простое наложение двух противоположных идеалов — единства и отдельности, особенного и всеобщего, а постоянное стремление к осуществлению гармонизации идеалов безусловной ценности личности и общечеловеческой солидарности. Поэтому философский идеал современного образования можно определить как воспитание диалогического человека, способного воспринимать и создавать мир в гармонии его многообразия.

Список литературы

- 1 *Борисенков В.П., Гукаленко О.В., Данилюк А.Я.* Поликультурное образовательное пространство России: история, теория, основы проектирования: Монография. — М. – Ростов н/Д.: Изд-во РГПУ, 2004. — 576 с.
- 2 *Зиатдинова Ф.Н.* Поликультурное образование учащихся младших классов в национальной школе: Дис. ... канд. пед. наук. — Ижевск, 2006. — 183 с.; *Зиатдинова Ф.Н., Хакимов Э.Р.* Модель поликультурного образовательного пространства // Современные образовательные технологии и школьная практика: Материалы межрегион. науч.-практ. конф. — Ижевск, 2008. — Журнал. — № 10. — С. 64–68.
- 3 *Фельденкрайз М.* Понимание при делении / Хрестоматия по телесно-ориентированной психотерапии и психотехнике (Сост. В.Ю.Баскаков). — М.: НПО «Психотехника», 1993. — 46 с.
- 4 *Нартова-Бочавер С.К.* Понятие «психологическое пространство личности»: обоснование и прикладное значение // Психологический журнал. — 2003. — № 6. — С. 31–35.
- 5 *Ялалов Ф.Г.* Становление и развитие национального гимназического образования. — Казань: Паритет, 2001. — 37 с.
- 6 *Гершунский Б.С.* Образование в III тысячелетии: гармония знания и веры (Прогностическая гипотеза образовательного триумфа). — М.: Моск. психолого-соц. ин-т, 1997. — 120 с.
- 7 *Гершунский Б.С.* Философия образования для XXI века (В поисках практико-ориентированных образовательных концепций). — М.: Совершенство, 1998. — 608 с.
- 8 *Финогентов В.Н.* Религиозный ренессанс или философия гуманизма? Мировоззренческий выбор современной культуры. — М.: Флинта, 2009. — 261 с.

Ф.Н.Зиатдинова

Білім беру жалпыадамзаттық және ұлттық сипаттағы рухани-мәдени құндылықтарды өзгерту саласы ретінде

Мақалада жаһандану жағдайындағы білім беру жүйесі дамуының қазіргі заманғы тенденциялары қарастырылады. Осының барысында ең басты назар рухани құндылықтарға аударылады. Білім берудің рухани негіздерін сақтаудың басты факторлары ретінде әрбір баланың дүниеге өзінің ерекше тағдырмен келетіндігін түсінуіміз керек. Сонымен қатар қазіргі әлеміміздегі полимәдени білім берудің маңызын көрсететін Ресей мен басқа да елдердегі білімнің жағдайына салыстырмалы талдау беріледі. Адамгершілік құндылықтарының дамуы, тұлғаның рухани саулығын қалыптастыру қажеттілігі негізделеді. Тұлғаның бойында әділеттілік, тәуелсіздік пен ішкі еркіндік тәрбиелеушісін қалыптастырудағы педагогикалық негіздер ауқымды болып табылады.

F.N.Ziatdinova

Education as an area of transformation spiritual and cultural values of universal and national character

The article reviews current trends in the education system in the context of globalization. In this case, the crucial importance is attached to spiritual values. The main factor keeping the spiritual foundation of education is to realize that each child came into the world with its unique mission. A comparative analysis of the state of education in Russia and other countries, which shows the importance of multicultural education in the modern world. Proves the necessity of forming the spiritual health of individuals, the development of moral values. Recognizes the urgent pedagogical encouragement and cultivation of individual pupil's sense of fairness, independence and inner freedom.

УДК 101.1:316

П.П.Солощенко

Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова

Освоение времени в деятельности: социально-философские аспекты

В статье рассматривается проблема формирования социальных условий для освоения времени в деятельности человека. Автор проводит социально-философский анализ основных этапов становления отношения человека ко времени в своей деятельности. Выясняется связь между сознательным отношением человека к деятельности и временем. Определяются перспективы формирования в обществе новой культуры времени. Аргументируются новые идеи философского понимания времени. Обосновывается фундаментальная связь времени и социального развития. Фактор времени служит основой стратегии развития. Необходимо повышать ответственность в обществе за обращение с индивидуальным и социальным временем.

Ключевые слова: время, человек, измерять время, количество времени, публично время, деятельность человека, повседневный жизнь, периодичность, трудовая деятельность, деятельность человека.

Время осваивается в деятельности. «Освоить, — разъясняет Словарь русского языка С.И.Ожегова, — значит вполне овладеть чем-нибудь, научившись пользоваться, распорядиться, обрабатывать». Действительно ли человек способен в своей деятельности не только учитывать количество времени, уметь измерять время, но и распорядиться временем, пользоваться им и даже обрабатывать его? По В.И.Далю, «освоить» означает также сделать обычным, обиходным. М.Хайдеггер, обращая внимание на отношение ко времени в современном (XX в.) мире, называет его «подручным», «публичным временем» [1; 412]. Предполагает ли это утверждение указание на факт того, что время давно уже стало полностью управляемым компонентом нашей деятельности? Так ли уверен человек в своих возможностях распорядиться временем? Не является ли время, скорее, препятствием на пути к достижению поставленных в деятельности целей? «В конечном счете, все для человека упирается во

время: пределы всех желаний, основа всех интересов, источник всех целей, конечный смысл самой его жизни» [2; 16]. Связь времени с деятельностью и сознанием человека существует. Необходимо исследовать сущность данной связи с целью выявления возможностей более качественного использования времени в деятельности человека, в обществе культуры сознательного отношения ко времени.

Повседневный жизненный опыт человека, который подтверждается в исследованиях экспериментальной психологией, давно обнаружил зависимость между отношением человека к выполняемой деятельности, ее эмоционально-ценностной характеристикой и индивидуальным восприятием длительности ее выполнения. Выражается данная зависимость следующим образом: чем ярче эмоционально-позитивное восприятие выполняемой человеком работы, чем выше степень личной заинтересованности в ее выполнении, чем выше уровень осознания и понимания необходимости для самого человека данной работы, тем меньшее количество времени в субъективном выражении на нее расходуется. И более значимый, с нашей точки зрения, факт, что в работе, вызывающей интерес, делающейся с желанием, мы не следим за количеством времени, которое на нее затрачивается, не жалеем о временных затратах, получаем удовольствие от каждого мгновения своей деятельности [3; 144–150]. Таким образом, в деятельности, осуществляемой как реализация индивидом своих собственных сил и способностей, время не теряется, не «убивается», а обретается, становится действительным «пространством развития» (Маркс) человека. Интересны в этом отношении размышления Г.С.Сковороды о природной склонности каждого человека к какой-то определенной разновидности труда. Эта склонность при ее развитии и реализации может сделать его по-настоящему счастливым. «Несродный» труд, т.е. труд, к которому «не лежит сердце», который навязывается обстоятельствами извне, к которому принуждают, является источником несчастий человека [4; 128]. В «сродном» деле все нужное — нетрудное (в нашей интерпретации, временно-качественное), а все трудное — ненужное (временно-количественное).

Одним из основных препятствий для нашего общества на пути к благосостоянию всех его членов мы считаем то, что деятельность современного человека в системе социальных отношений становится, по преимуществу, безразличным, абстрактно-всеобщим трудом, где каждый может овладеть любой профессией, но при этом найти специалистов в «своем» деле становится все труднее. Стремление использовать время в его количественной форме, в ущерб качественно-осознаваемой наполняемости, «одухотворению» его содержания, приводит к переориентации деятельности с живого процесса со-трудничества, со-участия, со-переживания на безликий конечный результат, на получение как можно большего количества вещей за как можно более короткий период времени. Таков принцип максимума внешней продуктивности при минимуме внутренней самоотдачи, сущностной причастности к деятельности социума как целостности, солидарного единства трудящихся. В таких обстоятельствах освоение времени в деятельности оборачивается постоянным отставанием во времени от природных, социальных, личностных процессов, растрачиванием времени в рутине мелких дел, которые и делать-то не надо было.

Диссонанс между социально регламентируемым временем для деятельности и индивидуальными ритмами человеческого организма оборачивается преждевременной утратой здоровья в условиях общественного производства. Требуемая активность участия в историческом времени социума, игнорирующая уровень личностной активности, которая, возможно, еще просто не утвердилась в сознании человека, оборачивается социальной апатией, отказом соответствовать «духу времени», уходом во «вневременную» реальность (может, стоит поискать здесь социальные корни разных форм наркозависимости?). Почему же социальная практика не учитывает фактора времени именно в его осознанности? Что препятствует использованию субъективного отношения ко времени осуществляемой деятельности в качестве определяющего условия поручения человеку той работы, для которой он не пожалел бы своего времени, не замечал бы его количественных моментов? Каким образом мы могли бы выстраивать социально необходимую деятельность с учетом индивидуального ритма жизнедеятельности субъекта в качестве здоровьесберегающего фактора?

Для того чтобы ответить на эти вопросы, необходимо выяснить саму возможность сознательного использования фактора времени в деятельности, что связано как с пониманием самой природы деятельности, так и с историческими формами отношения человека ко времени в своей деятельности. Автор соглашается с В.С.Швыревым в том, что «исходное определяющее понимание деятельности связано с выявлением определенного типа отношений к миру, определенного типа бытия в мире, который составляет существо деятельности» [5; 10–11]. Всякий акт деятельности имеет результатом наше воздействие на мир, определение мира в деятельности. Мир возникает для нас как объект наше-

го действия. При этом действующий субъект осуществляет в акте деятельности свою цель, которая формируется под воздействием жизненного опыта, целиком данными опыта не детерминируется. «Деятельность — это такая форма активности, которая способна по самой своей природе к неограниченному какими-либо извне заданными рамками пересмотру и совершенствованию лежащих в ее основе программ» [5; 13]. То есть деятельная активность субъекта определяется его способностью к поиску новых форм известной деятельности или к утверждению новых видов деятельности. «Действовать — значит как-то поступать с окружающими вещами или людьми и непременно согласно плану, выработанному в ходе размышления. Без мышления нет действия, и, наоборот, не существует подлинного мышления, не соотносенного должным образом с действием, не находящегося в глубокой связи с ним» [6; 494].

Постоянное продумывание наших действий в мире, создание идеальных образов возможных действий, выработка программы последовательности осуществления действий образуют основания для деятельности самого сознания по идеальному преодолению времени, отделяющему наш замысел от воплощения в реальность. Человек, по сути, не может делать ни одного шага в жизни, не представляя с большей или меньшей ясностью свое будущее, то как он может реализовать себя в еще не состоявшемся бытии? Все вопросы о том, что есть бытие человека, как человек вообще может быть и кем он может быть, обращены ко времени бытия человека. «Борьба со временем (одномерностью, необратимостью) откладывается в формах общения. В успехах этой борьбы и дан человек. Размах его проявляется в деятельности масс (внешнего человека), а уровень — в творчестве личности (внутреннего человека)» [2; 16]. В итоге время становится не только фактором изменения внешних условий деятельности человека, но и фактором преобразования внутреннего мира человека в раскрытии и реализации его скрытых потенций в силу длящегося осознания потребности в них. Согласно взглядам Ж.П.Сартра, человек есть сознательное существо в том смысле, что он не приобретает сознание как некое качество, прибавляемое к другим его характеристикам, а возникновение сознания и возникновение человека — это один и тот же акт, в котором человек дан вместе со своим сознанием [7; 177]. От себя добавим, что такой акт не может быть одномоментным событием в истории человека и человечества, а требует постоянного утверждения сознания в делах и поступках человека, постоянного «осевого времени» для проявления сознания. Результат исследований А.Н.Леонтьева: «Деятельность человека и составляет субстанцию его сознания» [8; 157]. В результате вся история есть не что иное как «деятельность преследующего свои цели человека» (Маркс).

То, что отношение ко времени есть специфически человеческое отношение, выясняется при анализе самого момента выделения человека из мира природы. Л.С.Выготский отмечает, что, например, «жизнь шимпанзе протекает в очень узких рамках в смысле прошедшего и будущего. Время, в котором он живет, в этом отношении в высшей степени ограниченное, и все его поведение оказывается почти в непосредственной зависимости от налично данной ситуации» [9; 219]. В противоположность этой непосредственной вписанности животного в природу сама предметная деятельность первобытного человека, являющаяся внесением изменений в существование предметов мира природы, предполагает и определенное отношение ко времени. Еще не задумываясь над теоретическим понятием времени, человек подчинял свои действия определенному порядку следования во времени. В этом следовании формировались первые представления о прошлом, настоящем, будущем как формах целеполагающего отношения человека к объекту своей деятельности. Появление в сознании человека первых темпоральных мыслеобразов позволяло «ослаблять связь с настоящим и, мысленно отключаясь от него, вспоминать прошлое, сознательно планировать будущее и тем самым значительно расширять, по сравнению с животными, рамки восприятия времени и использования его в своих целях» [10; 131]. Именно в процессе предметной деятельности первобытного человека происходило первоначально стихийное постижение повторяемости природных явлений, нерелексируемое понимание связи между причинами и следствиями, пусть и разделенными между собой длительными промежутками.

В процессе деятельности, связанной с изготовлением орудий труда, происходило своеобразное «одомашнивание» времени. Как считает К.Ясперс, «животное в силу инстинкта пожирает и уничтожает; труд производит орудия, создает нечто постоянное, продукты, творения. Уже орудие порывает непосредственную связь человека с природой. Перерабатывая предмет, оно предохраняет его от уничтожения» [11; 123]. Это умение с помощью орудий труда влиять на появление новых состояний и предметов в мире формировало у человека представление о своем особом положении в мире — существа, способного удерживать в своем сознании изменяющуюся действительность в виде неизмен-

ных образов. Используя эти образы в своей последующей деятельности, человек достигал такого результата, в котором то, что стало объектом воздействия человека, обрело свое особое существование, отличное от существования природных вещей. Однако само понятие «время» не могло появиться до тех пор, пока чувственные образы времени не дополнились осмысленными. Для возникновения представлений о времени в собственном смысле и для выработки более или менее точных приемов его исчисления было необходимо, чтобы появилась некоторая фиксируемая мышлением, повторяющаяся связь явлений. Такой определяемой мышлением повторяемостью была видимая смена природных ритмов. Если бы человек не осуществлял правильную периодичность в своей деятельности, замечая и фиксируя эту периодичность в природе, он не мог бы прийти к понятию времени. Постоянно наблюдаемая человеком периодическая смена дня и ночи была важным регулятором периодичности жизненных процессов человека в смене труда и отдыха. Наступление дня являлось границей, отделяющей отдых от трудовой деятельности, наступление ночи являлось рубежом, за которым следовал отдых и сон. Основным регулятором этого естественного ритма являлось видимое движение солнца по небосводу. Смена времен года регулировала общий характер трудовой деятельности. Однако день, являясь важной единицей времени, не мог удовлетворить в качестве эталона меры времени все возрастающее разнообразие видов деятельности. Ориентация деятельности во времени настолько расширилась, что потребовались более широкие единицы измерения времени. Из бесчисленной совокупности постоянно изменяющихся явлений первобытный человек должен был выделить те периодически повторяющиеся явления, которые играли существенную роль в его хозяйственной деятельности [12; 154].

Этнографические исследования показывают наличие в культуре разных народов таких вариантов исчисления времени, как период созревания плодов, появление и исчезновение насекомых, перелет птиц, цветение и увядание растений. Однако такого рода события не отличались строгой точностью и оказались мало пригодными на более высоком уровне развития практической деятельности людей. Возникает потребность в более точном и более систематизированном вычислении времени. Основой для таких измерений стали астрономические наблюдения, в которых люди древних цивилизаций достигли большого мастерства [13; 39]. Одновременно происходило фиксирование времени в мировоззренческих представлениях мифов о происхождении космоса, социума, человека. В текстах мифов время представляет собой начальное, раннее, первое время, «правремя», предшествующее эмпирическому (историческому), «профанному» времени. В мифологическое время первопредками, демиургами, героями было создано нынешнее для создателей мифа состояние мира, образцы социального поведения. Обнаруживаются различные формы времени: сакральное время, время сновидения, время «золотого века» прошлого [14; 6–7].

Многокачественность явлений бытия способствовала с самого начала формированию поливариантных, неоднородных представлений о времени. Повседневное сознание трудовой деятельности дополнялось мифологическим объяснением необычайного, непонятного, неповседневного. Боги обладали пророческими способностями, даром предвосхищения жизненных ситуаций. Предвидение первобытного человека, ориентированное на настоящее, имеющее практическую направленность, обогащается в мифологическом времени чувственно-наглядными интуициями прошлого и будущего. Поскольку мыслимость времени еще не отрывалась от чувственного созерцания, то время выступало в виде олицетворенного субстанционального начала и рассматривалось у большинства народов как причина рождения и смерти, как нечто управляющее всем мирозданием. Можно сказать, что мифологическое представление персонифицированного субстанционального времени продолжает доминировать и в современном обыденном сознании. Таким образом, уже в самых ранних формах деятельности человека мы обнаруживаем как потребность регламентации практической деятельности во времени через уточнение равных интервалов времени, так и стремление к осознанию и оценке времени.

Зарождение естественнонаучного и социального знания, возникновение философского мировоззрения способствовали категориальному осознанию времени. Концептуализация времени связывается с категориями становления и развития. Именно в теоретическом анализе выявляются первые противоречия между объективным существованием времени и субъективным отношением ко времени. При этом объективный характер времени связывался с его физическими характеристиками, а субъективность времени находила свое выражение в понятии человеческой души как меры времени. Аристотель одним из первых обосновал неизбежность такого различия. Согласно Аристотелю, мы можем говорить о времени только тогда, когда выделяем различные «теперь», отграничиваем их друг от друга и определяем их последовательность. Время есть «число движения» по отношению к преды-

душему и последующему. Время есть «мера движения» и фиксирование процесса нахождения тела в состоянии движения. Для движения «быть во времени» значит измеряться временем. Однако поскольку время есть «число считаемое, а не посредством которого считаем», то оно не может существовать без считающего. Способностью же считать обладает только «душа» или «разум души», поэтому «без души не может существовать время» [15; 91–97]. Но каким образом возможно согласовать способность каждой отдельной души исчислять время с единым временем космоса, которое «везде одно и то же», «всюду едино»? А ведь без такого согласования деятельность человека утрачивает необходимый смысл в силу своего несовпадения с общим замыслом (логосом) мироздания. Поэтому дальнейшие усилия западноевропейских мыслителей были направлены на нахождение твердых оснований, позволявших рассматривать время и как объективно существующее, и как субъективно переживаемое.

Средневековая философская мысль, объявляя главной целью человеческих усилий достижение «царства Бога», четко разграничивает божественную вечность и земное время. Конечность времени земной жизни противопоставлялась вечности бытия Бога, что приводило, с одной стороны, к усилению субъективизации времени человеческого бытия, а с другой — к игнорированию значимости мирской деятельности человека. Линейное восприятие времени было сопряжено с идеей его необратимости, хотя в повседневной деятельности характерное для доминирующего сельского образа жизни время представляется круговым циклом, наполненным содержанием сельскохозяйственных работ. Линейным и финалистским становится историческое время. Время природы остается циклическим, соответствующим характеру земледельческого труда. Для обыденного сознания мир представлен в средние века как существующий в раз и навсегда заданных ритмах, богоустановленных, а значит нравственно оправданных и не требующих усилий по своему изменению [16; 99–10].

Перемещение в эпоху Ренессанса социальной активности в города сделало жизнь человека более динамичной. Зарождающаяся научная ориентация общественного самосознания, развитие художественной культуры, предпринимательская деятельность нарождающейся буржуазии определили потребность в более высокой степени рефлексии времени. Выдвигается идея социально-исторических перемен. Сама природа времени понимается как деятельная, соучаствующая в устремлениях людей к новым достижениям. Так, в трудах итальянского гуманиста Альберти время полагается «драгоценнейшей вещью», владеть которой означает быть причастным ко всем достижениям культуры. При этом ощущение конечности, краткости времени порождает не апатию обреченности, а энергию борца [17; 57]. Аксиологическая рефлексия времени стала новым этапом в мировоззрении человека. Провозглашалась не только вера в будущее, но и повышался жизненный оптимизм по отношению к настоящему. Время перестает быть исключительной прерогативой Бога, включается в объективную картину мира природы, в знание истории, социальную и индивидуальную активность человека.

Дальнейшее развитие общественного производства в Новое время формирует подход ко времени как физической величине, подлежащей точному измерению. Был сделан первый шаг к понятию абсолютного времени, которое существует безотносительно к каким бы то ни было явлениям и протекает равномерно в любой произвольно выбранной системе отсчета. Время отрывается от непосредственной длительности тех или иных процессов и объявляется самостоятельной величиной. Тем самым выражается потребность преодолеть ограниченность возможностей человека в покорении ранее недостижимых вещей: скорости перемещения в пространстве и во времени. С этого собственно и начинается эпоха промышленного переворота, когда за сравнительно короткий период времени человечество получает новые орудия труда — машины, позволяющие за минуту выполнить ту работу, на которую раньше уходили часы и дни. Философия в лице И.Канта предложила теоретически закрепить эту способность человека использовать время как априорное условие преодоления зависимости нашего знания от предметов «самых по себе», т.е. подчиняющихся собственным временным порядкам. «Итак, время есть лишь субъективное условие нашего (человеческого) наглядного представления (которое всегда существует в чувственной форме, т.е. поскольку мы подвергаемся воздействию со стороны предметов) и само по себе, вне субъекта, есть ничто... В этом именно состоит трансцендентальная идеальность времени, согласно которой оно, если отвлечься от субъективных условий чувственного наглядного представления, вовсе не существует...» [18; 59].

Важный вклад в концептуализацию времени вносили и философско-исторические теории, и социологические идеи, и достижения всего корпуса естественных наук. Основным результатом развития представлений о времени к середине XIX в. следует признать появившуюся возможность решения проблемы времени средствами научного анализа, ориентированного на практический учет вре-

мени в многообразной деятельности человека. Свойства объективного времени природных процессов, исследуемые естествознанием, образуют фундамент их предсказуемости. Время культуры, истории общества силами социогуманитарного знания становится условием развития общественного самосознания, прогнозирования социально-исторических процессов. Психофизические и психологические формы субъективного времени индивида являются истоками гносеологических, художественных, обыденных представлений сознания. Но какова конечная цель всех этих исследований? На наш взгляд, в них выразилось стремление человечества не только чувствовать, переживать, фиксировать время, но и воздействовать на него различными способами: «экономить» время, «обгонять» время, «выиграть» время. Когда время не используется, не осваивается в деятельности, оно теряется, тратится впустую. В «Сказке о потерянном времени» Е.Шварца злые волшебники крадут время у детей, опаздывающих на учебные занятия, отстающих от школьной программы, прогуливающихся школу. Однако сама возможность превращения нерадивых детей в стариков становится действительностью не по злой воле волшебников, а в силу неумолимого социального требования: «человек, который понапрасну теряет время, сам не замечает, как стареет». Отсрочить процесс старения возможно только благодаря активным усилиям человека по освоению времени в деятельности.

К.Маркс, анализируя тенденции развития производительных сил капиталистического общества, в котором технический прогресс достигает небывалой силы, рассматривал человека как главную производительную силу общества. Труд в сфере материального производства выступает у Маркса как исходная основа и решающий фактор всестороннего развития личности. А одним из важнейших условий реального осуществления процесса всестороннего развития личности становится свободное время. Рассматривая свободное время через призму категорий свободы и необходимости, Маркс раскрыл диалектическую взаимосвязь между рабочим и свободным временем, детерминированность второго первым. В первую очередь интенсивность рабочего времени определяет количественный рост свободного времени. Поэтому чем более производительным становится труд, тем продолжительнее свободное время. В свою очередь, чем интенсивнее используется свободное время для повышения квалификации, учебы и общего развития, тем производительнее труд, тем короче необходимое рабочее время. Таким образом, сбережение рабочего времени равносильно увеличению свободного времени, которое, способствуя полноценному развитию индивида, само становится величайшей производительной силой.

В конечном счете, рабочее время изменит свой характер: сократится по своей продолжительности, станет творческим, будет опираться на индивидуальные качества работника. И когда социальный строй достигнет такого уровня развития, при котором развитие человеческой личности станет самоцелью, не рабочее, а свободное время станет критерием определения действительного богатства общества. Мерой общественного богатства становится развитие индивидуальности работника, его интеллектуальный уровень, степень обладания новейшими технологиями производства, для чего и необходимо рациональное использование свободного времени [19; 217].

Однако в обществе, не сумевшем создать условия для рационального использования свободного времени всеми членами, свободное время, влияя на повышение производительности труда, с одной стороны, приводит к увеличению прибавочной стоимости, которая используется только для увеличения свободного времени и развития личностных возможностей представителей господствующего класса, с другой — способствует сокращению числа работников на производстве и росту безработицы на рынке труда, превращению трудящихся в «одномерного человека» (Г.Маркузе).

Признавая человеческий фактор решающим условием социальной деятельности, которая в современном мире стремится к предоставлению каждому большей свободы действий, большей оперативности, признавая усиливающуюся интенсификацию социальной жизни, мы соглашаемся с необходимостью осуществления нового стиля в управлении временем социума, для чего необходимы знания различных форм времени и умения сочетать ритмы различных уровней бытия. Задачей общества становится выработка такой культуры времени, благодаря которой деятельность человека выступала бы как организующее начало многообразных временных ритмов. Человеческая деятельность возможна только в социальном бытии, существование человека и его индивидуальное субъективное время не имеют тотальной автономии от внешнего мира. Поэтому, осуществляя свою преобразующую деятельность, человек не только оценивает ее временной аспект, но и осознает свои усилия по освоению времени. Низкая культура времени проявляет себя в отсутствии стимулов для человека в деле созидания желаемого будущего. Время как формирующее начало сознания человека определяет отношение к жизненным планам, оценку перспектив развития личности в социальной системе. Ре-

зультат такой оценки эмоционально переживается как оптимистический или пессимистический прогноз, что непосредственно детерминирует активность человека. Человек способен осваивать время в деятельности только при условии признания времени в качестве собственного блага. При осознании соответствия своей деятельности общественно-историческому масштабу времени формируется ответственное отношение к социальному времени. Устремленность человека к желаемому будущему для себя и желаемому будущему для общества совпадут в том случае, когда время станет фактором самореализации личности, фундаментальных целей ее жизни, а не останется простой хронологией, упорядочивающей повседневную жизнь.

В идеале общество должно предоставлять всем своим членам время для развития и самореализации, но реально каждая личность выражает себя в том, что она способна открывать во времени гораздо больше, чем представление как о всеобщем и безразличном к жизни конкретного человека механизме. Необходимо заострять вопрос об усилиях самого человека «в социальном (чужом) пространстве... найти свое (человеческое) время» [2; 181]. Сознание человека с самого раннего детства должно наполняться временными образами, в которых события далекой истории и прогнозируемые идеалы будущего вовлекаются в ходе самостоятельной деятельности в сферу личных потребностей, интересов, убеждений. «Любовь к отеческим гробам» (А.С.Пушкин) и «любовь к дальнему» (Ф.Ницше) будут выводить человека из обыденности, определять бытие человека как творца культуры и истории. В «разрыве времен» для человека наступает время ближайшего отношения к миру, в котором личность распадается в желаниях и теряется в повседневности. Тем-то и опасна техника для человека, что, ускоряя темп нашей деятельности, требует от человека невероятной активности, от которой он не в состоянии опомниться. Ни одно мгновение жизни не является самоценным, становясь необходимым условием-алгоритмом для следующего мгновения. От человека требуется уже не столько творческое, свободное и ответственное принятие решений, сколько соответствие функциональным обязанностям согласно безликим «стандартам качества».

Таким образом, рассматриваемый нами тезис об освоении времени в деятельности с позиций социально-философского анализа распался на несколько вариантов, каждый из которых нуждается в более тщательном продумывании. Но общая идея, предлагаемая нами, заключается в следующем. Постоянно возрастающий темп деятельности человека заставляет нас задуматься о сознательном согласовании различных временных ритмов: космического, биосферного, социального, личностного, о включенности индивидуального переживания времени в более масштабные временные уровни как условия развития осознанного отношения человека к своей деятельности. Необходимо организовывать собственное время для повышения уровня социальной организованности во времени, предъявлять к самим социальным отношениям требование бережного обращения со временем каждого человека, с момента его рождения и начала социализации. Стремиться достигать в социальной практике такой высоты межчеловеческих отношений, в которых, не принуждая человека подчиняться равномерному ходу абстрактного времени, мы могли бы доверять ему возможность расходовать время по своему (человеческому) усмотрению, поощряя тем самым творческий характер деятельности и утверждая сознательную ответственность за выполняемую деятельность.

Список литературы

- 1 Хайдеггер М. Бытие и время. — М.: Ad Marginem, 1997. — 451 с.
- 2 Колумбаев Б.Е. Третий человек: (поиск, установление, преодоление человеческого в человеке). — Алматы: Казахстан, 1992. — 272 с.
- 3 Моисеева Н.И. Время в нас и время вне нас. — Л.: Лениздат, 1991. — 156 с.
- 4 Сковорода Г.С. Полное собрание сочинений в двух томах. — Киев: Наук. думка, 1973. — Т. 2. — 574 с.
- 5 Деятельность: теории, методология, проблемы / Под ред. В.А.Лекторского — М.: Политиздат, 1990. — 366 с.
- 6 Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. — М.: Весь мир, 1997. — 701 с.
- 7 Проблема сознания в современной западной философии: Критика некоторых концепций / Ред. Т.А.Кузьмина. — М.: Наука, 1989. — 252 с.
- 8 Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. — М.: Политиздат, 1975. — 304 с.
- 9 Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6 т. — М.: Педагогика, 1982. — Т. 1. — 487 с.
- 10 Файнберг Л.А. Представление о времени в первобытном обществе // Советская этнография. — 1977. — № 1. — С. 128–136.
- 11 Ясперс К. Смысл и назначение истории. — 2-е изд. — М.: Республика, 1994. — 528 с.

- 12 Общество и природа. Исторические этапы и формы взаимодействия / Ред. Т.С.Хачатуров. — М.: Наука, 1981. — 344 с.
- 13 Селешников С.И. История календаря и хронология. — М.: Наука, 1970. — 223 с.
- 14 Молчанов Ю.Б. Четыре концепции времени в философии и физике. — М.: Наука, 1977. — 192 с.
- 15 Аристотель. Сочинения: В 4 т. — М.: Мысль, 1981. — Т. 3. — 614 с.
- 16 Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. — М.: Искусство, 1984. — 350 с.
- 17 Баткин Л.М. Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. — М.: Наука, 1989. — 272 с.
- 18 Кант И. Критика чистого разума. — СПб.: Тайм-Аут, 1993. — 477 с.
- 19 Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. — 2-е изд. — М.: Госполитиздат, 1969. — Т. 46. — Ч. II. — 618 с.

П.П.Солощенко

Әрекеттегі уақытты игеру: әлеуметтік-философиялық аспектілер

Мақалада адам қызметіндегі уақытты игеру үшін әлеуметтік шарттарды қалыптастыру мәселесі қарастырылады. Автор адамның уақыт жағынан өз қызметіне қатынасының қалыптасуындағы негізгі кезеңдерге әлеуметтік-философиялық талдау жүргізеді. Адамның қызмет пен уақытқа деген саналы қатынасы арасындағы байланыс анықталады. Қоғамдағы уақыттың жаңа мәдениетінің қалыптасу перспективалары анықталады. «Уақыт» философиялық түсінігінің жаңа идеяларына дәлелдер келтіреді. Әлеуметтік даму мен уақыттың негізгі фундаменталды байланысы негізделеді. Уақыттың факторы даму стратегиясының негізгі қызметін атқарады. Жеке және әлеуметтік уақытқа қоғамның назар аударғандығы үшін оның жауапкершілігін жоғарылату керек.

P.P.Soloschenko

Development time activities: socio-philosophical aspects

The article discusses the problem of forming social conditions for development time in human activities. The author conducts a socio-philosophical analysis of the main stages of the establishment of man's relation to time in its activities. It turns out the connection between the conscious relation of man to work and time. Determined by the prospects of forming a society of a new culture of time. Argued the new ideas of the philosophical understanding of time. Justified by the fundamental relationship of time and social development. The time factor is the basis of development strategy. Need to improve accountability in the society for the treatment of individual and social time.

ЖАС ҒАЛЫМДАР МІНБЕСІ ТРИБУНА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

УДК 902:39

Н.В.Максименко, В.В.Евдокимов

Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова

Дародачеобмен как одна из форм первобытного обмена

В статье анализируется дародачеобмен как одна из форм первобытного обмена, условия его появления, развития и функционирования. На основе этнографических данных известных этнографов Б. Малиновского, У.Станнера, П.Виснера, Д.Мулвани, К.Ли рассматриваются территориальные варианты дародачеобмена: хксаро у бушмен Доби, мербок у племен мулук мулук и маднгелла, кулла у племен Меланезии. Дается определение эквивалентности дара и отдара в первобытном обмене, представляющим собой систему коммуникативных связей внутри и между общинами.

Ключевые слова: дар, отдар, дародачеобмен, позднепервобытной общины, продукт, общины, вещь, поздне родовая община, человек, субъект.

Появление дародачеобмена на стадии позднепервобытной общины связано, прежде всего, с развитием престижной экономики. Дародачеобмен с момента своего возникновения представлял собой циркуляцию избыточного продукта между индивидами как внутри общины, так и за ее пределами. Однако на первых порах он не играл сколько-нибудь значительной роли в первобытной экономике. Роль дародачеобмена возрастает после перехода к распределению по труду, которое стало возможным после высвобождения части произведенного человеком продукта из системы уравнительного дележа.

Во избежание уравнительного дележа внутри общины человек передавал часть добытого им продукта в дар члену другой общины. При этом он не терял полностью предмет, передаваемый в дар представителю другой общины. Взамен своего дара он имел право на получение эквивалентного отдара, который очень часто мог быть идентичным дару. Главное отличие дародачеобмена от подлинно экономического обмена заключается в том, что при экономическом обмене меняются вещи различной потребительской ценности, а при дародачеобмене потребительская ценность может быть одинаковой.

В системе дародачеобмена человек как субъект обмена дарил одну реальную вещь и становился возможным собственником другой реальной вещи, сопоставимой по стоимости дару. Так как собственность постоянно циркулировала по каналам престижной экономики и в руках не оседала, то человек не был обязан делиться ею с членами общины. Когда человек получал отдар, он становился реальным собственником этой вещи и уже как член общины был обязан делиться. Но стоило человеку опять запустить вещь в круговорот дародачеобмена, она снова становилась недостижимой для членов его общины.

Чем больше человек вкладывал в круговорот дародачеобмена даров, тем больше становилась его возможная собственность. В поздне родовая общине человек еще не мог в открытой форме накапливать богатства, так как родовая структура с ее коммуналистическим строем препятствовала этому, а система дародачеобмена, хотя и в закрытой форме, позволила накапливать материальные блага отдельным членам общины. Для поддержания и сохранения своих накоплений человек должен был постоянно, получив отдар, снова его отдавать в качестве дара. Так был вынужден поступать человек не только с отдаром, но и с даром, полученным им от других партнеров дародачеобмена. Помимо изложенной выше причины, действовала еще одна. Получив дар от партнера по дародачеобмену, человек

брал на себя обязательство вернуть отдар эквивалентной стоимости, оказывался в долгу. Если человек оставлял этот дар у себя, то дар поступал в систему дележных отношений внутри общины и исчезал, но долг оставался.

Человек как субъект обменных отношений должен был постоянно беспокоиться о своей платежеспособности. Он как партнер по дародачеобмену желательно к моменту получения дара должен был иметь эквивалентный отдар. Поэтому, чтобы не оказаться в долгу перед партнерами, получив вещь в дар от одного партнера, передавал ее другому партнеру по дародачеобмену. Получив отдар от одного партнера, он, в свою очередь, передавал его в качестве отдара другому партнеру.

Получив в качестве дара или отдара вещь, партнеры также в свою очередь дарят её или отдаривают с её помощью ранее полученный дар. В результате могут получиться длинные цепочки, по которым идет поток даров или отдаров. А дает дар Б, последний дает дар В, который, в свою очередь, вручает его Г и т.д. В обратном направлении идут отдары. Г, получив отдар, передает его В, от В отдар идет к Б, от Б к А [1].

В начальной своей форме это явление обнаруживается у бушменов кунг области Добе [2; 16–17].

У бушменов Добе существовал обмен, который обозначается словом «хксаро». Хксаро, представляющий собой дародачеобмен, происходил и внутри общины. Общины у бушменов Добе были аморфными, с текучим составом. Поэтому провести грань между своими и чужими не так просто. Вчера человек был членом одной общины, сегодня — другой [1].

Обмен происходил и между людьми, которые либо всегда, либо часто принадлежали к одной группе: супруги, родители и дети, братья и сестра. Особенно часто партнёрами были супруги. Супруги были людьми в принципе чужими по отношению друг к другу. Собственно и дародачеобмен первоначально возник между половыми партнёрами и положил начало движению, которое привело, в конечном счете, к появлению индивидуального брака.

Супруги и близкие родственники, будучи формально равноправными партнёрами по хксаро, на деле чаще всего были лишь посредниками. Человек, например, не мог прямо передать дар свойственнику. Он делал это через супругу (супруга). Но, во всяком случае, люди из своей общины составляли сравнительно незначительное меньшинство среди партнёров по хксаро. Так, например, у бушменов Ксаи-Ксаи они составляли всего лишь 18 % общего числа. Остальные партнёры жили в других лагерях: 25 % — в радиусе 25 км, 25 % — в радиусе между 25 и 49 км, 24 % — между 50 и 100 км, 9 % жили на расстоянии свыше 100 км [3; 107]. Поэтому обмен чаще всего происходил во время визитов в чужие лагеря, а также в периоды, когда несколько групп собирались вместе.

При хксаро, как это вообще характерно для дародачеобмена, отдар происходил спустя некоторое время — от полугода до года. Для завязывания прочных отношений необходимо возвращение дара такой же ценности, при этом неадекватный отдар, без обещания дать дополнительный, влечёт за собой напряженность в отношениях [4; 67].

Партнёрство при хксаро носило постоянный, иногда даже наследственный характер. Человек систематически давал партнёру вещи. Это могло происходить раз в несколько месяцев, раз в год, раз в несколько лет. Вещь, поступившая в обмен, должна была двигаться по определённому пути. По этому же пути в обратном направлении двигались отдары. Человек, получив дар, должен был, продержав его некоторое время у себя, в свою очередь передать другому. Если он желал оставить вещи за собой на более или менее длительное время, то должен был заменить её другой вещью, чтобы не прервать поток даров. Переходя из рук в руки, вещи передвигались на большие расстояния. Так, например, за два года вещь могла пройти 200 км, при этом 5 раз переменяя хозяев. Далёкие пути хксаро могли включать и 20–30 человек. На вопрос о том, где кончался путь, источники чёткого ответа не дают. По-видимому, он кончался там, где индивид либо решал сохранить за собой дар, либо послать его в другом направлении [1].

При этом он посылал обратно по тропе, по которой получил дар, отдар. Как свидетельствуют материалы, из даров, проходивших по путям, получатели использовали лишь 25–40 %. Остальные только переходили из рук в руки.

Объектами обмена могли быть самые разнообразные вещи, но никогда пища. Наиболее часто по путям хксаро двигались ожерелья из бус, сделанных из скорлупы страусовых яиц, различного рода изделия из бус, стрелы, копья, ножи. Имеются данные, говорящие о том, что в прошлом в хксаро использовались только изделия из бус.

Вещи, которые использовались в хксаро, назывались кай, что означает богатство. Соответственно, каждый их обладатель именовался кайха, т.е. богачом. У некоторых наиболее активных участни-

ков обмена на внешней стороне их хижин висели сумки, наполненные вещами, использовавшимися в хксаро. Однако наличие кай в сумках не делало человека кайха — богачом. Богач не тот, кто хранит кай, а тот, который дарит вещи другим. Истинное богатство то, которое находится в дарообращении. Богатство человека измеряется частотой передач, а соответственно и числом партнёров.

Разные люди по-разному участвуют в хксаро. Одни более активны, другие менее. Человек мог иметь от 2 до 40 партнёров. Среднее число партнёров 16. Уже юноши могли иметь 10 партнёров. С возрастом число партнёров увеличивалось. Особенно активны были люди в возрасте 30–60 лет. Со старостью число партнёров снижалось [1].

Пока вещи находятся в сумках, каждый может попросить их для себя. По обычаям кунг в такой просьбе трудно отказать. Единственное основание для отказа — сообщить, что вещь уже обещана в дар. Таким образом, предметы, предназначенные для хксаро, выбывают из сферы дележа ещё до того, как они реально поступают в дарообращение. Люди тщательно следят за тем, чтобы вещь, предназначенная для хксаро, действительно поступила в обмен. Иначе говоря, вещи для хксаро всегда находятся в сумках лишь временно. Любая выставка богатств отдельных людей всегда быстро расточается: вещи идут либо в дар, либо в делёж.

Участие в хксаро приносит людям престиж. Чем больше он дарит, чем более он щедр, тем большим является к нему уважение. Если человек получает ценный дар, то это дает ему статус, ибо является показателем того, что другие его уважают. С другой стороны, люди всегда знают, когда кто-либо не выполняет своих обязательств по хксаро. Если дар не возвращен, то это порицается. Когда человек получил ответный дар, но не передал его дальше, возникает конфликт [1].

Участие в хксаро является мощным стимулом к труду. Чем больше человек имеет партнёров, тем больше он должен работать. Подсчитано, что каждый партнёр обходится человеку в среднем в 5 полных рабочих дней. Если бушмен имеет 16 партнёров, то 14 из них он даёт в дар каждый год. В результате для этого он должен потрудиться 70 полных дней в году. Если учесть, что каждый взрослый бушмен тратит в среднем для добывания пищи 2,4 дня в неделю, т.е. 124,8 в году, то эта цифра выглядит весьма внушительной [5; 51]. В этой связи нужно напомнить, что число 16 является средним. Самые активные индивиды могли иметь 40 партнёров, что заставляло работать их особо упорно.

Явление, в основных своих чертах сходное с описанным выше, наблюдалось у муллуков и маднгелла, живших в районе реки Дейли в Арнемленде (Австралия) [6; 15]. Существовавшая у них система дародачеобмена называлась мербок. Партнёрами по мербоку могли быть люди как в своей общине, так и в других. Обмен мог производиться между мужем и женой, родителями и детьми. Но всё же в основе своей мербок был системой межобщинного обмена. Объектами обмена становились самые разнообразные вещи, но только не пища. Некоторые предметы особо ценились из-за своей редкости — особенно те, что были сделаны из жемчужных раковин. Традиция связывала определённые вещи с определёнными направлениями движения. Существовали особые пути, связывавшие разные племена. Каждый человек находился между двумя партнёрами.

Главный принцип мербока состоял в том, чтобы, получив предмет от одного партнёра, продержат его у себя в течение определённого времени, например, года, а затем передать его другому. Но если абориген чрезмерно затягивал передачу вещи, то это вызывало публичное нареkanie со стороны партнёра, которое доводилось до сведения первого в форме слухов и сплетен. И дело не ограничивалось слухами. Человека могли ждать серьезные неприятности.

Вполне понятно, что вещь, которую человек получал в дар от одного партнёра и которая предназначалась в дар другому партнёру, выпадала из дележа, т.е. становилась отдельной собственностью человека.

Партнёрства носили постоянный характер. Индивид стремился обзавестись партнёрами на всю жизнь. Каждый партнёр обязан был время от времени давать другому дар. Получение дара делало человека должником. Он должен был в будущем вернуть дар, равный, а ещё лучше больший по ценности, чем полученный им. Дары во время движения могли уменьшаться за счёт «доения». Например, туземец, получив кусок охры, мог отколоть часть. Человек мог, получив дар, полностью сохранить его за собой. Но в таком случае он оказывался в сложном положении. Он имел партнёра, которому был обязан отдаром, но у него не было партнёра, который был бы ему обязан отдаром. Он должен был заместить полученный и присвоенный дар. Неспособность выполнить обязательства вела к конфликтам. Человек оказывался в униженном положении. Поэтому обычной была практика использования дара, полученного от одного партнёра, для выполнения обязательств перед другим партнёром.

Наиболее удобная ситуация создавалась, когда человек, получив дар от одного партнера, сразу же давал ему отдар. Если он ещё перед этим дал дар другому, то его положение было завидным. Он не имел обязательств перед партнерами, в то время как его партнёры были должны ему. У человека скапливался запас ценностей, который он мог использовать по своему желанию. И использовал он его опять-таки для мербока. Человек мог иметь не одну пару партнёров, а несколько. Чем активнее он участвовал в мербоке, тем больше был его престиж.

У аборигенов не было обыкновения копить вещи. Они извлекали престиж и удовлетворение из преходящего обладания предметами, движущимися по путям мербока. Ценность вещей состояла не в том, чтобы ими можно было владеть, а в том, что их можно использовать для выполнения различного рода обязательств, в частности, проистекающих из мербока. Нет ничего более бесполезного в туземной экономике, чем накопление вещей, которых некому было посылать.

Вполне понятно, что необходимость выполнения обязательств, в частности тех, что связаны с мербоком, заставляли человека трудиться более упорно.

У.Станнер, подробно описав мербок, указывает на его сходство с церемониальным обменом кула, существовавшим в одном из районов Меланезии [7; 156]. Кула была детально рассмотрена в работах Б.Малиновского и последующих исследователей.

В куле реально произошло логически напрашивающееся смыкание первого и последнего звеньев обмена, подобного хксаро и мербоку. В результате возникло кольцо. Кольцо кулы со всеми разветвлениями охватывало острова восточной оконечности Новой Гвинеи, о. Норманби, о. Добу, о. Санароа, о. Фергюссон, о. Товара, о-ва Амфлетт, о-ва Тробриан, о-ва Маршалл-Беннетт, о. Муруа (Вудларк), о-ва Лафлон, о. Токона, о. Янаба и о. Иегума, о. Мисима и о. Панаэти, о. Вару, о. Тубегубе [1].

По этому кольцу движутся предметы, которые туземцы называют соулава и мвали. Соулава — ожерелья из особого вида раковин, мвали — браслеты из раковин другого рода. Обе эти формы вещей в принципе представляют собой украшения, но вряд ли когда-либо используются для этой цели. Главное их предназначение — участие в обмене. Ожерелья движутся по часовой стрелке, браслеты — в противоположном направлении.

Кольцо состоит из единиц, которые Б.Малиновский назвал общинами кулы. Каждая община представляет собой деревню или группу деревень, которые организуют заморские путешествия. Кула состоит, во-первых, из передач, которые происходят постоянно внутри общин кулы, во-вторых, больших заморских экспедиций, в результате которых большое количество ценностей перемещается между общинами, отделёнными друг от друга морем. Однако не следует думать, что во время заморских экспедиций сторонами обмена являются общины кулы. Обмен всегда происходит между отдельными людьми, которые являются постоянными партнёрами. Каждый человек, участвующий в куле, всегда имеет дело, по меньшей мере, с двумя партнёрами. Получая от одного из них в качестве дара, скажем, ожерелье, он, продержав его у себя определённое время, передаёт другому. Получив от последнего в качестве отдара браслет, он, продержав его у себя, передаёт первому. И так поступает каждый участник кулы. В результате ни ожерелья, ни браслеты никогда не задерживаются надолго в чьих-либо руках. Они постоянно движутся по кругу навстречу друг другу. Человек может иметь не одну пару партнёров, а несколько. И чем больше у него партнёров, тем выше престиж [1].

Партнёры по куле передают друг другу не только мвали и соулава. Они обмениваются и другими вещами. Частично — это чистый дародачеобмен. Когда экспедиция достигала места назначения, каждый гость направлялся в дом своего партнёра и вручал ему небольшой подарок. Хозяин дарил ему пищу, а перед отплытием давал ответный подарок. Но партнёры могли давать друг другу и такие вещи, в которых получающий испытывал нужду. Здесь, по существу, мы имеем дело с товарообменом, но таким, который вёлся в оболочке дародачеобмена. Его можно было бы назвать дароторговлей. Дароторговля всегда ведётся между только определёнными людьми, которых в этнографической литературе принято именовать торговыми партнёрами. Партнёры по куле были одновременно и торговыми партнёрами.

Если между партнёрами по куле любые передачи происходили только в форме дародачеобмена, то с остальными членами данной общины кулы гость вёл чистый товарообмен [8; 105].

Но это, по-видимому, позднее явление. Туземцы о. Вогео, которые находились на более ранней стадии развития, вели товарообмен с соседями только в форме дародачеобмена и исключительно лишь через торговых партнёров [9; 398–399].

С кулой было тесно связано много различного рода явлений. Кула, взятая сама по себе, представляет интерес, прежде всего тем, что в ней доведён до крайнего предела основной принцип дародачеобмена: важно не то, что именно обменивается, а обмен сам по себе взятый.

Этот важный принцип проявляется, правда, нередко в менее заметной форме во всех системах дародачеобмена.

Дародачеобмен существовал не только в Арнемленде, но по всей Австралии. И отдельные районы Австралии, и весь континент в целом пересекали пути, по которым двигались, переходя из рук в руки, самые различные вещи [10; 80]. Подвески из раковин перемещались от одного конца материка к другому. Бумеранги попадали в места, отстоявшие на 1200 км от места их изготовления [11; 134].

Вещи обменивались на буквально такие же. Например, бумеранги обменивались на бумеранги, копья — на копья. Люди не ценили вещи, которые делали сами, с готовностью меняли их на такие же, но изготовленные иными людьми. Полученные в обмен вещи были лучше отданных в дар только потому, что были сделаны в другой местности. Особо ценились вещи, сделанные прославленными умельцами. Их стремились всеми силами получить, хотя вполне могли изготовить и сами. И вообще люди определённого племени чаще всего не изготавливали, хотя вполне могли изготовить, вещи, которые могли получить путём дародачеобмена. Сэкономленное время использовалось на производство вещей, идущих на «экспорт».

Результатом было своеобразное разделение труда между племенами, которое не было связано с различием природных ресурсов и имело чисто социальное происхождение. Существовала традиция изготавливать одни вещи в одних местах, другие в других. Важно отметить также, что вещи, полученные в обмен, нередко вообще не использовались. И, тем не менее, их постоянно стремились получить. Ценность их состояла не в их потребительной стоимости, а в том, что они были получены в дар. Человек чувствовал большое удовлетворение, когда посылал и получал дары. Великая гордость человека состояла в том, чтобы выставить на всеобщий показ предметы, полученные в дар [12; 432].

Чтобы совершить обмен, люди навещали другие группы. Обмен совершался во время межобщинных сборищ, которые устраивались по разным поводам. В некоторых районах отмечено существование особого рода мест, где люди собирались специально для обмена [11; 136].

Обмен между общинами возник в форме дародачеобмена. Первоначально был важен сам акт обмена, а не обмениваемые вещи. Вещи, переходя из рук в руки, преодолевали большие расстояния. В результате к людям, живущим в определённой местности, могли попадать предметы, которые в ней не изготавливались. Как следствие, обмен мог приобрести и утилитарный характер. Люди начали вести обмен и ради получения определённых предметов, которые сами не изготавливали и не были способны изготовить. Так, в рамках дародачеобмена начал возникать товарообмен. Он долгое время происходил в форме дародачеобмена и по каналам дародачеобмена. В дальнейшем товарообмен мог выделиться и приобрести самостоятельный характер. Возможно, что это имело место и у австралийцев. Во всяком случае, товарообмен, наряду с дародачеобменом, существовал у бушменов Добе [5; 54]. Но все же, хотя у австралийцев кое-где уже существовало и такое межплеменное разделение труда, которое было связано с различием ресурсов — природных и трудовых, т.е. невозможностью или неспособностью изготавливать те или иные предметы, в целом у них преобладал дародачеобмен.

Список литературы

- 1 Семенов Ю.И. Экономическая этнология // www.istmat.ru (время обращения 11.10.2010).
- 2 Lee R.B. *The Kung San. Men, Women and Work in a foraging. Society.* — Cambridge: Cambridge University Press, 1979. — 194 p.
- 3 Wiessner P. *Kung San Network in Generational Perspective // The Past and Future Kung Ethnography. Critical Reflections and Symbolic Perspectives. Essays in Honor of Lorna Marshall.* — Hamburg: Buske, 1986. — P. 102–112.
- 4 Wiessner P. *Risk, Reciprocity and Social Influence in Kung San Economics // History and Politics in Band Societies.* — Cambridge: Cambridge University Press, 1986. — P. 61–74.
- 5 Lee K.B. *The Dobe Kung.* — N.Y.: Columbia University Press, 1984. — 178 p.
- 6 Stanner W.E. H. *The Daly River Tribes. A Report of Field Work in North. Australia // Oceania.* — Sydney: Sydney University Press, 1933. — Vol. 4. — № 1. — P. 12–28.
- 7 Stanner W.E. H. *Ceremonial Economics of the Mulluk Mulluk and Madngella Tribes of the Daly River // Oceania.* — Sydney: Sydney University Press, 1933. — Vol. 4. — № 2. — P. 154–172.
- 8 Malinowski B. *Primitive Economics of Trobriand Islanders // The Economic Journal.* — L.: Blackwell Publishers Ltd, 1921. — V. 31. — № 121. — P. 99–135.

9 *Hogbin H.I.* Trading Expeditions in Northern New Guinea // Oceania. — Sydney: Sydney University Press, 1935. — Vol. 5. — № 4. — P. 391–405.

10 *Mulvaney D.J.* The Chain of Connection. The Material Evidence // Tribes and Boundaries in Australia. — Canberra: AIAS, 1976. — P. 72–94.

11 *Sahilns M.D.* Tribesmen. — N.J.: Prentice-Hall, 1968. — 210 p.

12 *Mccarthy F.D.* Trade in Aboriginal Australia and Trade Relationship with Torres Strait, New Guinea and Malaya // Oceania. — Sydney: Sydney University Press, 1939. — Vol. 9. — № 4. — P. 416–452.

Н.В.Максименко, В.В.Евдокимов

Сый беру және айырбас жасау алғашқы қауымдық айырбастың формаларының бірі ретінде

Макалада дародачеобмен алғашқы қауымдық айырбастың формаларының бірі ретінде қарастырылып, оның көрініс табуының, дамуының және жүзеге асуының шарттары сарапталды. Белгілі этнографтар Б.Малиновскийдің, У.Станнердің, П.Висснердің, Д.Мулванидің, К.Лидің этнографиялық мәліметтерінің негізінде дародачеобменнің келесідей аумақтық нұсқалары қарастырылды: Доби бушмендеріндегі хксаро, мулук мулук және маднгелла тайпаларындағы мербок, Меланезия тайпаларындағы кулла. Қауымдар ішіндегі және арасындағы коммуникативті байланыстардың жүйесін білдіретін алғашқы қауымдық айырбастағы сыйға беру мен қайта сыйға берудің эквиваленттілігіне анықтама беріледі.

N.V.Maksimenko, V.V.Evdokimov

Darodacheobmen as a form of exchange Primeval

Article has an analyzing of the goods exchange as a form of primitive exchange, the conditions for its emergence, development and functioning. It's based on ethnographic data's written by known ethnographers, such as B.Malinowski, U.Stunner, P.Wiessner, D.Mulvani, K.Lee. Also there are considered the territorial specifics of the goods exchange: hksaro of the Bushman Dobie, merbok of the Muluk Muluk tribes, and madngella, Kulla of Melanesia tribes. It's has the clear definition of the equivalence between the gift and rebound during the primitive exchange process, which is the system of communication links within and into the primitive communities.

А.Д.Утебаева, З.Г.Сактаганова

Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова

Градостроительство города Караганды в 1930–1950 гг.

В статье рассматривается развитие Карагандинского угольного бассейна, строительство его населенных пунктов в 1930–1950 г. Основными документами, регулировавшими развитие населенных пунктов Карагандинского бассейна, на тот момент, являлись генеральные планы и схемы планировки городов и поселков. Культура строительства стояла на крайне низком уровне. Недостаточна насыщенность строек механизмами, а имеющиеся механизмы использовались совершенно неудовлетворительно. На стройках Караганды еще не нашли широкого распространения поточно-скоростные методы строительства, эффективные строительные материалы, крупноблочное и крупнопанельное строительство, заводское изготовление строительных деталей.

Ключевые слова: Караганды, градостроительства, строительство, жилое строительство, поселки, шахты, пришахтные поселки, жилое строительство, многоэтажные жилые дома, поэтажные здания.

С начала развития Карагандинского угольного бассейна строительство его населенных пунктов осуществлялось с серьезными недостатками и в отдельных случаях с нарушениями основных норм и правил градостроительства.

В период освоения бассейна (1931–1936 гг.) вокруг шахт стихийно выросли поселки из глинобитных, дерновых, панамных, каркасно-засыпных жилых домов и землянок с хаотической планировочной структурой, без элементарного благоустройства и инженерного оборудования. Развиваясь, эти поселки сливались в бесформенные пятна. Составление генерального плана Караганды было начато в конце 1930 г., однако до 1936 г., пока не вырисовывались контуры генплана, продолжали расти и развиваться поселки.

Строительство областного центра — Нового Города — было начато в 1934 г., однако в связи с недостаточно развитой строительной базой и тем, что к началу его развития не была построена трамвайная линия, связывающая город с шахтами, строительство Нового Города осуществлялось крайне медленно. Продолжали развиваться пришахтные поселки с тем же малоценным и неблагоустроенным жилым фондом.

В период Великой Отечественной войны строительство Нового Города было фактически законсервировано и жилое строительство осуществлялось на тех же пришахтных поселках.

После войны жилое строительство велось в основном поэтажными зданиями, первый после войны многоэтажный жилой дом был построен лишь в 1950 г. [1].

Районы малоэтажной и индивидуальной застройки Нового Города оказались полностью застроенными к 1946–1947 гг. Вопрос с транспортными связями не был решен и для размещения ново строящегося малоэтажного жилья были отведены новые территории под поселки — шахты № 6 — Новая, 47, 60, углеразрезы, Дальний Парк и другие.

Во вновь начатом строительстве после войны в других городах бассейна: Сарань, Майкудук, Чурубай-Нура жилищное строительство также осуществлялось в основном малоэтажными зданиями.

Начиная с 1947 г. во вновь строящемся жилым фонде г. Караганды преобладали сборные деревянные дома. Этот вид строительства в первые послевоенные годы решал задачу увеличения жилого фонда бассейна для переселения трудящихся из землянок и обеспечения жилой площадью интенсивно растущего населения угольного бассейна.

Высокая стоимость сборных домов, необходимость их штукатурки из-за продуваемости и низких температур зимой, недолговечность по эксплуатационным качествам, отсутствие элементарных удобств и большая стоимость благоустройства поселков из таких зданий должны были ограничить масштабы применения этого вида жилищного строительства, однако «увлечение» им продолжалось.

В капитальном, малоэтажном жилищном строительстве в подавляющем количестве (до 70 %) строились одноэтажные дома. Преобладание малоэтажного строительства привело к отклонениям от системы строительного зонирования, определенной генеральными проектами планировки городов

бассейна. Это положение было совершенно очевидно при сопоставлении фактических данных застройки городов с данными по строительному зонированию, принятыми в генеральных планах (табл.).

Т а б л и ц а

Практика жилищного строительства

Населенные пункты	Многоэтажные		2-этажные		1-этажные		Существ. расселение %
	% по ген. плану	% факт	% по ген. плану	% факт	% по ген. плану	% факт	
Караганда	40	10,0	30	15,0	30	75,0	12,3
Н. Город	25	-	40	12,0	35	88,0	3,4
г. Сарань	30	1,0	40	17,0	30	82,0	2,9
Майкудук	40	-	30	8,0	30	92,0	2,8
Чурубай-Нура	-	-	15	5,0	85	95,0	78,6

Примечание. Таблица составлена на основе данных ГАКО. — Ф. 15. — Оп. 1. — Д. 180. — Л. 63.

Из приведенной таблицы также очевидно, что существовавшая практика жилищного строительства привела к тому, что в крупных населенных пунктах, городах бассейна проживало всего 21,4 % населения, в Новом Городе — областном центре — всего 12,3 %, а в поселках — 78,6 % населения [2].

Такое положение не могло быть признано нормальным и являлось следствием определенной тенденции, проводимой Министерством угольной промышленности СССР и его предприятиями в строительстве города.

Тенденция эта заключалась в стремлении, вопреки основным условиям и требованиям градостроительства, расселять трудящихся по мелким пришахтным поселкам, в пределах пешеходной доступности (2/3 шахт), что имело единственное положительное качество — гарантированность доставки рабочей силы к шахтам. Однако подобная децентрализация жилищного строительства имела также ряд существенных недостатков, которые делали ее совершенно неприемлемой в градостроительстве.

Поселки при шахтах могли строиться на «углевоенных» территориях, подлежащих подработке в ближайшие годы после ввода в эксплуатацию шахты. Следовательно, необходимо было либо строить их из неохраемых зданий — малоэтажных, облегченных, либо оставлять целики и строить на них многоэтажные дома.

В первом случае население не имело бы полноценного жилья, так как облегченные здания были без необходимых удобств.

Подработка вывела из строя большую часть домов, как это имело место в пришахтных поселках, где ежегодно от подработки выбывало 15–20 тысяч квадратных метров жилой площади, вследствие чего здания были разрушены до окончания их амортизационного срока. Стоимость жилищного строительства была чрезвычайно завышенной. По фактическим сметным данным стоимость квадратного метра жилой площади в 3-этажных жилых домах составляла 1249 рублей, в двухэтажных — 1336 рублей, в одноэтажных капитальных — 2162–2075 рублей и в сборных деревянных домах — 2089–2976 рублей [3].

Отсюда очевидно, что стоимость строительства облегченного, упрощенного жилья значительно превышала стоимость капитального многоэтажного, не учитывая еще того, что вследствие подработки даже облегченные здания не просуществовали до окончания их амортизационного срока.

Во втором случае понадобилось бы оставление целиков с консервацией в них десятков миллионов тонн промышленного угля. Это не могло быть оправдано никакими соображениями.

При наличии большого числа мелких пришахтных поселков неизбежно было распыление и размельчение объектов культурно-бытового назначения, что, в свою очередь, вызвало значительное удорожание и этого вида строительства. Так, например: 1) по исполнительным сметам 1 куб.м. здания школы на 440 мест стоил дороже 1 куб.м. школы на 960 мест на 20 рублей; 2) 1 куб.м. поликлиники на 100 посещений в смену стоил дороже 1 куб.м. поликлиники на 250 посещений в смену на 65 рублей; 3) строительство детского сада на 50 мест сравнительно с детским садом на 100 мест дало удорожание в 26 рублей на 1 куб. метр. Стоимость строительства 1 куб. метра бани на 24 места дороже,

чем бани на 95 мест на 65 рублей; стоимость строительства 1 куб. метра магазина на 6 рабочих мест дороже, чем магазина на 10 рабочих мест на 48 рублей [4]. Кроме того, в условиях подработки здания культурно-бытового назначения также должны были строиться облегченными, а следовательно, неполноценными по своим качествам с амортизацией раньше срока.

Строительство мелких пришахтных поселков малоэтажным жилым фондом приводило к чрезмерному расширению селитебных территорий и удлинению коммуникаций инженерного оборудования и благоустройства. Эти обстоятельства, в свою очередь, являлись факторами, значительно удорожающими строительство.

Кроме того, по условиям рельефа, почвенным и санитарно-гигиеническим не при каждом поселке могли оказаться возможными сброс сточных вод и строительство очистных сооружений канализации.

При наличии большого числа мелких пришахтных поселков крайне дорого было строительство защитных зеленых зон вокруг них, невозможна организация крупных зеленых массивов, строительство водоемов. При строительстве мелких пришахтных поселков на 2000–3000 человек населения невозможно было в каждом из них разместить специализированные больницы, клиники, полные средние школы, высшие учебные заведения, рынки, универмаги и крупные специализированные магазины, клубы, театры, кинотеатры, дома пионеров, стадионы и тому подобные учреждения культурно-бытового обслуживания.

В каждом из таких поселков не могли быть размещены районные, городские и областные советские, партийные, общественные и хозяйственные организации, органы суда, прокуратуры, милиции, военкоматы, т.е. те учреждения и организации, в которые повседневно должны были обращаться трудящиеся.

Естественно, что крупные учреждения культурно-бытового обслуживания, районные и городские организации были сосредоточены в одном или нескольких больших населенных пунктах, с которыми должны быть обеспечены транспортные связи.

При расселении в пришахтных поселках загрузка транспорта и объем его строительства были значительно большими, чем при более централизованном расселении.

При строительстве городов должны были быть обеспечены лишь внешние трудовые поездки, в которых нуждались только градообразующие кадры угольной промышленности, составлявшие не более 22–25 % населения, и притом только 2 раза в сутки, в то время как население, в том числе и сами рабочие пришахтных поселков, нуждались в значительно большем количестве бытовых поездок, так как сети бытового обслуживания поселков не могли удовлетворить их потребностей [5].

На удовлетворение повседневных нужд всем жителям поселков приходилось затрачивать значительно больше времени, средств и энергии, нежели только шахтерам, жившим в городах, 2 раза в сутки ездившим на шахту и обратно.

Основными документами, регулировавшими развитие населенных пунктов Карагандинского бассейна, на тот момент являлись генеральные планы и схемы планировки городов и поселков, а также, в связи с отсутствием проекта районной планировки, проект комплексного развития бассейна, составленный в 1948–1950 гг. Институтом «Карагандагипрошахт».

Специфические условия строительства районов Караганды:

а) рассредоточение промышленных предприятий на значительной территории — до 100 километров в широтном направлении и 30–40 километров в меридиальном;

б) наличие под большей частью территории бассейна залежей полезных ископаемых — угля, глины и т.д., значительное количество участков неблагоприятных для строительства населенных пунктов, высокое стояние грунтовых вод, заболоченность, затапливаемость весенними паводками, солонцовые почвы, выходы скальных пород и т.д.;

в) резко континентальный климат, сильные ветры, пылевые бураны летом и снежные зимой, большая амплитуда колебаний температур — от +40° летом до -40° зимой;

г) наличие в бассейне единой строительной организации (комбинат «Карагандашахтстрой»), располагающей мощной базой промышленности строительных материалов, расположенной в 2–3 точках.

Эти условия предопределяли принятый в проекте комплексного развития бассейна следующий принцип, заложенный в систему расселения трудящихся: населенные пункты размещались, по возможности, на безугольных территориях с наиболее благоприятными санитарно-гигиеническими и естественными условиями, при возможно-максимальном приближении к шахтам и другим предприятиям угольной промышленности. Размеры населенных пунктов должны были быть достаточно ве-

лики для обеспечения рентабельности и целесообразности осуществления высокого уровня благоустройства и инженерного оборудования, а также организации широко развитой сети культурно-бытового обслуживания населения.

Исходя из этого принципа комплексным проектом развития бассейна предусматривалась организация системы населенных пунктов из 5 городов и 7 поселков. Расстояние этих населенных пунктов от промышленных предприятий — от 1,5 до 6–7 километров. Расчетный срок развития принимался от 15 до 18 лет.

Строились обеспеченные генеральными планами и схемами планировки: Караганда, Новый Город, Майкудук, Сарань и Чурубай-Нура, поселки Актас, Ридолинский и ряд более мелких поселков, поселки при шахтах № 6-Новая, 47, 60, углеразрез, Дальнего Парка и другие. Поселки так называемого Старого Города не имели планировочной документации, а строительство остальных населенных пунктов бассейна еще не было начато.

Преимущества принятой системы расселения перед децентрализованным пришахтным строительством были совершенно очевидны:

а) размеры и ограниченное количество населенных пунктов обеспечивали их размещение и сохранность зданий на безугольных территориях либо на территориях с глубоким залеганием угольных пластов (Новый Город);

б) возможность строительства многоэтажных жилых домов и крупных общественных зданий со всеми видами оборудования и благоустройства, что обеспечивало население полноценной жилой площадью со всеми необходимыми удобствами и уменьшало стоимость строительства по сравнению с малоэтажной застройкой пришахтных поселков;

в) возможность централизации отопления, горячего водоснабжения путем организации районных котельных, газификации и т.п.;

г) в крупных населенных пунктах размещение общественных организаций, специализированных учреждений сети бытового обслуживания, а также строительство крупных зданий школ, больниц, детских садов, яслей и т.п., что, в свою очередь, обеспечило значительное сокращение стоимости строительства по сравнению с мелкими зданиями культурно-бытового назначения в пришахтных поселках;

д) строительство ограниченного числа населенных пунктов с большим удельным весом многоэтажной застройки значительно сократило селитебные территории, протяженность коммуникаций благоустройства и инженерного оборудования, что обуславливало снижение стоимости по сравнению с пришахтными поселками. Кроме того, в крупных населенных пунктах был рентабелен высокий уровень благоустройства, а следовательно, и бытовых условий населения, что невозможно было осуществить в пришахтных поселках;

е) в крупных населенных пунктах мероприятия по смягчению микроклимата осуществлялись путем строительства мощных полос, пыле- и снегозадерживающих систем зеленых насаждений вокруг них, организации крупных внутригородских зеленых массивов, которые служили также и местами отдыха населения, водоемов и т.д.;

ж) строительство крупных жилых и общественных зданий обеспечивало возможность применения современной техники, эффективных строительных материалов. Концентрация строительства делала целесообразным применение поточно-скоростного метода, высокого уровня механизации и индустриализации строительства;

з) высокий уровень бытовых условий, возможный только в крупных населенных пунктах, являлся одним из основных факторов закрепления кадров на производстве и роста производительности труда;

и) населенные пункты, зародившиеся в советское время, должны были иметь архитектурно-художественный образ, присущий социалистическим городам со значительными произведениями архитектуры.

Основным условием для правильного, нормального развития градостроительства в бассейне являлось радикальное решение проблемы транспортных связей населенных пунктов с местами приложения труда. Долгое время эта проблема не была решена, и неудовлетворительность транспортных связей в сложных климатических условиях Караганды служила почвой для тенденции пришахтного строительства и даже для попыток обосновать причины отставания строительства шахт отдаленностью рабочих от стройплощадок.

Из приведенного выше сравнения поселкового и городского строительства совершенно очевидно, что при расселении в крупных населенных пунктах строительство и эксплуатация механического транспорта внутри бассейна были рентабельнее, чем при поселковом строительстве.

Мощность строительной базы и промышленности строительных материалов в Карагандинском бассейне была недостаточна для обеспечения необходимых темпов и масштабов строительства. Ежегодно не выполнялись планы жилищного и культурно-бытового строительства; как правило, срывалось строительство капитального жилья, что частично восполнялось сборными деревянными домами. Строительство, осуществляемое хозяйственным способом предприятиями комбината «Карагандауголь», низколимитное; недопустимо затягивалось из-за недостаточной мощности строительных организаций трестов. Так, больница на 110 коек в поселке Новая Тихоновка, детская больница в Новом Городе строились с 1949 г.

Культура строительства стояла на крайне низком уровне. Была недостаточна насыщенность строек механизмами, а имеющиеся механизмы использовались совершенно неудовлетворительно. На стройках Караганды еще не нашли широкого распространения поточно-скоростные методы строительства, эффективные строительные материалы, крупноблочное и крупнопанельное строительство, заводское изготовление строительных деталей.

Таким образом, можно сделать определенные выводы.

1. Практика градостроительства в Карагандинском бассейне, в основе которой лежали тенденции предприятий угольной промышленности к пришахтному жилищному строительству, имела серьезные недостатки.

2. В жилищном строительстве преобладали малоэтажные, в основном одноэтажные и сборные деревянные дома, что обуславливало интенсивное развитие поселков и замедление роста городов, а также значительное, выражающееся ежегодно десятками миллионов рублей удорожание строительства.

3. В городах застраивались периферийные районы, отведенные по системе строительного зонирования для малоэтажной застройки; центральные части городов, где предусматривалось капитальное многоэтажное строительство, застраивались крайне медленно.

4. Нормальное развитие бассейна не могло быть обеспечено путем децентрализованного расселения на мелких пришахтных поселках. Необходима была частичная, комбинированная централизация расселения в системе достаточно крупных населенных пунктов для обеспечения рентабельности высокого уровня благоустройства и инженерного оборудования и, возможно, приближенная к местам приложения труда.

5. Строительство городов с плотной застройкой многоэтажными зданиями и крупных поселков имело ряд неоспоримых преимуществ перед мелкими пришахтными поселками, как по экономическим показателям, так и по обеспечению населения культурно-бытовым обслуживанием и созданию надлежащих санитарно-гигиенических условий.

6. Проблема транспортных связей населенных пунктов с местами приложения труда долгое время была не разрешена, что не способствовало пришахтному поселковому строительству и лимитировало развитие крупных населенных пунктов.

7. Строительная база и промышленность строительных материалов были недостаточно развиты, не обеспечивали необходимых масштабов и темпов строительства.

Список литературы

- 1 ГАКО. — Ф. 15. — Оп. 1. — Д. 239. — Л. 8.
- 2 ГАКО. — Ф. 15. — Оп. 1. — Д. 180. — Л. 63.
- 3 ГАКО. — Ф. 18. — Оп. 1. — Д. 564. — Л. 44.
- 4 ГАКО. — Ф. 18. — Оп. 1. — Д. 705. — Л. 122.
- 5 ГАКО. — Ф. 18. — Оп. 1. — Д. 782. — Л. 88.

А.Д.Утебаева, З.Г.Сактаганова

1930–1950 жж. Қарағанды қаласының қала құрылысы

Мақалада Қарағанды көмір бассейнінің дамуы, ондағы 1930–1950 жж. елді мекендердің салынуы қарастырылады. Қарағанды бассейніндегі елді мекендердің дамуын сол кезде реттеп отырған негізгі құжат — бас жоспарлар мен қалалар мен поселкілердің жоспарлану кестелері болып табылды. Құрылыс мәдениеті ең төменгі деңгейде болды. Құрылыстардың механизмдермен қамтамасыздануы жеткіліксіз, ал қолда болған механизмдер толыққанды қолданылмады. Қарағанды қаласының құрылыстарында тиімді құрылыс материалдары, ірі блоктық және ірі панелді құрылыс, құрылыс детальдарын зауыттық дайындау, қарқынды-жедел құрылыс тәсілдері кең көлемде және қарқынды жүргізілмеді.

A.D.Utebayev, Z.G.Saktaganova

Urban planning Karaganda city in 1930–1950 hs.

In article considered the development of the Karaganda coal basin, building of its settlements in 1930–1950. Basic documents were regulating development of settlements of the Karaganda coal pool, at that point in time, general layouts and schemes of a lay-out of cities and settlements. The culture of building stood at the lowest level. The saturation of buildings by mechanisms is insufficient, and available mechanisms were used absolutely unsatisfactorily. On buildings of Karaganda city yet don't send a wide circulation precisely-speed methods of building, effective building materials, big block and large-panel building, factory manufacturing of building details.

УДК 902 (574.3)

Б.Б.Сейсенов, В.В.Варфоломеев

*Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова***Проблема выделения археологических микрорайонов в Сарыарке**

Рассматривается проблема выделения археологических микрорайонов Центрального Казахстана (Сарыарка). Анализируются особенности экологических ниш, как факторов формирования археологических микрорайонов. Представлены археологические памятники нескольких регионов Центрального Казахстана и обосновывается возможность выделения их в отдельные археологические микрорайоны: Тегисжольский, Талдысайский, Айбас-Дарасинский, Кентский, Бегазинский и Атасуский. Прогнозируется перспектива приоритетного поиска археологических памятников в отдельных природно-экологических рекреациях.

Ключевые слова: Центрального Казахстана, Сарыарка, археологические микрорайоны, аккумуляции памятников, экологическая ниша, микрорайоны, пространственно-временные параметры, технико-типологические параметры, неолит, энеолита, бронзовый и ранней железный века, средневековья.

В последние годы российскими учеными интенсивно разрабатывается проблема археологических микрорайонов [1–5]. Для Центрального Казахстана, несмотря на высокую плотность археологических памятников на единицу площади, тема археологических микрорайонов пока не актуализирована. В настоящей статье делается попытка поставить проблему выделения археологических микрорайонов в Сарыарке с учетом природных особенностей экологических ниш, обосновывается выделение ряда археологических микрорайонов.

Термин «археологический микрорайон» (далее — АМР) достаточно широко и давно используется в археологической науке. Актуальность исследования и выделения АМР в Центральном Казахстане следует из того, что многие археологические памятники в регионе сконцентрированы в своеобразные территориальные группы. Археологические исследования на территории Центрального Казах-

стана позволяют нам говорить о большом количестве скоплений археологических памятников на определенных территориях исследуемого региона, находящихся в особых природных условиях.

Причины такой аккумуляции памятников требуют рационального объяснения.

Общепринятого определения такой категории, как АМР окончательно пока не выработано, хотя некоторые попытки в этом направлении были предприняты. По мнению В.И.Матющенко [1; 29–43], одним из вариантов определения АМР может быть следующее: археологический микрорайон — есть комплекс одновременных или разновременных археологических памятников (от нескольких до десятков и сотен), находящихся на ограниченной территории, образующих достаточно устойчивую в природно-экономическом отношении систему природных (экологических, в самом широком смысле этого понятия), социальных, духовных и производных от их взаимодействия факторов, находящихся в сбалансированном состоянии. Он полагал, что АМР занимает определенное место в экологической нише; причем ниша оказывает на сообщество людей очень сильное воздействие, придавая ему соответствующий колорит.

АМР представляет объективно сложившуюся общность людей на том или ином этапе истории. Эта общность отражает историю части более широкой пространственной общности людей, а культурно-хронологические комплексы АМР можно рассматривать как последовательные этапы истории одной или нескольких общностей [2; 23–24].

Экологическая ниша — объективно сложившийся комплекс природных условий: геоморфологических, климатических, гидрологических и т.д., которые в сочетании придают этому комплексу своеобразие и отличают от других, в первую очередь соседних, подобных комплексов [2; 23–24].

Экологическая ниша в нашем случае используется в узком смысле этого слова. Это понятие сопоставимо с понятием территории АМР, а коллектив, расселенный в пределах АМР (экологической ниши), является частью популяции человека, и сам представляет собой популяцию в узком понимании этого слова. Комплекс условий, формирующих экологическую нишу, стабилен, в той мере, в какой стабильна природно-географическая обстановка региона, потому как общие изменения ее непременно сказываются на всех составляющих нишу компонентах. И здесь следует рассматривать антропогенный фактор как один из компонентов, образующих нишу, занятую сообществом людей. На этапе потребляющей экономики антропогенный фактор, так же как и другие факторы, находится в сбалансированном состоянии с другими. В условиях же внедрения и развития производящей экономики такое сбалансированное соотношение компонентов, составляющих экологическую нишу, может быть нарушено активным вмешательством человека в природную среду [2; 23–24].

В.И. Матющенко [1; 29–43] дано следующее определение АМР: археологический микрорайон — группа археологических памятников, расположенных в пределах сравнительно-ограниченного пространства, которое можно рассматривать как экологическую нишу с устойчивой природно-географической обстановкой. К «экологической нише» он предлагает отнести геоморфологические, гидрологические, климатические и другие условия, максимально обеспечивающие возможности сложения и функционирования устойчивого комплекса хозяйственно-культурного типа.

АМР — устойчивая система, включающая в свой состав два основных обязательных компонента: комплекс природно-географических условий и сообщество людей. Размеры АМР (протяженность, биологическая емкость природы, количество народонаселения) могут быть различными. Следует учитывать не только насыщенность археологических памятников культурными остатками, не только количество самих археологических памятников, но и весь комплекс природно-географических условий [1; 29–43].

АМР, по определению А.Т.Синюка, охватывает зону действия устойчивой хозяйственной структуры отдельной социальной единицы. Выделение микрорайона, по его мнению, должно быть построено на анализе материалов памятников, близких по пространственно-временным и технико-типологическим параметрам [3].

Суммируя изложенное выше, следует заключить, что АМР занимает определенную экологическую нишу, в границах которой наиболее успешно реализуются возможности обитающего в пределах этой ниши социума. Емкость определенной ниши регулируется естественными факторами, которые в реальных условиях региона могут быть разными. Так, в условиях засушливого климата территории Центрального Казахстана АМР могли занимать следующую экологическую нишу, где: а) преобладала охотничья направленность хозяйства; б) преобладало скотоводческое хозяйство; в) в незначительной степени существовало земледелие (по берегам рек); г) все перечисленное могло существовать в комплексе при разном соотношении, в зависимости от реальных условий.

По мнению В.И.Матющенко [2; 24], сочетание разных хозяйственных комплексов может прослеживаться в АМР разной степени рассеянности, причем, как он отмечает, чем больше степень рассеянности АМР, тем больше территория экологической ниши.

В.И. Матющенко предлагает следующую классификацию АМР по признаку насыщенности памятниками: АМРк — концентрированный и АМРр — рассеянный. АМРк представляет сосредоточение на одной ограниченной площади нескольких археологических памятников разного типа (могильник, поселение, клады, жертвенные места и т.д.) и разного времени (каменного, бронзового века), располагающихся один над другим в виде соответствующего культурного слоя. АМРр — группа памятников, располагающихся на достаточно обширной территории (берега одного или нескольких озер, бассейнов средней величины реки или нескольких соседних рек и речек). В зависимости от плотности памятников в пределах АМРр можно различать АМРр первой, второй и т.п. степеней [4; 50–57].

В.И.Матющенко [5] предлагает ограничивать АМРк не самой насыщенной частью комплекса, а самыми крайними выявленными находками любого хронологического горизонта комплекса. АМРк рассматриваются как один из объектов АМРр. АМРр должен обязательно включать несколько памятников, среди которых могут быть и АМРк. Исходя из этого границы АМРк определяются границами многослойного памятника.

Представляет определенные сложности определение границы АМРр независимо от степени концентрации археологических памятников. Границы АМРр любой степени определяются, согласно В.И. Матющенко [5], двумя факторами. Один из факторов — объективный — определяется соотношением хозяйственно-культурного типа населения АМР и экологической ниши, в которой располагается АМР. И определяющим будет размер экологической ниши. Вторым фактором субъективен, он определяется степенью изученности региона, в пределах которого размещается АМРр. Оба перечисленных фактора могут быть показательными и способствовать определению границ, если большой АМРр включает в свой состав ряд АМРр меньших размеров [5].

В Центральном Казахстане находятся сходные по определениям, приведенным выше, памятники, которые можно объединить в археологические микрорайоны, что немаловажно для комплексного, целостного исследования археологических памятников и охраны природного ландшафта прилегающей к ней территории, а также вовлечение археологического наследия нашей страны в историко-культурный туризм.

Большое скопление археологических памятников зафиксировано недалеко от областного центра области — г. Караганды. Это памятники Тегисжольского археологического микрорайона. Они находятся в урочище Темиркаш на левом берегу р. Нуры, в 10 км западнее г.Темиртау. На западе комплекс ограничен долиной р. Нуры, с севера, востока и юга территорию урочища обрамляет вытянувшийся дугой низкогорный массив Койтас [6; 199–202]. Урочище Темиркаш было заселено людьми эпохи энеолита. Это было выявлено в результате работ экспедиции КарГУ им. Е.А.Букетова в 1989 и 2002–2010 гг.

Археологический микрорайон включает памятники эпохи неолита-энеолита, бронзового, раннего железного века и средневековья.

К эпохе камня в урочище относятся стоянки Тегисжол 1 и Тегисжол 2. На поздний возраст стоянок указывает отщеповый характер микролитического инвентаря [7; 43–44]. Несколько памятников относятся к бронзовому веку — поселения Темиркаш, Тегисжол 1, Тегисжол 2, могильники Темиркаш и Тегисжол [6; 199–202]. В 1 км к северу от могильника Тегисжол находится поселение Темиркаш [8; 65–72]. Оно расположено на надпойменной террасе р. Нуры, площадь памятника составляет около 8000 кв. м [9; 131–133], в культурном слое поселения найдена алакульская, федоровская и валиковская керамика. В 500 метрах южнее могильника Тегисжол находится поселение Тегисжол с алакульской керамикой [8; 65–72]. Самый южный памятник — поселение Тегисжол 2 с посудой алакульского и федоровского облика.

Эпоха ранних кочевников представлена курганами в могильнике Темиркаш и одиночными земляными и каменными насыпями, разбросанными по урочищу [8; 65–72]. В урочище Темиркаш сохранился курган с «усами» (длина усов ок. 180 м), рядом с ним древнетюркская каменная ограда [8; 65–72]. Курганы с «усами», традиционно относимые к тасмолинской культуре, многочисленны в Сарыарке [10; 79].

Самыми поздними объектами Тегисжольского микрорайона являются памятники этноархеологии — развалины казахских зимовок, оставленных обитателями в начале 30-х годов XX вв. [6; 199–202].

Урочище Темиркаш имеет типичный для Центрального Казахстана холмисто-долинный ландшафт с типчаково-ковыльно-полынной растительностью, произрастает караганник. Почвенный состав в урочище представлен черно-буро-коричневым комплексом [11]. В пойме р. Нуры расположены тугайные заросли из ивы, шиповника, клена, камыша. Берега Нуры в пойме покрыты разнотравно-луговой флорой, в реке водятся несколько видов рыб [6; 199–202]. Представлены: щука, речной окунь, карась, плотва [12; 186]. Фаунистический комплекс включает сусликов, сурков, хомяков, волков, лис, корсаков, зайцев; из птиц — жаворонков, куропаток, различных водоплавающих. Пойма р. Нуры и равнинные береговые участки частично распаханы, частью используются как пастбища [6; 199–202]. Средняя многолетняя температура воздуха в январе –15–17, в июле +19–21 °С. Среднегодовой объем осадков 300–350 мм [11].

Жезказганский регион Центрального Казахстана представлен солидным скоплением археологических памятников, который находится в 80 км к северо-западу от г. Жезказгана, непосредственно у автомобильной трассы Жезказган-Астана, на берегу р. Жезды, у поселка Талдысай. Здесь на площади около 15 кв. км открыты местонахождения с каменным инвентарем (Талдысай 2,3, Аякбулак, Сарыбулак 1–3, Талдыбулак 1,2, Тасбулак 1–3, Токтаул), поселение металлургов эпохи бронзы Талдысай, могильник, относящийся к той же эпохе, могильник эпохи ранних кочевников, средневековое поселение Баскамыр, сторожевая башня, предположительно отнесенная исследователями к эпохе средневековья, пещера со следами обитания в древности и в средневековье [13; 23–29].

Установлено неоднократное обживание территории поселения Талдысай. Первый этап заселения связан с населением, специализировавшимся в металлургическом производстве, а второй — со скотоводческим типом хозяйства [13; 23–29].

В Талдысайском микрорайоне повсеместно в долинах рек, ручьев и озерных впадинах встречаются луговые, лугово-разнотравные травостои на лугово-каштановых, лугово-болотных и лугово-солонцеватых почвах. Животный и растительный мир характерен для полупустынных регионов. Флора представлена полынно-ковыльно-репейниковым комплексом, фауна — сусликами, тушканчиками, волками, лисами, корсаками, зайцами, сурками, изредка встречается сайгак и кабан. Климат резко континентальный и засушливый, зима холодная, лето жаркое, сухое [14].

Археологический комплекс Айбас-Дарасы находится в Улытауском районе Карагандинской области, в 180 км к северо-западу от города Жезказгана. Комплекс расположен в долине р. Айбас, окруженной с востока и северо-востока горным хребтом Улытау, а с юга — хребтом Едыге. Комплекс представлен разновременными памятниками: неолитической стоянкой, могильником Айбас-Дарасы и поселением Айбас-Дарасы эпохи бронзы, тюркскими и кыпчакскими каменными оградами, казахскими погребениями XIV–XVII вв. Рядом с комплексом, в глубине ущелья, расположено средневековое городище Айбас-Дарасы [15; 135–136, 16].

В растительном покрове Улытауских гор сочетаются злаково-полынные, полынные и полынно-солянковые комплексы на светло-каштаных и бурых почвах. Животный и растительный мир характерен для полупустынных регионов. Флора представлена полынно-ковыльно-репейниковым комплексом. Фауна — зайцами, сурками, сусликами и тушканчиками, волками, лисами, корсаками, изредка встречается сайгак, кабан. Климат резко континентальный и засушливый, зима холодная, лето жаркое, сухое [14].

Высокая концентрация памятников наблюдается в Кентском горно-лесном массиве Каркаралинского национального государственного природного парка, особенно в долине речки Кызылкеныш. На участке примерно в 10 км от с. Кент (Комсомол), вверх по течению р. Кызылкеныш зафиксировано множество памятников разных археологических эпох.

Памятники первой половины голоцена — стоянки Акимбек, Донгал, Нарбас, Домалактас [15; 205–206].

Поселения: Акимбек (слои неолита, алакульской, федоровской и бегазы-дандыбаевской культур); Домалактас (неолит, бегазы-дандыбаевская культура), Донгал (бегазы-дандыбаевская культура), Кызылтас (бегазы-дандыбаевская, федоровская культура), Нарбас (бегазы-дандыбаевская культура, позднее средневековье), Кент, Найза, Кызылтас I, Байшура (все — бегазы-дандыбаевская культура) [16; 139, 20; 30–40].

Могильники: Кызылкент, Кент, Тасырбай, Кыштан, Кызылтас, Кызылтас I, Дермен, Нарбас, Донгал, Енбек-Суйгуш (бегазы-дандыбаевская культура); Тасырбай 1, Тасырбай 2, Акимбек, Акимбек I (андроновские памятники); курганы с усами; курганы раннего железного века и средневековья, древнетюркские ограды [16; 139, 20; 30–40].

В Кызылкентском ущелье находится один из интереснейших археологических памятников — Кызылкентский дворец [16; 207], который оставлен джунгарами и датируется второй половиной XVII в. В межгорных долинах множество развалин старых казахских зимовок.

Горы Кентского массива сложены пермскими и каменноугольными гранитами. Самая высокая вершина массива — гора Кент с абсолютной высотой 1469 м. Относительное превышение над окружающей степной равниной 200–500 м. Протяженность с севера на юг около 15 км, с запада на восток — около 30 км. Главная река массива — Кызылкеныш, длиною около 25 км. Он больше напоминает крупный ручей, имеющий родниковое питание и не пересыхающий в пределах горной долины даже в очень засушливые годы. Воды реки пересыхают или уходят в песок речного ложа недалеко от места впадения ее в р. Талды. Долина р. Кызылкеныш — Кызылкентское ущелье с многочисленными логовами и распадками. Помимо этой реки на территории Кентского массива протекают следующие речки: Карагаш, Аккияк, Акжарык и др. [17; 88–99].

Горы Кент, входящие в состав Каркаралинского государственного национального природного парка, разнообразны в ландшафтном, флористическом и фаунистическом отношении. Западные склоны Кента, сложенные крупнозернистыми гранитами, весьма крутыми, расчленены узкими, скалистыми, подчас каньонообразными распадками. Их склоны покрыты сосновыми и сосново-берёзово-осиновыми лесами, а вершины и гребни — густыми, тёмно-зелёными зарослями можжевельника [16; 83–84]. Почвы черноземные, каштановые, солончаковые. Растут полынь, типчак, ковыль, камыш, жимолость, смородина, береза, сосна. Встречаются архар, волк, лиса, барсук, корсак, белка, заяц, сайгак; из птиц — беркут, гусь, утка, цапля и др. Климат резко континентальный, зима долгая, холодная, средняя температура января -14 – -16 °С. Лето жаркое, сухое, средняя температура июля $+19$ – 20 °С. Годовое количество атмосферных осадков 250–350 мм [11].

Источниками водопоя животных (волков, косуль, архаров и др.) Кентского массива, помимо рек и ручьев, являются котлованы (ванны) от 1 до 10 м в диаметре и до 1,5 м глубиной, расположенные на вершинах скал и наполненные талой и дождевой водой [16; 83–84].

На территории Актогайского района Карагандинской области находится интереснейший микрорайон археологических памятников — бегазинский. Он представлен археологическими памятниками эпохи бронзы, раннего железного века и средневековья.

Ярким памятником этого микрорайона является могильник Бегазы, который расположен на высокой террасе правого берега р. Бегазы (р. Каратал), в котловине, окруженной со всех сторон горами Кызыларай, в 18 км выше впадения р. Бегазы в р. Тоқыраун, в 40 км к юго-востоку от поселка Актогай. Он отличается разнообразием погребальных сооружений. В нем сосредоточены могилы, начиная с эпохи бронзы и кончая поздними кочевниками и современными казахскими погребениями [18; 125, 22; 152].

Бегазинский археологический микрорайон составляют могильники Бегазы (бегазы-дандыбаевская культура), Бегазы 2 (РЖВ), Бегазы-3 (разновременный — эпоха бронзы, РЖВ), могильник Бегазы 3А (возможная дата — позднее средневековье), могильники Бегазы 3Б (эпоха бронзы, РЖВ), Бегазы 3В, Бегазы 4, Бегазы 5, Бегазы 11, Ибрай, Каратал 1 (разновременный — эпоха бронзы, РЖВ, средневековье), Каратал 2 (разновременный — РЖВ), Каратал 3 (РЖВ), Каратал 4 (разновременный — эпоха бронзы, РЖВ, средневековье), Каратал 5 (РЖВ) [19; 25–32].

Помимо перечисленных нами памятников, на территории Бегазинского микрорайона имеется большое количество археологических памятников, которые находятся в непосредственной близости от бегазы-дандыбаевских мавзолеев.

В полосе засушливых степей горы Кызыларай (высшая точка — гора Аксоран высотой 1565 м) являются естественным продолжением Каркаралинско-Кентских низкогорий. Фауна представлена животными: архарами, косулями, сайгаками, кабанями, волками, лисами, зайцами, горностаями, корсаками, барсуками, хорьками, сурками, ондатрами; из птиц: куропатки и др. Растительный комплекс представлен степными и петрофильными видами. Большое количество видов растений создает прекрасные возможности для хозяйственной деятельности. Заросли кустарников разнообразны по своему видовому составу: можжевельник казачий, таволга зверобоелистная и городчатая, жимолость мелколистная и татарская, шиповник колючейший [20]. Климат резко континентальный, средняя температура в январе на севере -16 °С, на юге -14 °С, в июле на севере $+16$ °С, на юге $+24$ °С. Средний объем годовых осадков на севере 350 мм, на юге 150 мм [11].

Атасуский археологический микрорайон на границе степи и пустыни представлен такими памятниками археологии, как поселение и могильник Атасу I, поселение и могильник Мыржык I, посе-

ление и могильник Ак-Мустафа, поселение Акмая, могильники Койшоки I, II, III, могильники Сангру I, II, III [10]. Все археологические памятники находятся в непосредственной близости друг от друга (в пределах 2–3-х км). Археологические памятники Атауского археологического микрорайона относятся к развитой бронзе и к заключительному этапу, в меньшей степени исследованы эпоха РЖВ и средневековье. Не исключено открытие новых археологических памятников, в частности, эпохи РЖВ и средневековья.

Атасу — левый приток р. Сарысу — принадлежит к числу типично казахстанских малых степных рек, пересыхающих в летнее время, она имеет снеговое и родниковое питание. Ландшафт в месте течения р. Атасу представлен тремя типами: мелкосопочным, низкогорным и полупустынным. Географические участки первого и второго приходятся на верховья реки. Почвы здесь светло-каштановые со степными солонцами, растительность — полынь, ковыль, караганник. На горных каштановых почвах преобладают полынно-ковыльно-типчакковая растительность [21; 51–56]. Животный мир разнообразен, встречаются представители пустынного, степного, лесостепного фаунистических комплексов. Из грызунов представлены тушканчик, хомяк, слепушонок, степная пищуха, заяц, полевка, суслик, и другие, из хищных — хорек, ласка, корсак, лиса, волк, из млекопитающих — архар, сайга (больше во время сезонных миграций) [10; 7]. Климат континентальный. Средняя температура воздуха в январе на юге — 13 °С, на севере — 17 °С, в июле на юге +26 °С, на севере +20 °С. Среднегодовое количество осадков 200–300 мм [11].

Выделенные ареалы памятников в конкретных природно-экологических нишах представляют собой конкретные археологические микрорайоны, формировавшиеся длительное время на протяжении всех археологических эпох.

Археологические памятники выделенных археологических микрорайонов охватывают период голоцена, который начался примерно 11 тысяч лет назад. Для этого периода С.А.Нигматова [22; 4–15] выделяет, исходя из палинологического изучения, несколько периодов: пребореальный, бореальный, атлантический, суббореальный и субатлантический. Пребореал (около 10200–9200 л.н. — соответствует мезолиту) характеризуется обогащением состава древесной растительности, снижением доли пыльцы полыней и повышением содержания злаков и разнотравья, что указывает на относительное потепление и снижение процесса континентализации климата. Бореал (9200–8000 л.н. — соответствует эпохе мезолита) характеризуется максимально высоким уровнем пыльцы травянистых растений и практически полным исчезновением сосны, т.е. существовали степные биоценозы. Для атлантического этапа (8000–5000 л.н. — соответствует археологической периодизации неолита) общим является возрастание доли пыльцы сосны, появление дуба, ольхи, вяза и липы. Роль степной растительности падает. Превышение современного уровня осадков на 100–120 мм в год. Суббореал (5000–2100 л.н. соответствует археологической периодизации неолит-энеолит-бронза) — состав палинологического комплекса характеризует его как наиболее неблагоприятный для произрастания древесной растительности. В составе травянистой флоры доминировали полынные группировки с примесью злаков и разнотравья. В раннесуббореальное время аридизация климата привела к снижению уровня озер, активизировались процессы их заболачивания. Субатлантик (2100 — и по современный период) фиксируется по резкому возрастанию содержания пыльцы сосны. Среднесубатлантическая фаза (1800–800 лет назад) — наиболее оптимальное в течение голоцена соотношение тепла и влагообеспеченности.

Климат Центрального Казахстана формировался в условиях пребореального, бореального, атлантического, суббореального и субатлантического этапов. Каждый этап характеризуется своими климатическими условиями, под влиянием которых шло развитие древнего человека и общества. Наиболее благоприятные экологические ниши интенсивно эксплуатировались населением с разными хозяйственно-культурными типами, что нашло отражение в соответствующих археологических памятниках Центрального Казахстана (Сарыарки).

Список литературы

- 1 Матющенко В.И. Археологический микрорайон в археологических исследованиях // Археологические микрорайоны Западной Сибири. — Омск: Изд. ОмГУ, 1997. — С. 29–43.
- 2 Нижнетарский археологический микрорайон / Под ред. Б.Г.Большаник, В.И.Матющенко. — Новосибирск: Наука, 2001. — 256 с.
- 3 Федюнин И.В., Чеkmenev Ю.А. О перспективах выделения Новохоперского археологического микрорайона (по данным разведок) / www3.vspu.ac.ru/historic/russian_hist/publish/amee_2002/fedun_chekmenev.htm (26.11.2009).

- 4 *Матющенко В.И.* Некоторые вопросы изучения археологических микрорайонов // Новое в археологии Прииртышья. — Вып. 3. Могильник на Татарском увале у д. Окунево (Ом VII). — Омск. — 2003. — С. 50–57.
- 5 *Матющенко В.И.* Один из путей углубленного изучения археологического материала и трансформации его в исторический источник // http://www.philosophy.nsc.ru/journals/humscience/3_99/05_MAT.htm (26.11.2009).
- 6 *Варфоломеев В.В.* Сохранение историко-культурного наследия и Нурунский «ARCHEON» // Историко-культурное наследие Сарыарки / Отв. ред. В.Г.Ломан. — Караганда, 2007. — С. 199–202.
- 7 *Баймамыров А.А., Ильин Р.В.* Новое поселение андроновской культуры в Центральном Казахстане // Материалы республиканского науч.-теор. конф. «Жуасовские чтения-12». — Караганда, 2008. — С. 43–44.
- 8 *Варфоломеев В.В.* Могильник Тегисжол по раскопкам 2005 года // Историко-культурное наследие Сарыарки / Отв. ред. В.Г.Ломан. — Караганда, 2007. — С. 65–72.
- 9 *Туева А.А.* Памятники Тегисжольского археологического микрорайона // Древняя и традиционная культура Казахстана в исследованиях молодых ученых. — Караганда: Санат, 2004. — С. 131–133.
- 10 *Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К.* Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки. — Алматы: Ғылым, 1992. — 247 с.
- 11 Административно-территориальное деление Карагандинской области http://shuak.kz/index.php?option=com_content&view=article&id=63:2009 (03.12.2010).
- 12 Караганды. Карагандинская область: Энциклопедия / Редкол. А.Е.Базарбаев, К.С.Алдажуманов и др. — Алматы: Атамұра, 2008. — 528 с.
- 13 *Артюхова О.А., Бирмуханова А.У., Мамиров Т.Б., Майгельдинов К.У.* Каменный век Талдысайского микрорайона // Сохранение историко-культурного наследия Сарыарки / Отв. ред. В.Г.Ломан. — Караганда, 2007. — С. 23–29.
- 14 Жезказган // <http://ru.wikipedia.org/wiki/gezkazgan> / (14.01.2009).
- 15 *Ломан В.Г., Бейсенов А.З., Евдокимов В.В., Толеуов Т.С.* Археологическая карта Каркаралинского района Карагандинской области. — Алматы: Иль тех кітап, 2004. — 256 с.
- 16 Восточная Сарыарка. Каркаралинский регион в прошлом и настоящем / Под ред. К.С.Алдажуманова, А.З.Бейсенова. — Алматы: Эверо, 2004. — 564 с.
- 17 *Варфоломеев В.В.* Кент и его округа // Степная цивилизация Восточной Евразии. Древние эпохи. — Т. 1. — Астана: Культгегин, 2003. — С. 88–99.
- 18 *Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев М.К.* Древняя культура Центрального Казахстана. — Алма-Ата: Наука, 1966. — 435 с.
- 19 *Бейсенов А.З., Варфоломеев В.В.* Могильник Бегазы. Центральный Казахстан в бегазы-дандыбаевскую эпоху. — Алматы: Эверо, 2008. — 112 с.
- 20 Карагандинская область <http://kazregion.kz/2010/03> (22.11.10).
- 21 *Жауымбаев С.У.* Горное дело и металлургия бронзового века Сарыарки. — Караганда: Изд-во КарГУ, 2001. — 165 с.
- 22 *Нигматова С.А.* Климатостратиграфия голоцена аридной зоны Казахстана // Известия НАН РК. Сер. геол. — 2008. № 5 (415). — С. 4–15.

Б.Б.Сейсенов, В.В.Варфоломеев

Сарыарқадағы археологиялық шағын аудандарды ерекшелеп бөлу мәселесі

Мақалада Орталық Қазақстанның (Сарыарқа) археологиялық шағын аудандарын айрықшалаудың мәселелері қарастырылады. Археологиялық шағын аудандардың ерекшеліктерінің факторларының бірі ретінде экологиялық қалтарыс қаралады. Орталық Қазақстанның бірнеше археологиялық шағын аудандарының археологиялық ескерткіштері көрсетіліп, олардың жекелеген археологиялық шағын аудандарға бөлу мүмкіндігі қарастырылады, олар: Тегисжол, Талдысай, Айбас-Дарасын, Кент, Бегазы және Атасу. Жекелеген табиғи-экологиялық рекреациялардағы археологиялық ескерткіштердің елеулі ізденістердің болашағы жорамалданады.

B.B.Seisenov, V.V.Varfolomeev

Problem isolation of archaeological neighborhoods in Saryarka

The article provides the problems of underlining the archeological micro districts of Central Kazakhstan (Saryarka). The ecological niche is observed as one of the factors of the detachment of archaeological micro districts. The article presents the archaeological remains of several archaeological districts of Central Kazakhstan and substantiates the possibility of allocating them to individual archaeological micro districts. These archaeological micro districts are: Tegiszhol, Taldysay, Aybas-Darasin, Kent, Begazy and Atasu. The perspective of priority searching of archeological monuments in separate natural-ecological recreations is foreseen.

Г.К.Шайжанова, А.Н.Мұқанова

*Е.А.Бөкетов атындағы Қарағанды мемлекеттік университеті***«Қалмақ» этнонимінің шығу тегі мәселесі**

Бұл мақалада «қалмақ» этнонимінің шығу тегі мәселесі қарастырылады. Қалмақтарға қатысты тарихи құжаттар мен дереккөздерге талдау жасалынады. Сонымен қатар «қалмақ» этнонимінің шығу тегі мәселесі бойынша монғолтанушылардың еңбектері талқыланады. Төменгі Еділ және Каспий бойында қалмақ халқының қалыптасу үрдісі екі ғасырға созылды (XVI ғ. аяғы –XVIII ғ. ортасы). Қалмақ хандығының құрылуы қалмақ халқының өзіндік санасының дамуы мен бекуіне ықпалын жасады. «Ойрат» атауы түркітілдес көршілері берген «қалмақ» атауымен біржолата ығыстырылады.

Кілтті сөздер: этноним, қалмақ, ойрат, монғол тайпалары, монғол тілі, ойрат одағы, буддизм, этникалық топтар, түріктер, түріклер.

Қалмақтар — Сегізөзен бойын мекендеген, XIII ғасырда белгілі болған ойраттар деп аталатын ежелгі монғол тайпаларының ұрпақтары. Бұл туралы «Сокровенное сказание» атты монғолдың дерегінде көрсетілген [1]. Парсы тарихшысы Рашид-ад-дин: «Олардың тілдері монғол тілі болғанына қарамастан, басқа монғол тайпаларының тілдерінен айырмашылығы бар» деп тұжырым жасайды [2; 47]. «Бірыңғай» монғол империясының құрылуы мен өмір сүру кезеңінде ойраттар бұл империяның құрамына енген. Алайда көптеген тайпалар бұл «бірыңғай» империяда өз дербестігін сақтап қалған, солардың арасында қалмақтардың аталары ойраттар да болған.

Шыңғыс хан империясы құлдыраған кезеңде Монғолияда феодалдық ыдыраушылық орын алғаннан кейін және 1368 ж. монғолдық басқыншыларды қытайлықтар өз жерлерінен қуып шыққаннан кейінгі кезеңде шамамен XIV ғ. аяғы – XV ғ. басында ойраттардың басшысы Мөңке-Темір болады. Оның өлімінен кейін Монғолияның шалғай солтүстік-батысы, Енисейдің жоғарғы ағысы, Оңтүстік Алтай, Шыңжанның солтүстік бөлігін және Ертістің жоғарғы бөлігін алып жатқан ойрат жерлері үш мұрагер — Махмұд, Тайпин және Баға-Бодод арасында бөліске түседі. Бұған қарамастан ойрат шонжарларының рөлі күшейе түсті. Оған дәлел ретінде 1434 жылы Махмұдтың ұлы, ойраттардың басшысы Тогонның иелігінде батыс қана емес, шығыс Монғолияның енгенін келтіруге болады. Оның ізбасары, баласы Эсен (1440–1455) кезінде монғол жерлерінің ойраттар төңірегінде монғол жерлерін жинақтау аяқталып, сонымен қатар қытайлық императордың әскерлеріне қатты соққы беріп, 1449 ж. Қытай императоры Ин-Цзунді үлкен олжамен тұтқынға алады [3].

Соған қарағанда, аталмыш кезеңде ойраттардың маңында монғол тайпалары — чонос, керейіт, меркіт, таджиуд, турхаут, абға, абғанер; түркі тілдес тайпалар — шығу тегі якуттық сохадтар, Байкал бойынан ойраттар бірге көшкен таулы алтайлықтар — теленгүттер, тувиндықтар — цаатандар, шығу тегі ұйғырлықтар — тярячиндар (тарачиндар). «Ойрат» сөзі жинақтық атау болған [4; 116]. Олардың құрамына өзара туыс тайпалар цоростар, шарядтар, шарнуттар, замудтар, харнуттар, батуттар, багуттар, туктундар, хойттар және т.б. кірген [5]. Аталмыш тайпалардың ішінде басқарушы, беделді, аристократиялық және саяси тұрғыда күштісі ойраттар болған. Ойрат одағына енген барлық тайпалар ойрат деген атаумен аталды. Осындай билеуші ру немесе тайпа институты өз бастауын ертеден алады. Ғұндар 24 тайпадан тұрған. Барлығынан ұрпақтар өрбіген, өзара араласпаған. «Тугэ тайпасы ең күштісі және құрметтісі» болған [6; 49]. Сол себепті олар барлық тайпаларды басқаратын шаньюйды тағайындай алатын болған [2; 146]. Түріктерде де сол сияқты (VI–VIII ғғ.) шығыс және батыс түріктерде жоғарғы лауазым, соның ішінде қаған Ашина әулетінен шыққандар құрады. Ұйғырлардың 15 ұрпақ болған, солардың ішінде ойхор койху немесе ұйғыр қуаттылығы жағынан бірінші орынды алған [6; 307]. Рашид ад-дин: «Монғол сөзі олардың руының атауына айналған және енді бұл атау монғолдарға ұқсас халықтарға да ауысқан, себебі аталмыш сөздің басқа тайпаларға қатысты жалпылама қолдануы монғол кезеңінен бастау алады... монғолдардың күш-қуатының салдарынан бұл өңірдегі тайпалар олардың атауын иеленді, сол себепті түріктердің басым бөлігін «монғолдар» деп атап кеткен» [2; 77], — деп бекітеді. Орталық Азия халықтарында барлық этникалық топты тілдерінің және шығу тегінің ұқсастығына қарамастан, күшті тайпаға тәуелділікке түсуіне байланысты басқарушы аристократиялық ру немесе тайпаның атымен атау әдетке айналған, дегенмен де өзіндік атаулары сақталып, қолданыла берген. Б.А.Рыбаков: «Процесс создания

племенных союзов и их постепенной консолидации, сопровождающийся распадом родовой общины, — это и есть процесс складывания народности. Союз племен может получить свое имя от одного из племен, входящих в него, или же может принять новое имя, обозначающее весь данный союз и имеющее нарицательное значение. Название народности еще чаще всего восходит и к имени отдельного племени, если оно было ядром и гегемоном всего союза» [7], — деп этнонимдердің пайда болу себептерін көрсетеді. Аталмыш құбылыстың қалмақтарға да қатыстылығын байқаймыз. Сонымен «ойрат» сөзі екі жақты мағынада қолданылады: этникалық және саяси. Ойраттарға бағынышты тайпалардың одақтағы саяси жетекші және күшті ойрат атауын қабылдаған деп топшылауымызға болады. Дегенменде ойрат халқының қалыптасу үрдісі әлі аяқталмаған еді.

Эсеннің билік құрған кезеңінде экономикалық жағынан күшейген жергілікті феодалдар оның орталықтанған билігіне тегеурінді қарсылық көрсетіп отырған. Бұл күрес Эсеннің қазасымен аяқталады. Монғолия тәуелсіз сыртқы және ішкі саясатын жүргізген жеке иеліктерге бөлініп кетеді.

XVI ғ. аяғында ойраттар арасында басталған бірігу әрекеті біртұтас мемлекеттің құрылуына әкелмеді. Ойраттардың халықаралық жағдайы күрт нашарлап кетті, оңтүстік және оңтүстік батыстан Моғолстан, шығыстан халха-монғолдар қысым көрсетті, сонымен қатар ішкі талас-тартыстар басылмады. Бұған тағы жердің жетіспеушілігі қосылды. Мал басы санының артуы жайылымның кеңеюін және жем-шөптің мол қорын қажет етті. Қалыптасқан жағдай ойраттардың бөлігі — хошут және хойт тайпаларының Кукунор ауданына көшуіне басты себеп болды. Ойраттардың басқа бөлігі жайылымдық жер іздеп солтүстікке Ертіс өзенінің ағысын бойлай Ресейдің қарамағындағы жерлерге жылжыды.

1607 ж. ресми орыс-ойрат қатынасы басталды. Сол жылдың қаңтарында Мәскеудің жарлығымен таралық қолбасшы Гагарин маңайға көшіп келген ойрат князьдарына олардың орыс азаматтығына көшуіне шақыру үшін елшілерін жіберді. 1607 ж. маусымда елшілікке жіберілгендер ойрат елшісімен бірге оралды. Орыс деректерінде ойрат елшісі өзінің ойраттардың ең мықты 50 билеушісі, олардың 45 бағыныштысы 120 мың ойрат тұрғындары атынан келгендігін және өз билеушілерінің атынан: «Воевати их не велети, и велети им быти под нашею царскою высокою рукою, и кочевати на нашей земле вверх по Иртышу к соленым озерам, а что де нам с них, с колмацких людей, имати годно коньми или верблюды или коровами, и они де тем нам бьют челом» [8; 22], — деп жеткізілген хабарламадан үзінді келтірілген.

Гагарин елшілігінің материалдарынан белгілі болғандай, ойрат билеуші князьдарының тобын дәрбэттік Далай мен торғауыттың Дзорикту басқарды. Дзориктудың ағасы Хо-Урлюк 1604 ж. олардан бөлініп, өз ұлы Кирасанмен бірге Ертіс бастауына қоныс аударды [9; 81].

Тара қолбасшысы ойрат билеушілерінің өтінішін қанағаттандыруға келісті. Оны Мәскеу қолдап, Гагаринге ойраттарға тағы да бір елшілігін жіберуді ұсынды, енді орыс патшасы атынан сөйлеуді тапсырды: «Наше царское жаловальное слово, что мы, великий государь, их пожаловали, велели им по их челобитию кочевати вверх по Иртышу и в-ыных местах, где похотят, и держати их велели их ото всех недругов от Казацкие орды и от Нагаи от иных недругов беречи и обороняти... а ясак велели есмь имати с них лошадыми и верблюды или иным чем, чтоб им не в нужду» [8; 22,23].

1607 ж. 21 қыркүйекте Тараға Далайдан 2-ші елшілік келеді, олар князьдардың бұрынғы өтініштерін жеткізді: «кочевать вверх по Иртышу к соляным озером и по Камышлову, и от Алтына-царя и от Казацкие орды велели их оберегати» [8; 24].

1608 жылы қаңтарда Тара қолбасшысы Мәскеуге Хо-Урлюк пен оның ұлының ұлыстарымен бірге Тара ауданына келгенін, қаладан үш күндік жерге қоныстанғанын, дәрбэт тайшасы Далайдың қолбасшыға Оми бойымен көшуге рұқсат сұрағанын, ал басқа тайшалардың Ертіс бойымен қоныс аударуын жалғастыруда екендігін жеткізді. Ойрат тайшалары бұрынғы өтініштерін қайталады: «Просят от Алтына-царя велети их оберегати, и ратных людей на него велети им давати, и город бы велети поставити на Оми реке от Тары 5 днищ, чтобы им тут кочевати было от Алтына-царя безстрашно. И будет тому городку учнет быти теснота от Алтын-царя, и они кроме того, соглашались давать ясак скотом, а собольми бы и лисиц черных пытати на них не велеть, потому что в их земли того зверя, только что съестъ» [9; 86].

Осы ақпаратты алған соң, Мәскеу үкіметі таралық қолбасшыға Далай және басқа ойрат билеушілеріне, оның ішінде Хо-Урлюкке жаңа елшілік жіберуді ұсынды, олар тайшаларды Мәскеуге, орыс патшасына өздерінің келулерін ұғындыруы керек еді. Патша оларды Алтын ханнан, ноғайлардан, қазақтар және басқа да жаулардан қорғауға кепілдік берді. Ойрат билеушілерінің келіп, орыс патшасымен келіссөз жүргізуіне Мәскеу мүдделі болды: «И будет они не поверят, и к нам,

великому государю, ехати не похотят, и вы бим для веры дали закладных дюдей, сколько человек пригож, и сами б естя им слово прямое на там дали, чтоб они ехали к нам безо всякого опасения, и ласку и привет к ним держали, и задору б им от наших дюдей ни в чем не было» [8; 25–27]. 1607 жылдың 20 қыркүйегінде Тараға Хо-Урлюктің өкілі келді, ол Орыс мемлекетімен бірге өмір сүруге дайын екендіктерін және Есіл мен Қамыстының бойымен көшуге рұқсат етуді, сонымен қатар сауда жасау үшін Тараға адамдар жіберуді сұрады. Тара қолбасшысы Хо-Урлюкке мынаны жеткізуді тапсырды: егер ол орыс азаматтығын қабылдасамаса, онда орыс жері арқылы көшіп, қонуға құқысы жоқ және ол жерден кетуі керек. Егер ол патшаға адал болуға ант берсе, онда оған орыс жері арқылы көшуге рұқсат беріледі [8; 28,29].

1609 жылы наурызда Томск қолбасшысының Мәскеуге жіберген хабарынан осыдан 6 ай бұрын Иван Белоголов бастаған Алтын хан мен Қытайға барған елшілердің тапсырманы орындамағаны белгілі болды, себебі бұл кезде Алтын хан мен ойрат билеушілері арасында соғыс жүріп жатқан еді. Алтын хан мемлекетінің басшысы мен ойрат билеушілері арасында соғыстың болғаны сенімсіздік тудырмайды: бірқатар құжаттарда халха-ойраттар арасында соғыс дүмпулерінің болғандығын дәлелдейді. Өкінішке орай, деректер осы оқиғаны егжей-тегжейлі баяндамайды. Тек соғыстың 1608 жылдың күзінде басталғандығы, ойраттардың жеңгендігі, олардың Алтын ханды қуғандығы белгілі [8; 32]. Бұл соғыстарға көптеген ойрат билеуші топ өкілдері қатысты, солардың қатарында Тара ауданына қоныстанып, дәрбэт маңына шоғырланғандар да болды. Ойраттарға қарсы соғысқа қазақ хандары мен сұлтандары қатысты. Бірақ ойрат князьдарының бірлігі ұзаққа бармады, көп ұзамай өзара күреске көшті. 1609 ж. наурызында Тарадан ойрат билеушілеріне П.Голубин бастаған елшілер жіберілді. Елшілер шілде айында Тараға оралып, қалмақ тайшаларының бірге көшіп, қонатынын және оларды Узеней тайшаның Абай атты жесірі басқаратынын, онымен бірге Кошевчей тайша қоса басқаратынын айтты [9; 91]. Орыс елшілерінің қатысуымен осы топқа кіретін билеуші князьдардың чулғаны өтті, оны Абай мен Кошевчей басқарды. Жиналғандар орыс жағының ойраттардың патшаның қол астына кіріп, адал болуға ант беру туралы, келісімге отырып, үнемі жасақ төлеп тұрулары және басшы тайшалардың Тара қаласына келуі туралы ұсыныстарын талқыға салды. Бірақ бұл ұсыныстар қабылданбады, себебі: «Ныне в Казачье орды промеж себя люди секутца» деп деректерде көрсетілген [8; 38]. Ойрат билеушілері өз тараптарынан Тара қолбасшының өзінің Ертіс бастауына келуін ұсынды, өзімен бірге саудагерлерді ала келуін сұрады. Орыс жағының Барабинск және басқа да болыстар тұрғындарына тиіспеу, ал егер арыздары болатын болса, Тара билеушілерінің қарауына әкелу туралы ұсынысына Абай былай жауап берді: «Посылать де о управе на тех татар к воеводам на Тару не хотят, управятца и сами» [8; 38–39].

Бұлардың бәрі ойрат феодалдарының халхалық Алтын хан мен қазақ билеушілерінен соғыста жеңіске жетуіне байланысты позицияларының бекінгенін білдіреді. Жағдайлардың өзгеруі ойрат билеушілері мен Ресей қатынасына да әсер етті. Олар енді орыс патшасынан өздерін жаудан қорғауды, қоныс аударуға рұқсат беруді өтінбейді, өздерінің адалдықтарына ант бермейді, жасақ төлемейді.

Ойрат князьдарының осы тобының ішінде болған өзгерістер де назар аударарлық, бұрын ол топты Далай басқарған, енді Узеней жесірі мен Кошевчей басқарады, Далай тіпті Голубин елшілігінің материалдарында еске де алынбайды, бұрын Хо-Урлюк жеке көшіп жүрген, енді ол басқалармен бірге орыс елшілері топқа кірген билеушілер арасындағы бірлік пен келісімшілікке назар аударды, ол қазақтарға қарсы жаңа шабуылдардың дайындығынан және жеңіске деген ұмтылыстан туындады [8; 41].

Орыс және шетел әдебиетінде бірнеше жылдар бойы ойраттардың негізгі массасынан Хо-Урлюк торғауыттарының қашан бөлініп, Еділге қоныс аударуы қашан басталғаны туралы мәліметтер талданады [10]. Габан-Шараб пен Батыр- Убаши-Тюменнің «Сказание» еңбектерін И.Я.Златкин талдай келе торғауыттардың бөлініп кету уақытын көрсетеді: «В году земли-дракона (1628 ж.) было сообщено (торғауыттар) дурбэн-ойратским нойонам об их намерении отделиться. В следующем году земли-змеи (1629 ж.) отделились» деген [9; 127]. Содан кейін «халимак» (қалмақтар) деген атқа ие болғанын, 1627 жылы Ойрат одағының ыдырағанын: қалмақтардың асығыс батысқа, хошоуттар — Тибетке, зюнгарлар (яғни чоростар) Зюнгар нутугында (яғни Жоңғарияда) қалғандығын айтады [9; 96]. Сонымен, екі автор да торғауыттардың ойрат қоғамынан бөлінуі 1627–1628 жылдарда болғандығын мәлімдейді. Габан-Шараб торғауыт нояндардың бірі болған және өзінің «Сказание» торғауыттар Еділге келгеннен кейін 100 жыл өткен соң жазған. Батыр-Убаши-Тюмен хошоут нояндарының бірі болған, олардың ата-бабалары дәрбэттермен де, чоростармен де туыстық

байланыста болған. Осының бәрі екі «Сказаниенің» авторларының хабарламаларына сеніммен қарауға негіз болады [8; 97].

Орыс деректері де Габан-Шараб пен Батыр-Убаши-Тюменнің айтқандарын дәлелдейді. 1630 жылдың сәуірінде Мәскеуде Далай тайшаның елшілері қабылданды, олар өз тайшаларының Қарақұмда көшіп жүргенін айтқан [8; 150]. Осы жылдары Далай мен Хо-Урлюк-Чохур-Мерген-Түмен тобы арасында әскери қақтығыстар болған. Мәскеуге келген Далай елшілерінің айтуынша, Чохур мен Мерген-Тюмен Далайдың жаулары болатын. Олардың арасындағы жауласу тек әскери қақтығыстар кезінде ғана емес, олар бір-біріне орыс билеушілерін қарсы қоюға тырысты, орыс елді мекендеріне жасалған шабуылдар үшін бірін-бірі кінәлады [8; 154, 172]. Далай мен Хо-Урлюк топтарының бөліну жағдайлары, жауласудың себептері туралы ештеңе білмейміз. Бірақ Габан-Шарабтың айтқандарына назар аудармасқа болмайды. Оның айтуынша, торғауыт билеушілері «дурбан-ойраттарға» (басты ойрат билеушілері) өздерінің бөлінетіндігін ескерткен, содан кейін ғана Еділге кеткен [8; 125]. Бұл факт мынаны дәлелдейді: үздіксіз қақтығыстарға, өшпенділікке, ішкі соғыстарға қарамастан, ойрат билеушілері жалпыойраттық маңызды мәселелерге келгенде өздерінің өзара байланыстарын сезінді, жеке қимылдамай, хандар мен князьдарға қарсы келмеуге ұмтылды. «Дурбан-ойраттардың» Хо-Урлюкке бөлінуіне келісім берген, бермегені белгісіз, алайда Хо-Урлюктің ұлдарымен бірге 1640 жылы жалпымонғол съезіне қатысқаны келтірілген қорытындыларды дәлелдейді [11].

XVI ғ. II жартысында орыс тарихи құжаттарында алғаш рет ойраттарға қатысты «қалмақ» сөзі кездесе бастайды. «Сібір жылнамасында» мынадай мәлімет келтірілген: «...бухарцы и калмыки, и казанские орды и иных земель с какими товары, и у них торговати повольно бесошлинно» [4; 120]. Бұл құжат 1574 ж. 30 мамырымен белгіленген. Кейінірек орыс құжаттарында қалмақ туралы хабарламалар жиі кездесе бастайды. 1591 ж. қалмақтар жөнінде көп кездеседі. Сондай мәліметтің бірі: «Утече на калмыцкий рубеж, на вершины рек Ишима и Нор-Ишима... похитил у калмыков коней многое число» [4; 126]. Бұдан байқайтынымыз, XVI ғ. 90 ж. ойраттардың көші Ертістің жоғарғы және Ом өзеніне дейін жеткен. 1605 ж. өзінде қалмақтар Тара қаласының төңірегінде көшіп-қонып жүріп Сібір тұрғындарымен байланысқа түскен. 1608–1609 жж. қалмақ елшілері Мәскеу қаласында Василий Шуйский патшаның қабылдауында болған [4; 74,75].

Жоғарыда келтірілген деректер негізінде ойраттарға қатысты «қалмақ» терминінің орыс деректерінде XVI ғ. II жартысында орыс деректерде бекітілді деп қорытынды жасау жеткілікті. Тек басы ашылмаған мәселе бұл атау барлық ойраттарға қатысты қолданылды ма, әлде тек Ресейге бағынышты Сібір территориядағы көшіп-қонушыларға ғана ма? 1630 ж. Габан-Шарабтың дерегі бойынша, ойраттардың кейбір бөлігі Орал және Еділ бойындағы татарларды ығыстырып қоныстанған.

XVII ғ. 60-жылдарына қарай ойрат-қалмақтар түркі тілдес тайпалар қоныстанған Орал және Дон аралығын мекендеді. Олардың солтүстігіндегі көші Волгоград облысының, оңтүстігінде — Кума өзеніне дейін жетті. Аталмыш территорияда жоңғарлық ойраттардан шыққан этникалық топ — қалмақ халқы құрылды [4; 126]. Сонымен Төменгі Еділ және Алдыңғы Кавказ даласында Қалмақ хандығының өмір сүру кезеңінде (XVII ғ. 50-жж. – 1771 ж.) осы жерге қоныс аударған ойраттардан монғолдар мен буряттарға туыс, өзіндік өмір сүру салты мен территориясы, тілі бар қалмақ халқы қалыптасты.

«Қалмақ» этнонимінің шығу тегі мәселесін анықтауға бағытталған зерттеу жұмыстарын көптеген ғалымдар жүргізген. Алғашқылардың бірі болып бұл мәселеге П.С.Паллас көңіл аударды. П.С.Паллас: «Элеты именно та ветвь монгольского народа, которая известна в Западной Азии и Европе под именем калмыков... оставшиеся на родине элеты получили от своих соседей татар прозвище «калмык», т.е. оставшийся позади» [12]. Бұл пікірді «қалмақ» этнонимінің өз жерлерінде қалған ойраттарға қатысты қолданылмағаны туралы дәйек жоққа шығарады. Оларды бұрынғыша дәрбэттер, торғауыттар, элеттер, жоңғарлар және т.б. атай берген. Қалмақ фольклорын зерттеуші Б.Бергманның түсініктемесі бойынша, татарлар мен монғолдар бір дінді ұстанған (яғни, шаманизм). Монғолдар буддизмді қабылдағанда, оларды қалмақтар — отступники деп атаған. Ал буддизмді қабылдамағандарды қалмақтар деп атамаған [13]. Белгілі француз монғолтанушысы А.Ремюза қалмақтар деп алға қарай кеткендерді, яғни «артта қалмағандарды», атаған деген қорытынды жасайды [14].

А.Позднеев «қалмақ» атауы татардың «қалмақ» (калмык) — бөлінгендер, қалып қойғандар (отделившийся, оставший) деп көрсетеді. Бұл атаумен Ресей империясының бір бөлігінде, Еділ мен Дон аралығындағы Қалмақ даласындағы, Алтайдағы монғолдардың батыс тармағын атайды [15].

В.В.Бартольд қалмақ сөзі *қалу* етістігінен шығады және исламға «қайтып оралған» (*донмек* етістігі) дүнгендерге қарсы пұтқа табынушылар қатарында «қалғандар», яғни, ойраттарға қатысты қолданылады деп тұжырымдайды [16; 538]. Аталмыш мәселені зерттеушілердің бірі Ц.Д.Номиханов В.В.Бартольдтың пікірін ең дұрысы деп санап: «Қалмақ» сөзі Шығыс Түркістан халықтарының арасында ислам дінінің таралуымен байланысты пайда болды және ислам дінін қабылдамаған ойрат-монғолдарды осылай атаған деген қорытынды шығарады [17]. Қ.Халид те осындай дерек келтіреді: «Шыңғыс алты шаһардан бастап Бағдад, Шам, Халаб, одан солтүстікте Орал, Дешті-Қыпшақ, Мауареннаһр, Монғолстанның солтүстік аймақтарын және Амур уялаятында тұрған татарларды өзіне қаратты. Соңынан мұның көбі мұсылман болғанда татар руының біразы өз дінінде қалып, шығысқа қарай ығысқан. Осы себепті оларға «қалмақ» аты қойылған деушілер де бар. Өйткені әдепкіде ешкім дінге зорламай еркіне қойып, ай өткен соң жиналып қалай болды дегенде: біз өз дінімізде қалмақ болдық деген. Қазақ та, қалмақ та бұл оқиғаны жақсы біледі» [18] деп, тарихи оқиғаның барысынан үзінді береді.

Жоғарыда келтірілген «қалмақ» атауының шығу тегі мәселесі бойынша тұжырымдар әлі де болса гипотеза түрінде берілген. Барлық авторлар тек «қалмақ» сөзінің аудармасын берумен ғана шектелген, бірақ әр түрлі аударарды: бірі «*қалу*» (оставаться) десе, кейбірі «*бөліну*» (отделиться). Сонымен қатар «ойраттардың шапшаң, қозғалмалы өмір сүруімен, көптеген жауларымен шайқастарда жылдам атты әскердің қозғалысымен» байланысты «хальмаг» атауы айтылады [4; 127]. Бірақ бұл халықтың этнонимді мобильді өмір сүру тәсіліне байланысты қабылдағаны туралы дәйектер жоқ. Жиірек этноним халыққа көршілері берген атаудан қалыптасады. Л.-Г.Морган: «Имя того или иного индейского народа обыкновенно узнавали не непосредственно от него самого, а от других племен, которые давали ему имя иное, чем собственное. В результате значительное число племен стало известно под именами, которые они сами не признают» деп тұжырымдайды [19]. Кейбір жағдайларда рудың немесе тайпаның атауы олардың тотемі болып табылады. Чонос, керяд және т.б. калмақтық этнонимдердің тотемге байланысты аталуы мүмкін. Сонымен қатар ру басшысының есімі де оның ұрпақтарының атауына айналуы жағдайы да орын алады. Мысалға, кейбір зерттеушілер *өзбек* этнонимін Алтын Орда билеушісі — Өзбек хан атауынан шығарады. *Ноғайлықтардың* атауы олардың ханы Ноғайдан бастау алады.

Хальмаг атауын «хольмг» — аралас (смешанный) сөзімен байланыстыру мәселесі де ұсынылған. Бұл лингвистикалық жағынан дұрыс емес. Хольмг және хальмаг — әр түрлі сөздер, шығу тегі бойынша *хольмг* сөзіндегі «о» *хальмаг* сөзіндегі «а» әріпіне ауыса алмайды, себебі қалмақ сөзінің түбірі түркітілді *қал* — қалу, орнында қалу, соңында қалу; *-мг-* — жұрнағы түрік-монғол тілдеріне қатысты [20].

В.В.Бартольд «қалмақ» сөзі, мұсылман деректері бойынша, географиялық термин ретінде XV ғ. дейін пайда болған деген мәлімет береді [16; 538].

Мына деректі де атап өткен жөн, VIII ғ. ортасына сәйкес келетін Ұйғыр қағанының құлпытасының өзінде «қалмысы», яғни, «қалып қойғандар» деген мағынаны білдіретін сөз кездеседі [21]. «Қалмақ» және «қалмысы» сөздері мазмұны, үлгісі бойынша ұқсас, бірақ бұл терминдердің ойраттарға және қалмақтарға да еш қатысы жоқ.

«Қалмақ» атауын Төменгі Еділ мен Алдыңғы Кавказ жеріне қоныс аударған ойраттарға көршілері түркітілдес халықтар берген. Г.-Ф.Миллер «қалмақтар» (калмыки) — татар сөзі, татарша «қалмақ» (калмак) деп айтылады және Еділден Обьқа дейінгі аралықта өмір сүретін татарлар арасында ғана қолданылады, ал сағайлық және Краснояр, Кузнецк татарлары қалмақтарды «уйряттар», яғни ойраттар, атауын қолданған деп қорытынды жасайды [22]. Г.-Ф.Миллердің пікірі орыс мұрағат құжаттарымен дәлелденген. XVI ғ. II жартысынан бастап Ресейге бағынышты жерлердегі көшіп жүрген ойраттар өзгеріссіз қалмақтар, Жоңғария жеріндегі ойраттар жоңғарлар деген атаумен аталынды [4; 179].

Сонымен, XVI ғ. аяғы – XVII ғ. басында орыс тарихи құжаттарына енген «қалмақ» термині біртіндеп Төменгі Еділ бойында құрылған этникалық топ — қалмақ халқын құраған ойраттарға қатысты атау болып қалыптасты. Бұл бұрынғы батыс ойраттардың рулық-тайпалық бөлінуі ұмытыла бастаған кезде болды. Әрине, жаңа этноним ондаған жылдың ішінде бекітіле қойған жоқ, оның халық санасына еніп, бекуі ұзақ уақытты қажет етті. Төменгі Еділ және Каспий бойында қалмақ халқының қалыптасу үрдісі екі ғасырға созылды (XVI ғ. аяғы – XVIII ғ. ортасы).

Қалмақ хандығының құрылуы қалмақ халқының өзіндік санасының дамуы мен бекуіне ықпалын жасады. «Ойрат» атауы түркі тілдес көршілері берген «қалмақ» атауымен біржолата ығыстырылды.

Әдебиеттер тізімі

- 1 Козин С.А. Сокровенное сказание. — М.: Наука, 1941. — 611 с.
- 2 Рашид ад-дин. Сборник летописей. — М.: Наука, 1952.
- 3 История Монгольской Народной Республики. — М.: Наука, 1967. — С. 159–161.
- 4 Эрдниев У.Э. Калмыки: ист.-этногр. очерки. — Элиста: Калм. кн. изд-во, 1980. — 284 с.
- 5 Эрдниев У.Э. Культура и быт калмыков. — Элиста: Калм. кн. изд-во, 1977. — С. 7.
- 6 Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. — СПб.: Типогр. воен.-учеб. заведений, 1851. — 485 с.
- 7 Рыбаков Б.А. Древние русы. — М.: Наука, 1987. — С. 118.
- 8 Материалы по истории русско-монгольских отношений: Сб. док. — М.: Наука, 1959. — 362 с.
- 9 Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. — М.: Наука, 1864. — 482 с.
- 10 Кундакбаева Ж.Б. Вопрос о перекочевке калмыков на Волгу в XVII в. в русской истографии конца XVIII – начала XX вв. // Вестник КазНУ. — Сер. История. — 2002. — № 1. — С. 33–35.
- 11 Гуревич Б.П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII–XVIII вв.: Документы и материалы. — М.: Наука, 1989. — С. 117.
- 12 Паллас П.С. Собрание исторических известий о монгольских народах. — СПб.: Изд-во АН, 1776. — С. 56.
- 13 Султанов Т. Кочевые племена Приаралья в XV–XVII вв. (вопросы этнической и социальной истории). — М.: Наука, 1982. — С. 97.
- 14 Смирнов П. Путевые записи по Калмыцким степям Астраханской губернии. — Элиста: Калм. кн. изд-во, 1992. — С. 245.
- 15 Бичурин Н.Я. Историческое обозрение ойратов, или калмыков, с XV в. до нашего времени. — Элиста, 1991. — С. 123.
- 16 Бартольд В.В. Сочинения. — Т. 1. — М.: Наука, 1968. — 620 с.
- 17 Илюмжинов К.Н. Калмыкия на рубеже веков. — М.: ЗелО, 1987. — С. 99–103.
- 18 Халид Қ. Тауарих хамса. (Бес тарих). — Алматы: Қазақстан, 1992. — 116-б.
- 19 Морган Л.-Г. Древнее общество. — Л.: Наука, 1934. — С. 67.
- 20 Древнетюркский словарь. — Л.: Наука, 1969. — С. 410.
- 21 Тихонов Д.И. Хозяйство и общественный строй уйгурского государства X и XIV вв. — М.: Наука, 1937. — С. 24.
- 22 Миллер Г.-Ф. История Сибири. — СПб.: Импер. акад. наук, 1750. — С. 179.

Г.К.Шайжанова, А.Н.Муканова

О происхождении этнонима «калмык»

В статье рассматривается проблема о происхождении этнонима «калмык». Анализируются основные источники и исторические документы по истории калмыцких народов, обсуждаются труды монголоведов о происхождении этнонима «калмык». Процесс формирования калмыцкого народа в степях Нижнего Поволжья и Прикаспия занял почти два столетия (конец XVI – середина XVIII в.). Возникновение Калмыцкого ханства способствовало развитию и укреплению общекалмыцкого самосознания. Название «ойраты» было полностью вытеснено этнонимом «калмыки», данным тюркскими соседями.

G.K.Shayzhanova, A.N.Mukanova

Problem of the origin of the ethnonyms «Kalmykia»

This article discusses the problem of the origin of ethnonym «kalmyk». This article examines the main sources and historical documents on the history of the kalmyk people. And we also discuss the works of Mongolian origin ethnonym «kalmyk». The process of formation of the kalmyk people in the steppes of the Lower Volga and the Caspian Sea took almost two centuries (the end of XVI–XVIII in the middle). The emergence of the Kalmyk Khanate contributed to the development and strengthening of kalmyk identity. Endoethnonym «oirats» has been completely superseded by the name «kalmyk», according to the turkic neighbors.

МЕРЕЙТОЙЛЫҚ ДАТАЛАР ЮБИЛЕЙНЫЕ ДАТЫ

К 65-летию Б.Е. Колумбаева

Колумбаев Бисембай Ергалеевич родился в марте 1946 г., в селе Кочки Кочковского р-на Новосибирской области. В 1965 г. закончил среднюю школу в с. Быструха Новосибирской области.

В 1965–1968 гг. служил в рядах Советской Армии. С 1968 по 1973 гг. учился в КазГУ им. С.М.Кирова на философско-экономическом факультете, по окончании которого ему была присвоена квалификация «Философ, преподаватель философии и обществоведения». После окончания университета (по направлению) он с 1973 по 1984 гг. работает преподавателем, старшим преподавателем Карагандинского государственного медицинского института. В 1983 г. Б.Е.Колумбаев в Диссертационном совете КазГУ им. С.М.Кирова защитил кандидатскую диссертацию на соискание ученой степени кандидата философских наук на тему «Общение как вид социальной деятельности человека».

С 1984 г. работает в коллективе Карагандинского государственного университета в качестве старшего преподавателя, доцента кафедры философии. В 1986–1988 гг. пребывал в должности СНС. С 1992 по 1994 гг. — заведующий кафедрой философии. В 1993 г. защитил докторскую диссертацию «Человеческое в человеке: мировоззренческий анализ». Докторская диссертация Б.Е.Колумбаева, защищенная по специальности 09.00.11 — «Социальная философия» в МГУ им. М.В.Ломоносова, получила высокую оценку ведущих российских философов Ю.Н.Давыдова, М.С.Кагана, Б.Т.Григоряна, В.С.Барулина и других.

В 1995 г. по инициативе Б.Е.Колумбаева и при поддержке ректора, профессора Ж.С.Акылбаева был создан факультет философии и психологии, деканом которого и был назначен молодой доктор наук. На этой должности он работает по 1998 г. За период его руководства факультет становится научным, исследовательским центром, готовящим специалистов в области философии, культурологии, религиоведения, психологии, политологии и социологии. Заслуги Б.Е.Колумбаева признаются на региональном и республиканском уровнях. В 1996 г. он становится действительным членом Академии естественных наук РК; в 1998 г. ему присваивается звание профессора кафедры философии; в 2000 г. он награждается нагрудным знаком «Отличник образования Республики Казахстан».

В 2002 г. Б.Е.Колумбаев вновь назначается деканом факультета философии и психологии, в должности которого он проработал по 2005 г.

За время его пребывания в должности декана на факультете были организованы кафедры «Политология и социология», «Психология», начата подготовка студентов по новым специальностям: «Культурология» и «Религиоведение». Знаменательным событием было открытие магистратуры по специальности «Философия». На факультете философии и психологии была введена практика приглашения зарубежных специалистов в области философии, психологии, культурологии, политологии, социологии для чтения лекций студентам и магистрантам. Ведущие ученые факультета, по инициативе декана, стали постоянно оказывать консультационную помощь в сфере социогуманитарных исследований, привлекаться в качестве экспертов государственными организациями и частными структурами.

Не без участия Б.Е.Колумбаева факультет философии и психологии добился права выступать в качестве ведущей организации по защите диссертаций на соискание ученых степеней по профилю кафедры философии. Он является членом, а затем неоднократно и председателем комиссии по подготовке и приему экзаменов в объеме кандидатского минимума по специальности «История и философия науки».

В течение ряда лет Б.Е.Колумбаев является редактором серии «История.Философия.Право» научного журнала «Вестник Карагандинского университета» им. Е.А.Букетова, который входит в перечень изданий, рекомендованных Комитетом по надзору и аттестации в сфере образования и науки Министерства образования и науки Республики Казахстан. Несколько лет он являлся членом Диссертационного совета по присуждению ученой степени кандидата философских наук при Евразийском национальном университете им. Л.Н.Гумилева.

Бисембаем Ергалеевичем создана научная школа, общее направление которой соответствует основным тенденциям развития онтологических проблем современной философской мысли. Основные направления научных исследований: проблема человека, экология, современный статус философии. Его научные достижения внедряются в учебный процесс при подготовке современных специалистов. Им разработаны новые курсы: «Философская антропология», «Социальная философия», «Диалектика и теория познания», «Проблема человека», «Онтология». Под его руководством защищена одна докторская, одна кандидатская и ряд магистерских диссертаций.

Им опубликовано около 60 научных работ, в числе которых 3 монографии, учебные пособия, статьи по онтологии, теории познания, философской антропологии, социальной философии, теоретической философии.

Б.Е.Колумбаев стремится к профессиональному росту, активно участвует в научно-теоретических и научно-практических конференциях различных уровней, принимает активное участие в общественной жизни университета, обладает большими организаторскими способностями, требователен к себе и другим, пользуется заслуженным авторитетом у студентов, преподавателей и сотрудников.

Поздравляя Бисембая Ергалеевича с юбилеем, мы, его коллеги по университету, его студенты, выпускники прошлых лет, коллектив кафедры философии и теории культуры, факультет философии и психологии, от всей души желаем ему здоровья, долгих лет и творческого горения.

Коллектив кафедры философии и теории культуры
КарГУ им. Е.А.Букетова

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Айтбаев О.** — профессор кафедры философии и теории культуры к.ф.н., Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова.
- Алимбаева Р.Т.** — доцент, к.п.н., кафедра психологии, Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова.
- Апполонова Е.С.** — психолог-консультант психологической студии «Шаг вперед», Караганда.
- Валиева Б.Х.** — преподаватель кафедры истории Казахстана и зарубежных стран, Павлодарский государственный педагогический институт.
- Варфоломеев В.В.** — доцент кафедры археологии, этнологии и отечественной истории к.и.н., Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова.
- Евдокимов В.В.** — профессор кафедры археологии, этнологии и отечественной истории д.и.н., Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова.
- Зиятдинова Ф.Н.** — доцент кафедры философии, социологии и педагогики к.п.н., факультет информационных технологий и управления, Башкирский государственный аграрный университет, Уфа, Россия.
- Зуева Л.И.** — доцент кафедры археологии, этнологии и отечественной истории к.и.н., Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова.
- Лошакова Т.Н.** — научный сотрудник, РГКП «Институт археологии им. А.Х.Маргулана» КН МОН РК, Алматы.
- Максименко Н.В.** — магистрант 2 курса исторического факультета, Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова.
- Мұқанова А.Н.** — археология, этнология және Отан тарихы кафедрасының аға оқытушысы т.ғ.к., Е.А.Бөкетов атындағы Қарағанды мемлекеттік университеті.
- Сактаганова З.Г.** — декан исторического факультета профессор, д.и.н., Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова.
- Сейсенов Б.Б.** — магистрант 2 курса исторического факультета, Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова.
- Солощенко П.П.** — ст. преподаватель кафедры философии и теории культуры, Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова.
- Усачук А.Н.** — старший научный сотрудник к.и.н., Донецкий областной краеведческий музей, Украина.
- Утебаева А.Д.** — магистрант 2 курса исторического факультета, Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова.
- Шайжанова Г.К.** — тарих факультетінің 2-курс магистранты, Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды мемлекеттік университеті.